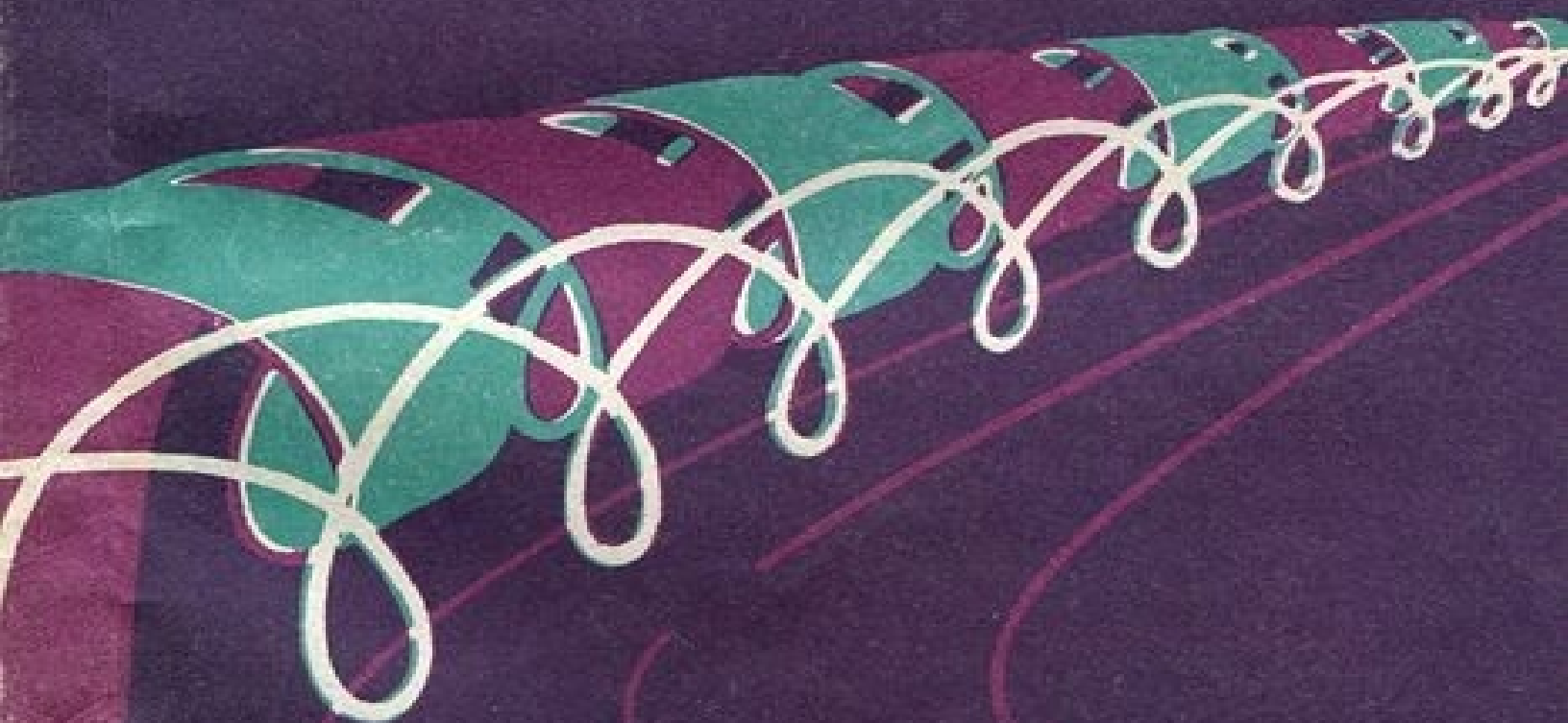


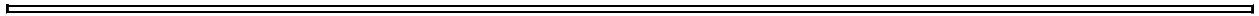
АРТУР КЛАРК



ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

- [Артур Кларк](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)



Артур Кларк
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ

Сверкающей драгоценностью лежал этот город на груди пустыни. Когда-то он знал перемен, снова и снова перестраивался, однако теперь Время обходило его стороной. Над пустыней ночь и день быстролетно сменяли друг друга, но улицы Диаспара не ведали тьмы — они постоянно были озарены полднем. И пусть долгие зимние ночи припорошивали пустыню инеем — это вымерзала последняя влага, еще остающаяся в разреженном воздухе Земли, — город не ведал ни жары, ни холода. Он не соприкасался с внешним миром: он сам был вселенная, замкнутая в себе самой.

Человек издавна строил города, но никогда прежде он не создавал такого, как этот. Множество из возведенных им людских муравейников просуществовали несколько столетий, а некоторые жили и целыми тысячелетиями, прежде чем Время унесло с собой их имена. И только Диаспар бросил вызов самой Вечности, обороняя себя и все, чему дал он приют, от медленного натиска веков, от разрушительности тления и распада.

С той поры, как был выстроен этот город, земные океаны высохли и пески пустыни замели планету. Ветром и дождями были размолоты в пыль последние горы, а Земля оказалась слишком утомлена, чтобы извергнуть из своих недр новые. Городу не было до этого ровно никакого дела; планета могла рассыпаться в прах, но Диаспар все так же бы защищал детей своих создателей, бережно унося их и все принадлежащие им сокровища по реке Времени.

Они многое позабыли, но не понимали этого. Ко всему, что было вокруг них, они приноровились столь же превосходно, сколь и окружающее — к ним, ибо их и проектировали как единое целое. То, что находилось за стенами города, ничуть их не интересовало: эта область бытия была вычеркнута из их сознания. Диаспар — вот все, что существовало для них, все, что им требовалось, все, что они могли себе вообразить. Для них равным счетом ничего не значило, что когда-то Человеку были подвластны звезды.

И все же время от времени древние мифы оживали, чтобы преследовать воображение жителей этого города, и людей пробиравал озноб, когда они припоминали легенды о временах Галактической Империи, — Диаспар был тогда юн и пополнял свои жизненные силы тесным общением

с мирами множества солнц. Горожане вовсе не стремились возвратить минувшее — им было так славно в их вечной осени... Свершения Галактической Империи принадлежали прошлому и могли там и оставаться, поскольку всем памятно было, как именно встретила Империя свой конец, а при мысли о Пришельцах холод самого Космоса начинал сочиться в их кости.

И, страхнув наваждение, они снова погружались в жизнь и теплоту родного города, в долгий золотой век, начало которого уже затерялось во времени, а конец отстоял на еще более невообразимый срок. Многие поколения мечтали об этом веке, но достигли его лишь они...

Так и существовали они в своем неменяющемся городе, ходили по его улицам, и улицы эти каким-то чудесным образом не знали перемен, хотя в небытие уже ушло более миллиарда лет.

...Им потребовалось несколько часов, чтобы с боем вырваться из Пещеры Белых Червей. Но и сейчас у них не было уверенности, что некоторые из этих мертвенно бледных тварей не перестали их преследовать, а мощь оружия беглецов была уже почти исчерпана. Плывущая перед ними в воздухе светящаяся стрелка — таинственный их проводник в недрах Хрустальной Горы — по-прежнему звала за собой. У них не было выбора — оставалось только следовать за ней, хотя, как это уже не раз происходило, она могла заманить их в ловушки еще более страшные.

Олвин оглянулся — убедиться, что никто из его товарищей не отстал. Алистра шагала вплотную за ним, держа в ладонях шар холодного, немеркнущего огня, который с самого начала их приключений в недрах Хрустальной Горы вырывал из тьмы то немыслимые ужасы, то неподражаемую красоту. Мягкое белое излучение шара озаряло узкий коридор, блики света плясали на сверкающих стенах; пока этот источник огня не иссякнет, они, по крайней мере, могли видеть, куда направляются, и в случае опасности — сразу же обнаружить любую видимую угрозу. Олвину, однако, слишком хорошо было известно, что самые страшные опасности этих пещер вовсе не относятся к числу видимых.

За Алистрой, покряхтывая под тяжестью видеопроекторов, тащились Нарилльян и Флоранус. Олвин мимолетно подивился, почему это проекторы сделаны такими тяжелыми, — ведь снабдить их гравитационными нейтрализаторами было совсем несложно. Он постоянно задумывался о таких вот вещах — даже в разгар самых отчаянных приключений. И когда его посещали подобные мысли, ему чудилось, будто ткань действительности испытывает какой-то мгновенный трепет, и за

пределами мира сиюминутных ощущений он схватывал вдруг проблеск другой, вовсе не похожей на эту, действительности...

Коридор оборвался стеной тупика. Неужели стрелка-поводырь снова их предала?.. Но нет — едва они приблизились к стене, как скала начала крошиться в пыль. Поверхность ее пронизало какое-то вращающееся металлическое копьё, которое стремительно утолщилось и превратилось в гигантский бурав. Олвин и его друзья отпрянули и стали ждать, чтобы неведомая машина пробила себе путь в пещеру. С оглушительным скрежетом металла по камню — он наверняка был слышен во всех пустотах горы и разбудил всех ее кошмарных обитателей! — капсула подземного вездехода проломилась сквозь стену и стала. Откинулась массивная крышка люка, в его проеме показался Коллистрон и закричал им, чтобы они поторопились. «Почему вдруг Коллистрон? — поразился Олвин. — Он-то что тут делает?» Через несколько секунд они были уже в безопасности кабины, и машина, кренясь, двинулась вперед — в путь сквозь земные глубины.

Приключение завершилось. Скоро как это случалось всегда, они окажутся дома, и все чудеса, ужасы и тревобления останутся позади. Они устали, но были довольны.

По наклону пола Олвин догадался, что вездеход направляется куда-то вниз, в глубь земли. Надо думать, Коллистрон знает, что делает, и таков именно и есть путь, ведущий к дому. И все же — какая жалость, что:..

— Послушай-ка, Коллистрон, — неожиданно нарушил молчание Олвин, — а почему это мы движемся не кверху? Ведь никто никогда не видел Хрустальную Гору снаружи. Вот чудесно было бы — выйти на одном из ее склонов, поглядеть на землю и небо... Мы ведь черт-те сколько пробыли под поверхностью...

Еще не dokonчив фразы, он каким-то образом уже понял, что говорит что-то неладное. Алистра придушенно вскрикнула, внутренность капсулы как-то странно заколыхалась — так колышется изображение, рассматриваемое сквозь толщу воды, — и через металл окружающих его стенок Олвин на краткий миг снова увидел тот, иной мир... Две реальности, похоже, боролись друг с другом — отчетливее становился то один мир, то другой... И затем, совсем внезапно, все кончилось. На долю секунды у Олвина возникло ощущение какого-то разрыва, и от подземного путешествия не осталось и следа. Олвин снова очутился в Диаспаре, в своей собственной, такой знакомой ему комнате, покоясь футках в двух над полом в невидимой колыбели гравитационного поля, оберегающего его от соприкосновения с грубой материей.

Он снова стал самим собой. Это и была реальность, — и он совершенно точно знал, что произойдет вслед за этим.

Алистра появилась первой. Поскольку она очень любила Олвина, то была не столько раздражена, сколько расстроена.

— Ах, Олвин, — жалобно протянула девушка, глядя на него сверху вниз с прозрачной стены, в толще которой она, как казалось, материализовалась во плоти. — У нас же было такое захватывающее приключение! А ты нарушил правила... Ну зачем тебе понадобилось все испортить..

— Извини. Я совсем не хотел... Я просто подумал, что было бы неплохо...

Одновременное появление Коллистрона и Флорануса не позволило ему закончить мысль. — Вот что, Олвин, — заговорил Коллистрон. — Ты прерываешь сагу уже в третий раз. Вчера все пришлось бросить, потому что тебе взбрело в голову выбраться за пределы Долины Радуг. А перед этим ты все испортил этой своей попыткой дойти по Тропе Времени, которую мы исследовали, до самого Возникновения. Если ты не станешь соблюдать правила, то тебе придется путешествовать одному!

Он исчез — вне себя от возмущения — и увел с собой Флорануса. Нарилльян — тот вообще не появился; вполне возможно, что он уже был сыт всем этим по горло. Осталось только изображение Алистры — она печально смотрела на Олвина.

Олвин наклонил гравитационное поле, встал на пол и шагнул к материализованному им столу. На нем вдруг появилась ваза с какими-то фантастическими фруктами... — собственно, Олвин собирался позавтракать вовсе не фруктами, но замешательство, в котором он пребывал, спутало ему мысли. Не желая обнаружить веред Алистрой ошибку, он выбрал из вазы плод, который выглядел наименее подозрительно, и принялся осторожно высасывать мякоть.

— Ну, так что же ты собираешься предпринять? — вымолвила наконец Алистра.

— Ничего не могу с собой поделать, — насупившись ответил он. — По-моему, все эти правила просто глупы. Да и потом — как же мне о них помнить, если я в данный момент живу в саге? Я просто веду себя таким образом, чтобы все было естественно... А разве тебе-то самой не хотелось взглянуть на Гору со стороны?

Глаза Алистры расширились от ужаса. — Но ведь для этого пришлось бы выйти наружу! — задыхаясь, произнесла она. Олвин уже знал, что продолжать с ней разговор на эту тему нет никакого смысла. Здесь

проходил барьер, который отъединял его от всех остальных граждан Диаспара и который мог обречь его на жизнь, полную отчаяния. Ему-то, сколько он себя помнил, всегда хотелось выйти **наружу** — и в реальной жизни, и в призрачном мире приключенческих саг. А в то же время для любого и каждого в Диаспаре «наружу» означало совершенно непереносимый кошмар... Если в разговоре можно было обойти эту тему, ее никогда даже не затрагивали: «наружу» — означало нечто нечистое и исполненное зла. И даже Джизирак, его наставник, не хотел объяснить ему в чем здесь дело.

Алистра все еще молча смотрела на него — с изумлением и нежностью — Тебе плохо, Олвин, — прозвучал ее голос. — А в Диаспаре никому не должно быть плохо. Позволь мне прийти и поговорить с тобой... Полагалось бы, конечно, проявить галантность, но Олвин отрицательно мотнул головой. Он знал, к чему приведет этот визит, а ему как раз сейчас хотелось побыть в одиночестве. Разочарованная вдвойне, Алистра растаяла.

В городе — десять миллионов человек, подумалось Олвину, и тем не менее не найдется ни одной живой души, с кем он мог бы поговорить по-настоящему. Эристон с Итанией на свой лад любят его, но теперь, когда период их опекуинства подходит к концу, они, пожалуй, даже радуются, что отныне он сам, по своему разумению станет выбирать себе развлечения и формировать свой собственный образ жизни. В последние годы, по мере того как его отклонение от существующих в городе стандартов становилось все более и более очевидным, он частенько ощущал холодок со стороны названных родителей. Холодок этот был вызван не его личностью — будь так, уж он смог бы все это правильно воспринять и преодолеть; нет, его породила обида на ничем не заслуженное невезенье, в силу которого из всех миллионов горожан именно им, Эристону с Итанией, по воле случая довелось первым повстречать Олвина, когда в тот памятный день — двадцать лет назад — он вышел из Зала Творения.

Двадцать лет... Он помнил тот первый момент и самые первые услышанные им слова: «Добро пожаловать Олвин. Я — Эристон, твой названный отец. А это — Итания — твоя мать». Тогда эти слова не означали для него ничего, но память запечатлела их с безупречной точностью. Он вспомнил, как оглядел тогда себя; теперь он уже подросток на пару дюймов, но, в сущности, тело его едва ли изменилось с момента рождения. Он пришел в этот мир почти совершенно взрослым, и когда — через тысячу лет — наступит пора покинуть его, он будет все таким же, разве только чуточку выше ростом.

А перед тем — первым — воспоминанием зияла пустота. Настанет день, и она, возможно снова поглотит его сознание. Но день этот отстоял еще слишком далеко, чтобы пробудить в душе хоть какое-то чувство.

Олвин снова обратил мысли к тайне своего рождения. Ему вовсе не представлялось странным, что в некий неощутимо краткий миг он мог быть создан могуществом тех сил, что создавали и все предметы повседневности, окружающие его. Нет, в этом-то как раз не было ничего таинственного. Настоящей загадкой, до разрешения которой он до сих пор так и не смог добраться, которую никто не хотел ему объяснить, была эта его непохожесть на других.

Не такой, как другие... Слова были странные окрашенные печалью. И ходить в непохожих — тоже было и странно и грустно. Когда о нем так говорили — а он частенько слышал, что о нем говорят именно так, когда полагают, что он не может услышать, — да в словах этих звучал некий оттенок многозначительности и в нем содержалось нечто большее, нежели просто какая-то возможная угроза его личному счастью.

И названные родители, и его наставник Джизирак, и все, кого он знал, пытались уберечь его от тайной правды, словно бы хотели навсегда сохранить для него неведение долгого детства. Скоро все это должно кончиться: через несколько дней он станет полноправным гражданином Диаспара, — и ничто из того, что ему вздумается узнать, не сможет быть от него скрыто.

Почему, например, он не подходит для участия в сагах? В городе увлекались тысячами видов отдыха и всевозможных развлечений, но популярней саг не было ничего. В сагах вы не просто пассивно наблюдали происходящее, как в тех примитивных развлечениях бесконечно далекого прошлого, которым изредка предавался Олвин. Вы становились активным участником действия и обладали — или это только казалось? — полной свободой воли. События и сцены, которые составляли основу приключений, могли быть придуманы давно забытыми мастерами иллюзий еще бог знает когда, но в эту основу было заложено достаточно гибкости, чтобы стали возможны самые неожиданные вариации. Отправиться в призрачные эти миры — в поисках тех острых ощущений, которые были недоступны в Диаспаре — вы могли даже с друзьями, и, пока длилось выдуманное бытие, не существовало способа, который позволил бы отличить его от действительности. Строго говоря, кто мог быть уверен, что и сам Диаспар не был лишь сном?

Никому не удалось бы проиграть все саги, созданные и записанные с начала существования города. Они воздействовали на все человеческие

чувства, а утонченность их не знала границ. Некоторые из них — эти были особенно популярны среди молодежи — являли собой драматургически несложные сюжеты, накрученные вокруг всякого рода приключений и открытий. Иные были чистой воды исследованиями психологических состояний человека. Но существовали и особые разновидности саг — экскурсии в область логики и математики, способные подарить изощреннейшее наслаждение наиболее утонченным умам.

И все же, у Олвина эти саги — хотя они, похоже вполне удовлетворяли его товарищей — порождали ощущение какой-то неполноты. Несмотря на всю их красочность и богатство предлагаемых переживаний, несмотря на калейдоскоп сюжетов и мест действия, ему в них постоянно чего-то не доставало.

Да ведь эти саги, подумалось ему, в сущности, всегда бесплодны. Всякий раз они ограничены такими узкими рамками... Саги никоим образом не могли предложить Олвину простора, открытых взору пейзажей, по которым так тосковала его душа. И наконец, ни в одной из них и намек не было на громадность пространств, в которых свершали свои подвиги люди древности, — не было ни малейшего следа мерцающей пустоты между звездами и планетами. Художники — создатели саг — были заражены той же самой удивительной фобией, что владела сознанием всех граждан Диаспара. Даже путешествия и сагах обязательно происходили лишь в тесных, замкнутых пространствах, в подземных пещерах или в ухоженных крохотных долинах в обрамлении гор, закрывающих от взора весь остальной мир.

Объяснение этому могло быть только одно. Давным-давно, быть может еще до основания Диаспара, произошло нечто такое, что не только лишило Человека любознательности, честолюбивого порыва к неизведанному, но и отвратило его от Звезд — назад, к дому, искать убежища в узеньком замкнутом мирке последнего города Земли. Он отказался от Вселенной и возвратился в искусственное чрево Диаспара. Пылающее неостановимое стремление, что вело его когда-то через бездны Галактики, сквозь мрак к островам туманностей за ее пределами, бесследно угасло. На протяжении неисчислимых эпох ни один космический корабль не появлялся в пределах Солнечной системы! Там, среди звезд, потомки Человека, быть может, все еще возводили империи и разрушали светила... — Земля ничего об этом не знала и не хотела знать.

Земле все это было безразлично. Олвину — нет.

...Все в комнате было погружено в темноту — кроме одной, светящейся изнутри стены, на которой, по мере того как Олвин сражался со своими видениями, то отливали, то снова набирали силу разноцветные волны. Кое-что на этой рождающейся картине вполне его удовлетворяло — он к примеру, прямо-таки влюбился в стремительные очертания гор, вздымающихся из моря. В этих изломанных силуэтах жили сила и горделивость. Олвин долго, изучающе смотрел на них, а затем ввел изображение в блок памяти визуализатора, где оно должно было храниться, пока он экспериментирует с остальной частью картины. И все же что-то ускользало; хотя он никак не мог уразуметь — что же именно. Снова и снова пытался он заполнить зияющие провалы пейзажа — хитроумная аппаратура считывала в его сознании теснящие друг друга образы и воплощала их на стене в цвете. Все впустую... Линии выходили расплывчатыми и робкими, оттенки получались грязноваты и скучны. Когда художнику неведома цель, отыскать ее для него не в состоянии даже самые чудесные инструменты...

Олвин оставил свое никуда не годное малеванье и угрюмо вперился в пустой на три четверти прямоугольник, который ему так хотелось заполнить Прекрасным. Прошла минута, потом еще одна... Повинуясь внезапному импульсу, он вдруг удвоил масштаб оставшейся части этюда и переместил ее в центр «полотна»... Нет такой выход из положения был продиктован просто ленью. И равновесия совсем не получилось... И, что было еще хуже, — изменение масштаба обнажило все изъяны исполнения, полное отсутствие уверенности в этих линиях, которые сперва смотрелись такими твердыми... Надо было все начинать сначала.

«Полное стирание», — мысленно приказал он аппаратуре. Голубизна моря принялась выцветать, горы растаяли, словно туман, и в конце концов не осталось ничего, кроме чистой стены. Будто и не было этих красок и форм — и море и горы словно бы ушли в то же небытие, в бездне которого исчезли все моря и горы Земли еще за многие столетия до рождения Олвина.

Поток света опять залил комнату, и фосфоресцирующий прямоугольник на который Олвин проецировал свои видения, слился с окружающим, снова став просто одной из стен. Но стены ли это были? Человеку, никогда прежде не бывавшему в подобных помещениях, комната

и в самом деле представилась бы удивительной. Она была совершенно лишена каких-либо примечательных черт, в ней не было абсолютно никакой мебели, и поэтому наблюдателю со стороны показалось бы, что Олвин стоит в центре какой-то сферы. Взгляд не встречал линий, которые отделяли бы стены от пола и потолка. Здесь не было ровно ничего, за что можно было бы зацепиться глазу: пространство, окружающее Олвина, могло быть и десять футов, и десяти миль в поперечнике, — вот и все, что могло сказать зрение. Гостю-новичку было бы трудно не поддаваться искушению двинуться вперед, вытянув руки, чтобы попытаться обнаружить физические границы этого столь необычного места.

Но именно такие вот комнаты и были домом для большей части человечества на протяжении гигантского периода его истории. Олвину стоило только пожелать, и стены превращались в окна, выходящие, по его выбору, на любую часть города. Еще одно пожелание — и какой-то механизм, которого он никогда в жизни и в глаза не видел, наполнял комнату спроецированными, но вполне материальными предметами мебелировки — любыми, о каких бы только Олвин ни помыслил. «Настоящие» они или нет, эта проблема на протяжении последнего миллиарда лет мало кого волновала. Каждому было ясно, что все эти возникающие из ничего столы и кресла не менее реальны, чем то, что так успешно скрывается под личиной «твердого», а когда нужда в них проходила, их можно было просто вернуть в призрачный мир городских Хранилищ Памяти. Как и все остальное в Диаспаре, эта мебель не изнашивалась и никогда не изменялась, если только ее матрицы, находящиеся на хранении, не уничтожались преднамеренно.

Олвин уже почти трансформировал свою комнату, когда до его сознания дошел настойчивый сигнал, напоминающий позвякивание колокольчика. Сформировав мысленный импульс, Олвин позволил гостю появиться, и стена, на которой он только что занимался живописью, снова связала его с внешним миром. Как он и ожидал, в обрисовавшемся проеме стояли его родители, а чуть позади них — Джизирак. Присутствие наставника означало, что визит носит не просто семейный характер. Впрочем, даже и не будь здесь Джизирака, он бы все равно догадался об этом.

Иллюзия встречи с глазу на глаз была совершенна, и ничто не нарушило ее, когда Эристон заговорил. В действительности же, как хорошо было известно Олвину, Эристон с Итанией в Джизирак находились во многих милях друг от друга, только вот создатели города сумели подчинить себе пространство с той же безупречностью, с какой они покорили время.

Олвин даже не больно-то ясно представлял себе, где именно среди всех этих многочисленных башен и головоломных лабиринтов Диаспара жили его родители, поскольку с того времени, когда он в последний раз видел во плоти, они переехали.

— Олвин, исполнилось ровно двадцать лет, как твоя мать и я впервые повстречали тебя, — начал Эристон. — Тебе известно, что это означает. Нашему опекунству теперь пришел срок и ты отныне волен жить, как тебе заблагорассудится.

В голосе Эристона едва уловимо звучала грусть. Значительно ярче слышалось в нем облегчение, и, похоже, Эристон был даже доволен, что ситуация, существовавшая уже так давно, теперь может быть признана на законном основании. В сущности, Олвин обрел свободу взрослого человека за много лет до наступления установленного срока.

— Я тебя понимаю, — ответил Олвин. — Спасибо вам за то, что вы опекали меня, и я буду помнить вас в течение всех моих жизней.

Такова была формула ответа. Ему приходилось слышать ее столь часто, что она совсем потеряла какой-либо смысл, — так, набор звуков, лишенных значения. И все же выражение «в течение всех моих жизней» было, если вдуматься, странным. Все эти годы он лишь туманно представлял себе, что именно оно означало; теперь наступило время узнать это точно. В Диаспаре было много такого, чего он пока не мог уразуметь и во что ему предстояло вникнуть за столетия, простирающиеся перед ним.

В какой-то миг ему показалось, что Итания тоже хочет что-то сказать. Она подняла было руку, приведя в волнение светящуюся паутинку своего платья, но тотчас снова уронила ее. Потом с выражением явной беспомощности на лице повернулась к Джизираку, и только тут Олвин осознал, что его родители еще и чем-то встревожены. Он быстро перебрал в памяти события последних недель. Нет, в его жизни за это время не произошло ничего такого, что могло бы породить этот вот налет неуверенности и эту атмосферу едва заметной тревоги, что, казалось, окутывала Эристона в Итанию.

Тем не менее Джизирак, похоже, чувствовал себя вполне в своей тарелке. Он бросил вопросительный взгляд на Эристона и Итанию, убедился, что им нечего больше сказать, и начал лекцию, к которой готовился так много лет.

— Олвин, — заговорил он, — ты был моим учеником в течение двух десятилетий, и я сделал все, чтобы научить тебя обычаям этого города, подвести тебя к принадлежащему тебе наследию. Ты задавал мне множество вопросов и не на все из них я способен был дать ответ. К

постижению некоторых вещей ты еще не был готов, а кое-чего я и сам не понимаю. Теперь период твоего младенчества закончился, но детство — оно едва только началось. Направлять тебя — все еще мой долг, если ты, конечно, нуждаешься в моей помощи. Пройдет два столетия, Олвин, и ты возможно, начнешь разбираться кое в чем, касающемся этого города. Ну и, в какой-то степени, познакомишься с его историей. Даже я, хоть я уже и приближаюсь к окончанию своей нынешней жизни, видел менее четверти Диаспара и, вполне вероятно, — не более всего лишь одной тысячной доли его сокровищ...

Во всем этом для Олвина пока что не содержалось ничего нового, но как-то поторопить Джизирака — это было совершенно невозможным делом. Старик пристально смотрел на него через бездну столетий, и его слова падали, отягощенные непостижимой мудростью, накопленной за долгую жизнь среди людей и машин.

— Ответь мне, Олвин, — продолжал Джизирак, — спрашивал ли ты себя когда-нибудь — где был ты до своего рождения, до того момента, когда встретился лицом к лицу с Эристом и Итанией?

— Я всегда полагал, что меня просто не было... нигде... что я существовал только в виде матрицы в электронном мозгу города и ждал своей очереди быть сотворенным — вот и все...

Тут возле Олвина появился, слабо замерцал и тотчас же стал непрозрачным и твердым низкий диванчик. Он уселся на него и стал ждать продолжения.

— Ты, разумеется, прав, — последовал отклик. — Но это только часть ответа, и, в сущности, очень незначительная часть. До сих пор тебя окружали дети твоего возраста, а они не осведомлены об истине. Все они вскоре вспомнят свое прошлое — они, но не ты. Поэтому мы должны подготовить тебя, чтобы ты смог посмотреть фактам в лицо...

Ибо вот уже более миллиарда лет, Олвин, человеческая раса живет в этом городе. С тех пор как пала Галактическая Империя, а пришельцы возвратились на свои звезды, это — наш мир За стенами Диаспара нет ничего, кроме пустыни, о которой повествуют наши легенды...

Мы мало знаем о своих примитивных предках — только то разве, что это были существа с очень коротким жизненным циклом и что они, как это ни странно, могли размножаться без помощи электронных блоков памяти и синтезаторов материи. В ходе сложного и, по всей видимости, неуправляемого процесса ключевые начала всякого человеческого существа сохранялись внутри микроскопических клеточных структур, воспроизводимых в теле человека. Если тебе интересно, то биологи смогут

рассказать об этом более подробнее. Сам метод, однако не имеет для нас никакого значения — потому хотя бы, что от него отказались на самой заре Истории...

Человеческое существо, как и любой другой материальный объект, может быть описано матрично — в терминах его структуры. Матрица любого человека, и особенно та матрица, которая точнейшим образом соответствует строению человеческого мозга, является невероятно сложной. И тем не менее природа умудрилась вместить эту матрицу в крохотную клетку — настолько малую, что ее нельзя увидеть невооруженным глазом...

Все, что в состоянии совершить природа, может сделать и человек, хотя и на свой лад. Мы не знаем, сколько потребовалось времени, чтобы решить эту конкретную задачу. Быть может, на это ушло миллион лет — но что такое миллион лет? В конце концов наши предки научились анализировать и хранить информацию, которая в микроскопических деталях характеризует любое человеческое существо, и научились использовать эту информацию для того, чтобы воспроизводить оригинал ... ну хотя бы так, как ты только что воспроизвел этот вот диванчик...

Я знаю, Олвин, что все это тебе интересно, но я не в состоянии рассказать в подробностях, как именно это все делается. Каким именно образом хранится эта информация, не имеет значения, важна лишь она сама по себе. Она может сохраняться в виде слов, написанных на бумаге, в виде переменных магнитных полей или как определенным образом расположенные электрические заряды, Человек использовал все эти способы ее консервации, но также и многие другие. Достаточно сказать, что уже задолго до нас он умел сохранять себя — или, если выразаться более точно, — сохранять бесплотные матрицы, по которым ушедших людей можно было сызнова вызвать к существованию...

Все, это ты уже знаешь. Именно таким способом наши предки даровали нам практическое бессмертие и вместе с тем избежали проблем, возникающих одновременно с устранением смерти. Прожить тысячу лет в оболочке одного и того же тела — срок достаточно большой для любого человека. В конце такого периода воспоминания стискивают разум, и он жаждет только одного — отдохновения... либо возможности начать все с нуля...

Пройдет совсем немного времени, Олвин, и я стану готовиться к уходу из этой жизни. Я тщательно просею свои воспоминания, редактируя их и вымарывая из сознания те, которые мне не захочется сохранить. Затем я войду в Зал Творения — через дверь, которой ты еще не видел. Это дряхлое

тело перестанет существовать — так же как и само мое сознание. От Джизирака не останется, ничего, кроме целой галактики электронов, замороженных в сердцевину какого-то там кристалла...

Я буду спать Олвин, — спать сном без сновидений. И затем, однажды — быть может, через сто тысяч лет — я осознаю себя в новом теле и повстречаю тех, кого изберут на роль моих опекунов. Они станут заботиться обо мне, как заботились о тебе Эристон и Итания, потому что сперва я ничего не буду знать о Диаспаре и мне неведомо будет, кем и чем я был прежде. Воспоминания об этом постепенно возвратятся к концу срока моего младенчества, и на их основе я начну возводить здание нового цикла своего существования...

Такова схема наших жизней, сменяющих друг друга. Все мы уже побывали в этом мире много, много раз, хотя поскольку периоды несуществования различаются, — надо думать, в соответствии с законом случайных чисел, — каждое нынешнее население города уже никогда не повторяется с совпадением на все сто процентов. У нового Джизирака будут и совсем другие новые друзья, и новые интересы... Однако старый Джизирак — ровно такая его часть, какую мне заблагорассудится сохранить — все же будет существовать...

Но и это еще не все. В каждый данный момент, Олвин, только сотая часть граждан Диаспара живет в нем и разгуливает по его улицам. Подавляющее же большинство его населения спит глубоким сном в Хранилищах Памяти в ожидании сигнала который снова призовет каждого на сцену бытия. И это значит, что мы сочетаем непрерывность с изменчивостью, а бессмертие — с отсутствием застоя...

Я понимаю, Олвин, над чем ты сейчас задумался. Тебе хочется узнать, когда же и ты сможешь вызвать к поверхности сознания воспоминания о своих прежних жизнях, как это уже делают твои товарищи по играм...

Так вот — таких воспоминаний нет, Олвин, поскольку ты — единственный в своем роде. Мы пытались скрывать это от тебя так долго, как только могли, чтобы ни единое облачко не затмило твоего младенчества, хотя, я лично думаю, часть правды тобой, должно быть, уже угадана. Пять лет назад мы и сами даже и не подозревали об этой правде, но теперь не осталось никаких сомнений.

Ты, Олвин, — нечто такое, что наблюдалось в Диаспаре всего лишь несколько раз со времени основания города. Очень может быть, что твое «я» дремало в Хранилищах Памяти на протяжении всех этих эпох, но не исключено и то, что ты впервые был сотворен лишь два десятка лет назад в результате стечения каких-то случайных факторов. Быть может, создатели

города запланировали твое появление на свет с самого начала, но возможно, что ты — всего лишь порождение уже нашего времени, лишенное какого-либо сокровенного смысла.

Мы не знаем. Нам известно только что ты — единственный из всей человеческой расы, кто никогда не жил прежде. В буквальном смысле слова — ты единственный ребенок, родившийся на Земле за последние, по крайней мере, десять миллионов лет.

...Когда Джизирак и родители растаяли на стене, Олвин долго еще лежал, пытаясь отрешиться от всего. Он сомкнул комнату вокруг себя, чтобы никто не мог прервать его глубокой и серьезной сосредоточенности.

Он, однако, не спал. Он просто не знал, что такое сон, ибо это состояние было принадлежностью совсем другого мира — мира ночи и дня, а в Диаспаре царил только день. Лежать вот так — это было самое тесное приближение к забытому людьми состоянию сна, и, хотя, в сущности, это было не так уж и нужно, Олвин понимал, что такое отключение от окружающего поможет ему быстрее собраться с мыслями.

Нового для себя он выяснил мало. Почти обо всем что сообщил ему Джизирак, он уже догадался раньше. Но одно дело догадаться, и совсем другое, когда твоя догадка подтверждается с полной неопровержимостью.

Как все это скажется на его жизни — и скажется ли вообще? Олвин ничего не знал наверное, и эта неопределенность была для него ощущением новым. Быть может, никаких перемен и не будет; если он не приспособится полностью к Диаспару в нынешней жизни, это может произойти в следующей... или в той, которая наступит за ней...

Мысль эта еще только формировалась, а мозг Олвина уже отверг ее. Диаспар мог вполне устраивать остальную часть человечества, но только не его. Олвин не сомневался, что человек мог бы прожить в Диаспаре тысячу жизней и не исчерпать всех его чудес, не перечувствовать всех оттенков опыта того бытия, которое предлагал ему город. Все это доступно и ему... Но если он не сможет рассчитывать на большее, то никогда не познает удовлетворения...

Перед ним стояла только одна проблема. Что еще мог бы он совершить?

Этот безответный вопрос пробудил его от полузабытья. Он не в силах был долее оставаться здесь, будучи в таком вот взвинченном состоянии, а в городе существовало только одно место, которое обещало ему успокоение.

Дрогнув, часть стены исчезла, когда он вошел в нее и ступил в коридор, и ее поляризованные молекулы на мгновение мягко облегли его тело — словно слабый ветерокдохнул в лицо. Существовало много способов, с помощью которых он мог бы без труда добраться до цели, но он предпочел отправиться пешком. Его комната находилась почти на Главном Уровне города, и короткий проход привел Олвина на спиральный

пандус, сбегавший на улицу. Он пренебрег движущимся тротуаром и ступил на узкий неподвижный, что, без сомнения, было причудой, поскольку ему предстояло преодолеть несколько миль. Но Олвину нравилось ходить пешком — ходьба успокаивала. Кроме того, можно было по пути увидеть столь многое, что ему представлялось просто досадным проноситься на скорости мимо новейших чудес Диаспара, когда впереди у тебя времени — вечность.

У художников города — а в Диаспаре каждый время от времени становился художником — был обычай выставлять самые новые произведения вдоль движущихся тротуаров, чтобы гулявшие могли любоваться работами. При такой системе обычно проходило лишь несколько дней — и все население успевало критически Осмотреть каждую стоящую внимания вещь, а также и выразить о ней свое мнение. Окончательный вердикт, автоматически фиксируемый специальной аппаратурой для анализа общественного мнения, которую никому еще не удавалось подкупить или обмануть, — хотя попыток такого рода насчитывалось вполне достаточно, — и решал судьбу шедевра. Если в его пользу подавалось определенное число голосов, матрица произведения помещалась в Хранилища Памяти, и каждый, кто того хотел, в любой момент и ныне, и присно, и во веки веков мог получить копию, абсолютно неотличимую от оригинала.

Менее же удачные работы ожидала судьба всех таких произведений. Они либо распылялись на свои составляющие, либо в конце концов находили себе приют в домах друзей художника.

На всем своем пути Олвину встретилось лишь одно *objet d'art*, которое ему более или менее пришлось по душе. Это была композиция из чистого света, отдаленно похожая на распускающийся цветок, Медленно вырастая из крохотной цветной сердцевинки, рисунок разворачивался в систему сломанных спиралей и занавесов, затем внезапно опадал, и весь цикл начинался сызнова. Но уже не совсем так, как в предыдущий раз, и новый рисунок не совпадал полностью с тем, который был прежде. Олвин наблюдал за картиной на протяжении нескольких пульсаций, и каждый раз возникали едва заметные, почти неощутимые отличия, хотя в целом основа композиции и оставалась неизменной.

Он понимал, почему ему понравилась именно эта вот неосозаемая скульптура, изваянная из света. Ее ритмичное расширение порождало ощущение пространства, даже какого-то бунта против замкнутого объема. Возможно, что именно по этой причине она не пришлась бы по душе многим согражданам Олвина. Он запомнил имя художника и решил при

первом же удобном случае побеседовать с ним.

Все дороги Диаспара — и движущиеся и неподвижные — кончались у границ Парка, этого зеленого сердца города. Здесь, на круговом пространстве диаметром более трех миль, жила память о том, чем была Земля в те дни, когда пустыня еще не поглотила, как теперь, поверхность планеты, обойдя лишь Диаспар. Сначала шел широкий пояс луга, затем — низкорослые деревья, заросли которых становились все гуще и гуще по мере того, как гуляющий углублялся под их кроны. В то же время уровень Парка постепенно понижался, так что для наблюдателя, вышедшего из узкой полосы леса, город совершенно пропадал из виду, скрытый стеною деревьев.

Широкий поток, струившийся перед Олвином, назывался просто — Река. Другого имени у него не было, да и к чему бы оно ему... Кое-где Реку пересекали узкие мосты, и она текла по Парку, описывая геометрически правильное замкнутое кольцо, время от времени прерываемое плесами. То обстоятельство, что эта Река с довольно быстрым течением могла впадать в себя самое после каких-то шести миль, никогда не поражало Олвина как нечто необычное. В сущности, если даже где-то в своем течении Река потекла бы вдруг вверх по склону, он и на это не обратил бы никакого внимания. В Диаспаре можно было встретить и куда более диковинные вещи.

С десятков девушек и юношей купались на мелководье одного из плесов, и Олвин остановился поглядеть. Лица большинства из них были ему знакомы, многих он знал и по именам, и на какой-то момент ему захотелось принять участие в их забаве. Но затем тайна, которую он нес в себе, взяла свое, и он удовольствовался ролью наблюдателя.

Развитие тел не позволяло судить, кто из этих молодых граждан вышел из Зала Творения в нынешнем году, а кто жил в Диаспаре уже столь же долго, сколь и Олвин. Хотя все они сильно разнились по росту и весу, с их возрастом это никак не соотносилось, просто — люди рождались уже вот такими, и, хотя больший рост, в общем, означал, что человек этот старше других, это было не слишком-то надежным правилом для определения возраста, если только речь не шла о прожитых столетиях.

О возрасте куда проще было судить по лицу. Некоторых из новорожденных, хотя они и были ростом выше Олвина, отмечала печать незрелости: на их лицах все еще проглядывало восхищенное изумление миром, в котором они обнаружили себя, миром, который в мгновение ока произвел их на свет. Было как-то странно знать, что в их сознании глубоким, непотревоженным сном спала бесконечная череда жизней,

воспоминание о которых скоро пробудится; Олвин завидовал им и в то же самое время не был уверен, что тут стоит чему-то завидовать, Самое первое существование каждого было драгоценнейшим даром, которому уже никогда не повториться. Это было восхитительно — наблюдать жизнь впервые, словно бы в свежести рассвета. Если бы только найти других, таких же, как он сам, с кем он мог бы разделить свои мысли и чувства!

И тем не менее физический его облик был создан точь-в-точь в тех же формах, что и у этих детей, играющих в воде. За миллиард лет, протекших со времени создания Диаспара, человеческое тело не изменилось, в сущности, ни на йоту, поскольку основы его конструкции были навечно заморожены в Хранилища Памяти города. И все же оно отличалось от своей первоначальной, примитивной формы, пусть даже большая часть отличий была внутреннего характера и увидеть их было нельзя. В ходе долгой своей истории человек не раз перестраивал себя, стремясь избавиться от болезней, средоточием которых когда-то была его плоть.

Такие ненужные принадлежности, как ногти и зубы, исчезли. Волосы сохранились лишь на голове, на теле же от них не осталось и следа, Но больше всего человека Эпохи Рассвета поразило бы, пожалуй, необъяснимое отсутствие пупка. Это дало бы ему обильную пищу для размышлений, и с первого взгляда он был бы немало озадачен проблемой — как отличить мужчину от женщины Быть может, он был бы даже склонен полагать, что этого различия больше не существует, и это стало бы его серьезной ошибкой. В соответствующих обстоятельствах существование сильного пола сомнений не вызывало. Все дело в том, что отличительные черты пола, когда в них не было необходимости, принимали куда более скромные формы.

Конечно, воспроизведение перестало быть функцией тела, будучи делом слишком серьезным, чтобы его можно было отдать игре случая, в которой те или иные хромосомы выпадали, будто при игре в кости. И все же, хотя зачатие и рождение уже совершенно изгладились из человеческой памяти, физическая любовь продолжала жить. Даже в древности едва ли какая-то сотая часть сексуальной активности человека падала на процессы воспроизведения. Исчезновение этого единственного процента изменило рисунок человеческого общества и значение таких слов, как «отец» и «мать», но влечение сохранилось, хотя теперь удовлетворение его преследовало цель ничуть не более глубокую, нежели любое другое чувственное наслаждение.

Олвин покинул своих резвящимся сверстников и пошел дальше, к центру Парка. Он ступал по едва намеченным тропинкам, которые,

пересекаясь, вились сквозь низкорослый кустарник и время от времени ныряли в узкие расщелины между огромными, обросшими лишайником валунами. В одном месте он поравнялся с какой-то маленькой машиной многогранной формы, парившей в кроне дерева. Никто не знал, сколько разновидностей роботов существует в Диаспаре: они старались не попадаться людям на глаза и занимались своим делом настолько споро, что увидеть изредка даже хотя бы одного из них было событием весьма необычным.

Наконец поверхность почвы снова стала подниматься — Олвин приближался к небольшому холму, расположенному точно в центре Парка и, следовательно, — и самого города. Идти здесь стало легче, и ему уже ясно была видна вершина холма и венчавшее ее здание простых очертаний. К тому моменту, когда Олвин достиг цели, он несколько запыхался и был рад возможности прислониться к одной из розовых колонн, передохнуть и окинуть взглядом путь, которым он сюда добрался.

Существует несколько архитектурных форм, которые не подвержены изменениям, потому что являются собой совершенство. Усыпальница Ярлана Зея могла бы быть возведена и строителями храмов самых первых цивилизаций из всех известных человечеству, хотя они даже отдаленно не смогли бы себе представить, из какого материала она выстроена. Потолок усыпальницы растворялся в небо, а единственный ее зал выстлала плиты, которые только на беглый взгляд казались вытесанными из камня. В течение многих геологических эпох люди истирали ногами этот пол и так и не оставили на нем ни малейшего следа — столь непостижимо тверд был материал плит.

Создатель этого огромного парка (а также, как утверждали некоторые, — строитель и самого города) сидел, слегка опустив глаза, словно бы изучая какие-то чертежи, расстеленные у него на коленях. Странное, ускользающее выражение его лица ставило в тупик мир на протяжении долгой череды поколений. Одни приписывали это всего лишь праздной причуде скульптора, но иным представлялось, будто Ярлан Зей улыбается какой-то тайной своей шутке...

Да и само по себе все это сооружение было окутано пеленой тайны, потому что в анналах города о нем нельзя было отыскать ни строчки, Олвин не был даже особенно уверен в том, что означало само слово «усыпальница»; возможно, что это ему мог бы разъяснить Джизирак, любивший коллекционировать устаревшие слова и уснащать ими речь к полному смущению собеседника.

Со своей удобной наблюдательной позиции Олвин мог поверх крон

кинуть взгляд на город. Ближайшие здания отстояли от него почти на две мили, образуя вокруг Парка низкое кольцо. За ними, ряд за рядом, наращивая высоту, вздымались башни и террасы — собственно, они-то и составляли город. Миля за милей простирались они, медленно карабкаясь к небу, их формы все усложнялись, они поражали воображение своей монументальностью, Диаспар был спланирован как единство — это была одна могучая машина, Но хотя уже и сам его облик ошеломлял сложностью, она лишь намекала на те чудеса техники, без которых все эти огромные здания были бы лишь безжизненными гробницами.

Олвин пристально всматривался в границы своего мира. Милях в двадцати — там детали очертаний уже скрадывало расстояние — проходили внешние обводы этой крепости, и на них, казалось, покоился уже сам небесный свод. За ними не было ничего — совсем ничего, разве что тягостная пустота песков, в которой человек — поговаривали — быстро сходил с ума...

Тогда почему же эта пустота влекла его так, как ни одного из окружающих его людей? Олвин никак не мог этого понять. Он все смотрел и смотрел на разноцветные шпили, на зубцы башен, которые теперь заключали в своих объятиях весь человеческий дом, — словно искал в них ответа на свое недоумение и тревогу.

Ответа не было. Но в эти мгновения, когда сердце Олвина тянулось к недоступному, он принял решение, Теперь он знал, чему посвятить жизнь.

Джизирак оказался не слишком-то полезен, хотя и проявил большую готовность помочь, чего Олвин все-таки не ожидал. За долгую карьеру ментора Джизираку не раз уже задавали похожие вопросы, и ему как-то не верилось, что даже такой Неповторимый, как Олвин, мог бы сильно удивить его или поставить перед проблемами, которых он не сумел бы разрешить.

Правда, Олвин уже начал проявлять кое-какие черты эксцентрической личности, которые впоследствии могли бы потребовать исправления. Он не принимал в должной мере участия в необыкновенно сложной социальной жизни города и в фантастических затеях своих товарищей. Не выказывал он большого интереса и к горным полетам мысли; впрочем, в его возрасте это едва ли было чем-то необычным. Куда более примечательной представлялась его беспорядочная любовная жизнь. Конечно, трудно было ожидать, чтобы он установил относительно стабильные отношения с девушками на протяжении еще, по меньшей мере, столетия, и тем не менее мимолетность его увлечений была уже широко известна. Пока они длились, увлечения эти были всепоглощающи, однако ни одна из связей не пролонжалась более нескольких недель. Похоже было, что в каждый данный отрезок времени Олвин мог глубоко заинтересоваться лишь чем-то одним. Бывали периоды, когда он очертя голову кидался в любовные игры своих сверстников или на несколько дней исчезал с очередной подружкой. Но как только это настроение у него проходило, наступала долгая полоса, когда ему, казалось, было абсолютно наплевать на то, что должно бы было составлять главное занятие в его возрасте. Быть может, это было не слишком хорошо и для него самого, но уж, вне всякого сомнения, совсем не устраивало покинутых им девушек, потерянно слонявшихся по городу. После Олвина им требовался слишком уж долгий срок, чтобы обрести утешение где-нибудь в другом месте. Как обратил внимание Джизирак, Алистра сейчас как раз вступила в эту несчастную стадию.

И дело было вовсе не в том, что Олвину не хватало сердца или заинтересованности. Просто в любви, как и во всем остальном, он, похоже, стремился к цели, которую Диаспар не мог ему указать.

Эти черточки характера мальчика не слишком тревожили Джизирака. От Неповторимого вполне можно было ожидать именно такого вот поведения, но в должный срок Олвин конечно же воспримет

существующий в городе образ жизни. Ни один индивидуум, как бы эксцентричен, как бы талантлив он ни был, не сумел бы оказать возмущающего влияния на колоссальную инерцию общества, которое оставалось неизменным на протяжении более чем миллиарда лет. Джизирак не просто свято верил в эту стабильность. Ничего иного он и помыслить себе не мог.

— Проблема, волнующая тебя, очень стара, — говаривал Джизирак Олвину. — Но ты удивишься, узнав, какое множество людей принимает этот мир как нечто само собой разумеющееся — и до такой степени, что проблема эта никогда не только не тревожит их, но и в голову-то им не приходит! Верно, было время — человечество занимало пространство, бесконечно большее, нежели этот город. Отчасти ты знаком с тем, чем была Земля до той поры, пока не восторжествовала пустыня и не исчезли океаны. Видеозаписи, которые ты так любишь, — они из самых ранних, какие только есть в нашем распоряжении. Они — единственные, на которых Земля запечатлена в том виде, в каком она была до появления Пришельцев. Не могу себе представить, чтобы записи эти оказались известны заметному кругу людей. Ведь безграничные, открытые пространства — суть нечто для нас невыносимое и непостижимое...

Но, ты сам понимаешь, наша Земля была лишь ничтожной песчинкой Галактической Империи. Какие они из себя, черные. пространства между звездами, — это такой кошмар, который ни один человек в здравом уме не станет даже и пытаться себе вообразить. Наши предки впервые покорили эти пространства на заре истории, когда они отправились в космос создавать Империю. И они снова пересекли межзвездную пропасть — в самый последний раз, — когда Пришельцы отбросили их обратно на Землю.

Легенда — и это только легенда — повествует о том, что мы заключили с Пришельцами некий пакт. Они могли забирать себе Вселенную, коли она так уж была им нужна, а мы удовольствовались миром, в котором родились.

Мы соблюдали этот договор, предав забвению честолюбивые устремления своего детства, как оставишь их и ты, Олвин. Люди, выстроившие этот город, создавшие общество, населяющее его, безраздельно повелевали силами человеческого разума — так же как и материей. Они поместили внутри стен этого города все, что могло бы когда-либо понадобиться землянам, после чего постарались, чтобы мы никогда не покинули пределов Диаспара.

О, физические препятствия — они-то как раз наименее существенны.

Кто его знает, возможно, и есть пути, которые ведут за пределы города, но я не думаю, что по ним можно уйти далеко, даже если ты их и обнаружишь. Но пусть тебе даже и удастся эта попытка — что толку? Твое тело не сможет долго продержаться в пустыне, где город уже будет не в состоянии защищать и кормить тебя...

— Но если есть какой-то путь, ведущий из города, — медленно проговорил Олвин, — то что мешает мне выйти?

— Вопрос не из умных, — откликнулся Джизирак. — Полагаю, что ответ ты уже знаешь и сам...

Джизирак был прав, но не совсем так, как ему представлялось, Олвин знал ответ — или, лучше сказать, он его угадывал. Истину подсказали ему его товарищи — своим поведением наяву и в тех полугрезах с приключениями, которые он разделял с ними. Они были абсолютно не способны покинуть Диаспар. Джизирак, однако, не знал другого: непреложность этого правила,двигающего их жизнью, не имела ровно никакой силы над Олвином. Чем бы ни была вызвана его неповторимость — случайностью ли, древним ли расчетом (Олвин этого не знал), — но этот дар явился одним из ее следствий. Снедало любопытство — сколько же еще таких вот, как он сам, встретится ему в жизни?

...В Диаспаре никто никогда не спешил, и даже Олвин редко нарушал это правило. Он тщательно осмысливал свою проблему на протяжении нескольких недель и тратил бездну времени в поисках самых ранних записей Памяти города. Часами лежал он, поддерживаемый неощутимыми ладонями гравикомпенсаторного поля, в то время как гипноновый проектор раскрывал его сознание навстречу прошлому. Кончалась запись, проектор расплывался и исчезал — но Олвин все лежал, уставясь в пустоту, и не спешил возвращаться из глубины столетий к реальностям своего мира. Он снова и снова видел безбрежные пространства голубых вод — куда более громадные, чем пространства суши, — и волны, накатывающиеся на золотые отмели побережий. В ушах у него звенел грохот гигантских валов, отшумевших миллиарды лет назад... Он вызывал в памяти леса и прерии и удивительных животных, которые когда-то делили Землю с Человеком.

Древних этих записей обнаружилось совсем немного. Было принято считать, хотя никто и не знал — почему, что где-то в промежутке между появлением Пришельцев и основанием Диаспара все воспоминания о тех примитивных временах были утрачены. Стирание общественной памяти было настолько полным, что невозможно было поверить, будто такое могло произойти в силу какой-то случайности. Человечество забыло свое прошлое — за исключением нескольких хроник, которые могли оказаться

не более чем легендами. Все, что было до Диаспара, называлось просто — Века Рассвета. В этой непостижимой временной пропасти буквально бок о бок сосуществовали первобытные люди, едва-едва научившиеся пользоваться огнем, и те, кто впервые высвободил атомную энергию; тот, кто первым выжег и выдолбил каноэ из цельного ствола дерева, и тот, кто первым же устремился к звездам. На той, дальней стороне пустыни Времени все они проживали соседями, современниками...

...Эту прогулку Олвин вознамерился было совершить, как и прежде, в одиночестве, однако уединиться в Диаспаре удавалось далеко не всегда. Едва он вышел из комнаты, как встретил Алистру, которая даже и попытки не сделала показать, что оказалась здесь по чистой случайности.

Олвину и в голову не приходило, что Алистра красива, поскольку ему никогда не случалось сталкиваться с уродством. Когда прекрасное окружает нас со всех сторон, оно утрачивает способность трогать сердце, и произвести какой-то эмоциональный эффект может лишь его отсутствие.

В первое мгновение Олвин испытал раздражение — встреча напомнила ему о страстях, которые его больше не испепеляли. Он был еще слишком молод и слишком полагался на себя самого, чтобы чувствовать необходимость в какой-то длительной привязанности, и, приди время, ему, возможно, будет нелегко такими привязанностями обзавестись. Даже в самые интимные моменты барьер этой непохожести на других вставал между ним и его возлюбленными. Хотя тело его и сформировалось, он тем не менее все еще оставался ребенком, и таковым ему было суждено пребывать на протяжении многих десятилетий, в то время как его товарищи один за другим возрождают воспоминания о своих прежних жизнях и оставляют его далеко позади. Ему уже приходилось сталкиваться с этим, и он приучился быть осторожным и не отдаваться безоглядно обаянию личности другого человека. Даже Алистра, кажущаяся сейчас такой наивной, лишенной какой бы то ни было искусственности, станет вскоре сложным конгломератом воспоминаний и талантов, далеко превосходящих все, что он мог бы себе вообразить.

Но едва проклюнувшееся было раздражение почти тотчас бесследно исчезло. Не существовало ровно никаких причин, по которым Алистра не должна была бы идти с ним, коли уж ей так этого захотелось. Олвин не был эгоистом и не стремился, как нищий суму, ревниво прижимать к груди новый свой опыт. В сущности, он, возможно, сумел бы узнать много интересного для себя по ее реакции на то, что ей предстояло увидеть...

Пока экспресс-тротуар выносил их за пределы заповедного людьми центра города, Алистра — что было для нее как-то необычно — не

задавала никаких вопросов. Вместе они добрались до центральной, самой скоростной линии, не удосужившись и взгляда бросить на чудеса, расстилающиеся у них под ногами. Инженер из мира древности тихо сошел бы с ума, пытаясь, к примеру, уразуметь, каким образом твердое, по всей видимости, покрытие тротуара может быть неподвижным по краям, а ближе к центру — двигаться со все увеличивающейся скоростью. Но для Олвина и Алистры существование вещества, которое обладает свойствами твердого тела в одном направлении и жидкости — в другом, представлялось совершенно естественным.

Здания вокруг них вздымались все выше и выше, словно бы город угрожающе наставлял свои башни против внешнего мира. Как странно было бы, подумалось Олвину, если бы эти громоздящиеся стены стали вдруг прозрачными, будто стекло, и можно было бы наблюдать жизнь, протекающую там, внутри... Рассеянные в пространстве вокруг него, жили друзья, которых он знал хорошо, и те, с кем в один прекрасный день ему еще предстоит познакомиться, и те из сограждан, с которыми ему не встретиться никогда, — хотя как раз таких-то могло оказаться совсем немного, поскольку на протяжении жизни ему придется повстречаться едва ли не с каждым и Диаспаре. По большей части все эти люди сидят сейчас, вероятно, в своих неприступных комнатах, однако они вовсе не одиноки. Стоит только каждому из них сформировать мысль-пожелание, как он сразу очутиться — во всех смыслах, кроме физического, — перед лицом любого избранного им в собеседники жителя Диаспара. Эти люди не ведали, что такое скука, поскольку имели доступ ко всему, что происходило в мире воображения и в реальной жизни с тех самых времен, когда был построен этот город. Людей, чье сознание было устроено таким вот образом, город обеспечивал всем необходимым с безукоризненной полнотой. А того, что такое существование является, в сущности, совершенно бесплодным, не понимал даже и сам Олвин.

По мере того как молодые люди выбирались из центра города к его окраине, число встречных на улицах все уменьшалось, и, когда тротуар плавно остановился у очень длинной платформы, сложенной из яркого мрамора, вокруг них уже не было ни одной живой души. Они пересекли застывший водоворот вещества, из которого эта странная субстанция струящегося тротуара возвращалась к истоку, и остановились перед стеной, пронизанной ослепительно освещенными туннелями. Олвин без колебаний выбрал один из них и ступил в него. Алистра следовала за ним по пятам. Перистальтическое поле тотчас же подхватило их и понесло, а они, откинувшись — ни на что! — удобно полулежали и разглядывали

окружающее.

Просто не верилось, что туннель этот проложен где-то в глубочайших недрах города. Искусство, пользовавшееся Диаспаром как одним огромным холстом, проникло и сюда, и им казалось, это небо над ними распахнуто навстречу райски ароматным и свежим ветрам. Сияющие на солнце башни города окружали их. Это был вовсе не тот город, в котором так легко ориентировался Олвин, а Диаспар времен куда более ранних. Большинство всех этих гигантских зданий узнавались, но тем не менее окружающему, были присущи и некоторые отличия — впрочем, они делали пейзаж еще более интересным. Олвину хотелось бы немного задержаться, но он просто не знал способа остановить это плавное движение через туннель.

Вскоре невидимая сила мягко опустила их на пол просторного эллиптического зала, по всему периметру которого шли окна. Через них молодые люди могли охватить взором невыразимо манящий ландшафт — сады, пылающие ярким, с просверками пламенем цветов. Да, в Диаспаре были и сады — хотя бы вот эти, но они существовали только в воображении художника, который их создал. Вне всякого сомнения, таких цветов, как эти, на самом деле в природе не существовало...

Алистра была заморожена их красотой. Она, похоже, думала, что Олвин и привел-то ее сюда единственно для того, чтобы полюбоваться на них. Некоторое время он наблюдал за девушкой, весело и легко перебегающей от окна к окну, и сам радовался радости каждого ее открытия. В полупокинутых зданиях по внешней границе Диаспара таились сотни таких вот мест, и какие-то скрытые силы, следящие за ними, непрестанно поддерживали их в безупречном состоянии. В один прекрасный день приливная волна жизни, возможно, снова хлынет сюда, но до поры этот древний сад оставался тайной, существующей только для них двоих.

— Нам — дальше, — проговорил наконец Олвин. — Ведь это только начало... — Он прошел через одно из окон, и... иллюзия разрушилась. За пропустившим его «стеклом» не было никакого сада — только круговой проход, круто загибающийся кверху. Олвин все еще видел Алистру — в нескольких шагах от себя, — но знал, что она-то его уже не видит. Алистра, однако, не заставила себя ждать. Секундой позже она уже стояла рядом с ним.

Пол у них под ногами медленно пополз вперед, словно бы изъявляя полную свою готовность незамедлительно доставить их к цели путешествия. Они сделали было по нему несколько шагов, но скорость пола стала уже столь большой, что не было ровно никакой необходимости

шагать еще и самим.

Проход все так же поднимался вверх и через сотню футов шел уже под совершенно прямым углом к первоначальному своему положению. Впрочем, постичь эту перемену можно было лишь логикой, ибо чувства говорили, что движение происходит по безупречной горизонтали. Тот факт, что на самом-то деле они двигались вверх по стенке вертикальной шахты глубиной в несколько тысяч футов, совершенно не тревожил молодых людей: отказ гравикомпенсаторного поля был просто немыслим.

Наконец коридор пошел с «наклоном» вниз, пока опять не изменил своего направления под прямым углом к вертикальной плоскости. Движение пола неприметным образом все более и более замедлялось, наконец он совсем остановился в конце длинного зала, стены которого были выложены зеркалами, и Олвин понял, что уж здесь-то Алистру никак не поторопишь. Дело было не только в том, что некоторые черты женского характера без малейших изменений выжили со времен Евы: просто никто не смог бы не поддаться очарованию этого места. Ничего подобного ему, насколько было известно Олвину, в Диаспаре не существовало. Благодаря какой-то уловке художника только некоторые из этих зеркал отражали мир таким, каким он был на самом деле, и даже они — Олвин был в этом убежден — беспрестанно меняли изображение. Остальные, конечно, тоже отражали *нечто*, но было как-то жутковато видеть себя расхаживающим среди переменчивой и совершенно нереальной, выдуманной кем-то обстановки.

Порой в этом зазеркалье возникали и другие люди, они двигались в разных направлениях, и Олвин несколько раз отметил и толпе знакомые лица. Он отлично отдавал себе отчет в том, что это вовсе не были его друзья по нынешнему существованию. Глазами неизвестного художника он глядел в прошлое и видел предыдущие воплощения тех, кто сейчас населял мир. Напомнив о его непохожести на других, пришла печальная мысль, что, сколько бы он ни ждал перед этими переменчивыми картинами, никогда ему не увидеть древнего эха самого себя...

Знаешь, где мы? — спросил Олвин у Алистры, когда они миновали зеркальный зал. Алистра отрицательно покачала головой.

— Наверное, где-то у самой-самой окраины города, — беззаботно ответила она. — Похоже, что мы забрались очень далеко, а вот куда именно — я и понятия не имею...

— Мы — в башне Лоранна, — объяснил Олвин, — это одна из самых высоких точек Диаспара. Идем — я тебе покажу.

Он взял девушку за руку и вывел ее из зала. Собственно, никакого

видимого выхода здесь не было, но кое-где рисунок на полу указывал, что отсюда ответвляется боковой коридор. Стоило в таком месте приблизиться к зеркальной стене, как отражения в ней, казалось, сплавлялись в светящуюся арку, и через нее можно было проникнуть в еще один проход. Алистру давно сбили с толку все эти повороты, но наконец они вышли в длинный, совершенно прямой туннель, в котором с постоянной силой дул холодный ветер. Туннель простирался горизонтально на сотни футов в обоих направлениях, и окончания его представлялись лишь крохотными светлыми кружочками.

— Не нравится мне здесь, — поежилась Алистра. — Здесь холодно! Очень могло быть, ей еще ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с настоящим холодом, и Олвин почувствовал себя несколько виновато. Ему следовало бы предупредить девушку, чтобы она прихватила с собой какую-нибудь накидку, и потеплее, поскольку обычная, повседневная одежда в Диаспаре была чисто декоративной и в смысле защиты от холода толку от нее не было никакого.

Поскольку испытываемые Алистрой неприятные ощущения целиком лежали на его совести, он молча передал ей свой плащ. Галантности в этом не было и следа — равенство полов уже слишком долго было абсолютно полным, чтобы такие условности еще имели право на существование. Озябни он — Алистра отдала бы ему свой плащ, и он принял бы эту помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ветер подталкивал их в спину, идти было даже приятно, и вскоре они добрались до конца туннеля. Широкая решетка из резного камня преградила им путь — и кстати, поскольку они стояли теперь над пустотой. Огромное вентиляционное отверстие открывалось прямо на отвесной стене башни, и под ними зияла пропасть глубиной, по меньшей мере, в тысячу футов. Они находились высоко на внешнем обводе города, и Диаспар расстилался под ними — мало кто из их мира когда-либо видел его таким.

Им представилась картина, обратная тому, что наблюдал Олвин из центра Парка. Теперь он уже сверху вниз смотрел на концентрические волны камня и металла, многомильными дугами уходящие к центру города, Далеко-далеко, за силуэтами башен виднелись лужайки, деревья и Река с ее вечным круговым течением. А еще дальше — к небу снова начинали карабкаться бастионы Диаспара.

Стоя рядом с Олвином, Алистра тоже глядела на открывшийся вид — глядела с удовольствием, однако без малейшего удивления. Ей и прежде приходилось бесчисленное число раз видеть свой город с почти столь же высоких точек, разве, что только в обстановке куда — более

комфортабельной.

— Вот он, наш мир, — весь, целиком, — проговорил Олвин. — А теперь я хочу показать тебе кое-что еще...

Он повернулся спиной к решетке и двинулся навстречу далекому светлomu пятнышку на противоположном конце туннеля. Ветер охлаждал его едва прикрытое тело, но Олвин не замечал этого и с каждым шагом все дальше и дальше погружался в струи встречного потока воздуха.

Он прошагал всего ничего, нога до него вдруг дошло, что Алистра так и не двинулась с места. Она стояла и смотрела на него. Плащ, который он ей дал, трепетал на ветру, одна рука девушки застыла на полпути к лицу... Олвин видел, что губы ее шевелятся, но слова не долетали до него. Он оглянулся на нее сперва удивленно, потом с нетерпением и не без жалости. То, о чем толковал Джизирак, оказалось правдой: Алистра просто не могла следовать за ним! Она догадалась, что означал этот дальний кружок света, через который в Диаспар от века стремился поток воздуха. За ее спиной цвел знакомый ей мир, полный чудес, но лишенный тайны, плывущий по реке Времени, подобно блистающему, но наглухо запаянному пузырьку. А впереди, на расстоянии каких-то нескольких шагов, простирались запустение и дикость — мир пустыни, мир Пришельцев...

Олвин возвратился к девушке и удивился, обнаружив, что ее бьет дрожь — Чего ты испугалась? — спросил он. — Мы же все еще в Диаспаре, и безопасности! И раз уж мы выглянули в то окошко, что позади нас, то конечно же можем поглядеть и в это!..

Алистра смотрела на него так, как если бы он был каким-то неведомым чудовищем. Да, собственно, по ее разумению, так оно и было.

— Ни за что не смогу... — прошептала она наконец. — Стоит мне только подумать об этом, как меня прямо мороз пробирает — холодно делается почище, чем от этого вот ветра. Ой, Олвин, не ходи дальше!..

— Но ведь в этом же нет никакой логики! — укоризненно настаивал он — Ну что с тобой может приключиться, если ты дойдешь до того конца туннеля и выглянешь наружу? Конечно, место там странное и пустынное... но ведь в нем нет ничего ужасного... Честно говоря, чем дольше я туда смотрю, тем красивее мне все там кажется...

Алистра даже не дала себе труда дослушать. Она резко повернулась на каблуках и побежала по длинному проходу, который вознес их сюда сквозь пол вентиляционного туннеля. Олвин не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать ее. Это было бы вопиющим проявлением дурных манер — навязывать другому человеку свою волю. Ему было понятно, что принуждение в таком вот деле совершенно бесполезно. Он знал, что

Алистра теперь не остановится, пока не возвратится к своим друзьям. Опасности, что она заблудится в лабиринтах города, не существовало, поскольку ей совсем не трудно будет восстановить путь, приведший их сюда, Инстинктивная способность отыскивать выход из самых запутанных лабиринтов была еще одним из многочисленных достижений человека, которых он добился с той поры, как начал жить в городах. Вымершие давным-давно крысы тоже были вынуждены выучиться этому, когда покинули свои норы в полях и присоединились к горожанам...

Олвин постоял еще немного, словно надеясь, что Алистра возвратится. Сама по себе реакция девушки его не удивила. Странными были только бурность ее проявления и полная иррациональность. И хотя ему было искренне жаль, что Алистра ушла, он все же не мог не подосадовать, что она не оставила ему его плащ.

Идти наперекор потоку ветра, вливавшегося в легкие города, было не только холодно, но и просто трудно. Олвину приходилось преодолевать и сопротивление стены воздуха, и ту силу, которая тянула его в город. Только добравшись до решетки и ухватившись за нее, он смог расслабиться. Промежутки в решетке были достаточно велики, чтобы он мог просунуть наружу голову, но все равно поле зрения у него оказалось в общем-то ограниченным, потому что входное устье вентиляционной трубы было заметно притоплено в наружной стене города.

И все же, несмотря ни на что, некоторые детали он смог разглядеть достаточно хорошо. Далеко-далеко внизу свет солнца убегал из пустыни. Почти горизонтальные лучи, проходя сквозь решетку, отбрасывали в глубину туннеля перемежающийся узор золота и черни. Слепящее сияние заставило Олвина прижмуриться. Он стал пристально смотреть вниз — на землю, по которой на протяжении неведомого количества веков не ступала нога человека.

Ему представилось, что он разглядывает навсегда замерзшее море. Ибо миля за милей песчаные дюны волнами шли к западу а очертания их странно искажались в лучах заходящего солнца. Там и сям непостижимые капризы ветра изваяли в песке какие-то водовороты и лощины, и порой трудно было поверить, что все это — работа стихии, а не дело рук каких-то разумных существ. Где-то в дальней дали — так далеко, что он просто не в силах был оценить расстояние — тянулась гряда слегка оглаженных холмов, Холмы эти разочаровали Олвина: он дорого дал бы, чтобы увидеть вздымающиеся вершины, образ которых ему подарили древние видеозаписи и собственные его грезы.

Солнце уже касалось кромки холмов, свет его, ослабленный сотнями

милей атмосферы, через которую ему приходилось пробиваться, был красен. На диске светила можно было различить два огромных черных пятна. Олвин знал из уроков, что это в порядке вещей, но подивился, что может, оказывается, наблюдать это явление вот так, запросто. Пятна очень напоминали два каких-то глаза, уставившиеся на него, одинокого, скрючившегося в своем наблюдательном пункте, где ветер не переставая свистел и свистел в ушах.

Сумерки так и не наступили. С уходом солнца лужи черной тени, плескавшиеся меж дюн, сразу же стремительно слились в одно необозримое озеро тьмы. Краски схлынули с неба, теплота киновари и золота истаяла, оставив после себя лишь ледяную голубизну, которая становилась все глубже и глубже, оборачиваясь черной синевой ночи. Олвин ждал того дух захватывающего мига, который из всего человечества был ведом только ему одному, — мига, когда самая первая звезда, дрожа, пробудится к жизни...

Много недель минуло с того дня, когда он стоял здесь в последний раз, и он знал, что рисунок ночного неба за это время должен был перемениться. И все равно он оказался не готов к первой встрече с Семью Солнцами.

Они не могли называться никак иначе; его губы непроизвольно прошептали именно эти два слова. Семь Солнц составляли небольшую, очень тесную и удивительно симметричную группу — на небе, еще слегка согретом дыханием ушедшего дневного светила. Шесть из них располагались несколько вытянутым эллипсом, который в действительности — Олвин был в этом уверен — являлся безупречной окружностью, только чуть наклоненной по отношению к лучу зрения. Все семь звезд сияли разными цветами: он мог разобрать красный, голубой, золотистый и зеленый — оттенки других не поддавались глазу. И точнехонько в центре всего этого строя сверкал одинокий белый гигант — самая яркая звезда на обозримом небосводе. Вся дружка удивительно напоминала драгоценное ювелирное изделие. Казалось немыслимым, выходящим за рамки законов вероятности, чтобы создать столь совершенное произведение могла сама природа.

По мере того как глаза Олвина медленно обвыкались в темноте, он стал различать и гигантский туманный занавес, который когда-то называли Млечным Путем. Он простирался от зенита к горизонту, и Семь Солнц были пришпилены к его складкам. Вот появились и другие звезды, почти столь же яркие, но, разбросанные группами там и сям, они лишь подчеркивали тайну безупречной симметрии Семерки. Казалось, что чья-то

неведомая воля сознательно бросила вызов беспорядочности природной Вселенной, пометив звездное небо своей печатью.

Всего десяток раз, не более того, повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Человек впервые пошел по Земле. По собственным масштабам Галактики это было всего лишь мгновение. И все же за этот ничтожный срок она изменилась неузнаваемо: куда как больше, нежели имела право по логике естественного хода событий. Великие солнца, что когда-то, во времена своей гордой юности, пылали столь неистово, теперь угасали, приговоренные. Но Олвин никогда не видел неба в его древней красе и поэтому просто не представлял себе, что же оказалось утрачено.

Холод, пронизывающий его до костей, заставлял возвращаться обратно, в город. Олвин оторвался от решетки и принялся растираться, чтобы восстановить кровообращение в озябших руках и ногах. Впереди, в том, дальнем конце туннеля, свет, струившийся из Диаспара, был настолько нестерпим, что на мгновение пришлось отвести глаза. За пределами города существовали и день и ночь, но в его стенах сиял вечный полдень. По мере того как солнце садилось, небо над Диаспаром наполнялось рукотворным светом, и никто не замечал мига, когда исчезало естественное освещение. Люди изгнали тьму из своих городов еще до того, как научились обходиться без сна. Единственная, так сказать, ночь, которая когда-либо задевала Диаспар своим крылом, наступала во время случавшегося достаточно редко и совершенно непредсказуемого затемнения — время от времени оно окутывало Парк, превращая его в средоточие какой-то тайны.

Олвин медленно двинулся в обратный путь через зеркальный зал. Его сознание все еще было занято картиной ночи и звезд. Он испытывал и необъяснимый подъем, и в то же время был немало подавлен. Он не находил ровно никакого способа, при помощи которого мог бы скользнуть в эту огромную пустоту, да, собственно, не видел и никакой разумной причины так поступить. Джизирак сказал, что человек там, в пустыне, обречен на скорую гибель, и Олвин вполне ему верил. Быть может, наступит день, и он отыщет способ покинуть Диаспар, но он знал, что даже в этом случае вскоре ему придется вернуться. Уйти в пустыню было бы забавной игрой, не более того. И игрой, которую он не сможет разделить ни с кем, и сама по себе она не даст ему ничего... И все же на это стоит пойти хотя бы только для того, чтобы унять душевную тоску...

Словно не желая возвращаться в знакомый мир, Олвин бродил и бродил среди отражений прошлого. Остановившись перед одним из огромных зеркал, он стал рассматривать изображения, которые то появлялись, то исчезали в его глубине. Неведомый механизм, управлявший

этими образами, контролировался, надо полагать, самим присутствием Олвина и, до некоторой степени, его мыслями. Когда он входил в это помещение, зеркала вначале всегда были слепы, но стоило ему только начать двигаться, как они тотчас же наполнялись действием.

Было похоже, что он стоит в каком-то просторном открытом дворе, которого он никогда прежде не видел, но который, вполне вероятно, и впрямь существовал где-нибудь в Диаспаре. Двор этот был необычно многолюден, похоже, что здесь происходило какое-то собрание. На приподнятой платформе двое мужчин вели вежливый спор, а их сторонники стояли внизу и время от времени бросали спорящим реплики. Полнейшая тишина лишь добавляла очарования происходящему: воображение немедленно принялось восполнять отсутствующие звуки. О чем они спорят? — думал Олвин. Быть может, это вовсе не какая-то реальная сцена из прошлого? Тщательно продуманная и сбалансированная расстановка фигур, несколько театральные движения — все это делало происходящее в зеркале чуточку слишком «причесанным» для настоящей жизни.

Олвин всматривался в лица в толпе, пытаясь разглядеть хоть кого-нибудь из знакомых, но никого не находил. Впрочем, он, возможно, глядел на лица тех друзей, которых ему не повстречать еще на протяжении нескольких столетий... Сколько существует возможных типов лиц? Число это невообразимо, но все-таки оно не бесконечно, в особенности теперь, когда все малоэстетичные вариации устранены...

Люди в зазеркалье продолжали свой давно уже никому не нужный спор, не обращая ровно никакого внимания на Олвина, отражение которого недвижимо стояло среди них. В сущности, было очень не просто поверить, что сам он не является реальным участником происходящего, — так безупречна была иллюзия. Когда один из фантомов в зеркале прошелся за спиной Олвина, то фигура последнего перекрыла его, как это было бы в реальном мире. А когда кто-то из присутствующих переместился перед ним, то заслонил его, Олвина, своим телом...

Он уже хотел было уйти, когда обратил внимание на странно одетого человека, стоящего несколько в стороне от основной группы. Его движения, его одежда, все в его облике казалось несколько не в стиле собравшихся. Он нарушал общий рисунок; как и Олвин, он выглядел среди остальных каким-то анахронизмом.

И уж совсем поразительно — он был реален, и он смотрел на Олвина со слегка насмешливой улыбкой...

За свою короткую жизнь Олвину удалось повстречаться не более чем с какой-нибудь одной тысячной жителей Диаспара. Поэтому он ничуть не удивился, что сейчас перед ним стоял незнакомец. Поразило его лишь то, что оказалось возможным вообще встретить кого бы то ни было в этой заброшенной башне, столь близко от границы неизведанного.

Олвин повернулся спиной к миру зазеркалья и оказался лицом к лицу с непрошеным гостем. Но, прежде чем он успел рот раскрыть, тот уже обратился к нему:

— Насколько я понимаю, ты — Олвин. Когда я обнаружил, что сюда кто-то приходит, мне следовало бы сразу же догадаться.

Замечание это, несомненно, было сделано безо всякого намерения обидеть, это была просто констатация факта, и Олвин так его и воспринял. Он не удивился тому, что его узнали: нравилось ему это или нет, но уже сам факт его непохожести на других, его еще не раскрывшиеся, но уже прозреваемые возможности делали его известным каждому в городе.

— Я — Хедрон, — сказал незнакомец, словно бы это все объясняло. — Они называют меня Шутом.

Олвин непонимающе смотрел на него, и Хедрон пожал плечами с насмешливой покорностью:

— Вот она, слава! Хотя... ты еще юн, и жизнь пока не-выкидывала с тобой никаких своих штучек. Твое невежество извинительно.

Он был какой-то приятно-необычный, этот Хедрон. Олвин порылся в памяти, пытаясь отыскать значение странного слова «шут». Оно будило какие-то туманные воспоминания, но он никак не мог сообразить — какие именно. В сложной общественной жизни Диаспара в ходу было множество всяких титулов и прозвищ, и, чтобы выучить их все, требовалось прожить целую жизнь.

И часто ты приходишь сюда? — немного ревниво спросил Олвин. Он уже как-то привык считать башню Лоранна своей собственностью и теперь испытывал нечто вроде раздражения от того, что ее чудеса оказались известны кому-то еще. Интересно, подумал он, выглядывал ли когда-нибудь Хедрон в пустыню, видел ли он, как звезды скатываются за западный край земли?

— Нет, — ответил Хедрон, уловив эти его невысказанные мысли. — Я не был здесь прежде ни разу. Но мне доставляет удовольствие узнавать о

всякого рода необычных происшествий в городе, а с тех пор как некто посещал башню Лоранна, прошло уже очень много времени...

Олвин мимолетно подивился, откуда Хедрон мог узнать о его предыдущих визитах сюда, но быстро оставил эту тему. Диаспар был полон ушей и глаз, а также других, куда более тонких органов восприятия, которые информировали город обо всем, что происходило в его стенах. И если кому-то очень уж приспичило, он, без сомнения, мог найти способ подсоединиться к соответствующим каналам информации.

— Даже если это и необычно, чтобы кто-то приходил сюда, — проговорил Олвин, словно бы защищаясь, — почему это должно тебя интересовать?

— Потому, что все необычное в Диаспаре — это моя прерогатива, — ответил Хедрон. — Я обратил на тебя внимание еще очень давно и знал, что нам однажды предстоит встретиться. Я ведь тоже — на свой лад — единственный в своем роде. О, совсем не в том смысле, в каком ты! — я тысячу раз выходил из Зала Творения; Но когда-то давно, в самом начале, меня определили на роль Шута, а в каждый настоящий момент в Диаспаре живет только один шут... Многие, впрочем, полагают, что и одного-то слишком много...

В голосе у Хедрона звучала ирония, удивлявшая Олвина. Было не в лучших манерах задавать прямые личные вопросы, но, в конце концов, Хедрон сам затеял весь этот разговор...

— Прошу простить мне мое невежество, — сказал Олвин, — но что это такое — «Шут» и что он делает?

— Ты спросил — «что», поэтому я начну с ответа на вопрос — «почему?», — ответил Хедрон. — История эта довольно длинная, но мне представляется, что тебе будет интересно.

— Мне все интересно, — отозвался Олвин, и это была достаточно полная правда.

— Превосходно! Так вот, те люди — если они были людьми, в чем я порой сильно сомневаюсь, — которые создали Диаспар, должны были решить невероятно сложную проблему. Диаспар — это не просто машина. Ты знаешь — это живой организм, да еще и бессмертный к тому же. Мы настолько привыкли к нашему обществу, что и представить себе не можем, каким странным показалось бы оно нашим первым предкам. У нас здесь маленький, закрытый мирок, никогда ни в чем не меняющийся, за исключением разве что незначительных деталей, совершенно стабильный — от века к веку. Он, возможно, существует дольше, чем длилась вся человеческая история до него, — и тем не менее, в *той* истории

человечества насчитывалось, как принято думать, бесчисленное множество тысяч отдельных культур и цивилизаций, которые какое-то время держались, а затем исчезали без следа. Так как же, спрашивается, Диаспар достиг этой своей исключительной стабильности?

Олвину странно было, что кто-то может задаваться столь элементарным вопросом, и его надежды узнать что-нибудь новенькое стали тускнеть.

— Благодаря Хранилищам Памяти, естественно, — ответил он. — Диаспар всегда состоит из одних и тех же людей, хотя их сочетания изменяются по мере того, как создаются или уничтожаются их физические оболочки...

Хедрон покачал головой. — Это всего лишь очень и очень незначительная часть ответа. С теми же точно людьми можно построить множество модификаций общества. Я не могу этого доказать — у меня нет прямых свидетельств этому, — но я все-таки убежден, что так оно и есть. Создатели нашего города не только строго определили число его обитателей, они еще и установили законы, руководящие нашим поведением. Мы едва ли отдаем себе отчет в том, что эти законы существуют, но мы им повинемся. Диаспар — это замерзшая культура, которая не в состоянии выйти за свои весьма узкие рамки. В Хранилищах Памяти помимо матриц наших тел и личностей содержится еще так много всего другого... Они хранят формулу самого города, удерживая каждый его атом точно на своем месте, несмотря на все изменения, которые может принести время. Взгляни, к примеру, на этот пол: его настелили миллионы лет назад, и по нему с тех пор прошло бесчисленное число ног. А видишь ли ты хоть какие-нибудь следы износа?.. Незащищенное вещество, как бы прочно оно ни было, уже давным-давно было бы истоптано в пыль. Но до тех пор, пока есть энергия, поддерживающая функционирование Хранилищ Памяти, и до тех пор, пока собранные в них матрицы контролируют структуру города, физическое состояние Диаспара не изменится ни на йоту...

— Но ведь были же и некоторые изменения, — возразил Олвин. — С тех пор как город был построен, многие здания снесли, а на их месте возвели новые...

— Да, конечно, — но только в результате стирания информации, содержащейся в Хранилищах Памяти, и замещения ее новыми формулами... Как бы там ни было, я упомянул об этом просто в качестве примера работы механизма, с помощью которого город сохраняет свой физический облик. Мне же хочется подчеркнуть, что в то же самое время

есть и механизмы, которые сохраняют нашу социальную структуру. Они следят за малейшими изменениями и исправляют их, прежде чем те сгинут слишком уж заметными. Как это делается? Не знаю — возможно, путем отбора тех, кто выходит из Зала Творения. А может быть, что-то перестраивают матрицы наших индивидуальностей... Мы склонны полагать, что обладаем свободой воли, но можем ли мы быть в этом уверены?

В любом случае эта проблема была решена. Диаспар выжил и благополучно движется от столетия к столетию, подобно гигантскому кораблю, грузом которого являются все и все, что осталось от человеческой расы. Это — выдающееся достижение социальной инженерии, хотя стоило ли всем этим заниматься — совсем другой вопрос.

Но стабильность — это еще не все. Она очень легко ведет к застою, а затем и к упадку. Создатели города предприняли очень сложные меры, чтобы избежать как того, так и другого, хотя эти вот покинутые здания свидетельствуют, что полного успеха они добиться не сумели. Я, Хедрон-Шут, являюсь частью их сложного плана. Очень возможно — весьма незначительной частью. Мне конечно, нравится думать, что это не так, но я не могу быть в этом уверен.

И в чем же суть этой роли? — спросил Олвин, который все еще почти ничего не понимал и начал уже понемножку отчаиваться. Ну, скажем так — я вношу в жизнь города некоторое рассчитанное количество беспорядка. И объяснить мои действия — значит погубить их эффективность. Судите меня по делам моим, хотя их и не много, а не по словам, пусть они и изобильны...

Никогда прежде Олвин не встречал никого, похожего на Хедрона. Шут оказался истинной личностью — человеком, который, насколько мог судить Олвин, на две головы возвышался над всеобщим уровнем однообразия, столь типичным для Диаспара. И хотя казалось, что установить в точности, в чем заключаются его обязанности и как он их выполняет, нет никакой надежды, это едва ли имело значение. Важно то, чувствовал Олвин, что существует некто, с кем он может поговорить — случись пауза в этом монологе — и кто в состоянии дать ответы на многие из загадок, мучающих его уже так долго.

Они вместе двинулись в обратный путь по коридорам башни Лоранна и вышли наружу неподалеку от пустынной движущейся мостовой. Только когда они уже очутились на улицах города, Олвину пришло на ум, что Хедрон так и не поинтересовался у него, что же он делал там, на границе с неведомым. Он подозревал, что Хедрон это знал, ситуация представляла

для него известный интерес, но он ей не удивлялся. Что-то подсказывало Олвину, что чем-то удивить Хедрона было бы очень нелегко.

Они обменялись индексами связи, чтобы в любое время вызвать друг друга. Олвину очень захотелось почаще встречаться с Шутом, хотя он и задумался — не окажется ли общество этого человека чересчур утомительным, прими беседа более долгий характер. Перед тем как им встретиться снова, он, однако, хотел бы выяснить, что могут сообщить ему о Хедроне его друзья, и особенно — Джизирак.

— До следующей встречи, — проговорил Хедрон и тотчас же растаял. Олвина покорило. Принято было, если вы встречались с человеком, всего лишь проецируя себя, а не будучи представленным во плоти, дать это понять собеседнику с самого начала. Иногда, если собеседник не знал, в каком виде вы с ним разговариваете, это могло поставить его в чрезвычайно невыгодное положение. Вполне возможно, что все это время Хедрон преспокойно сидел дома — где бы он ни был, его дом, Номер, который он дал Олвину, мог обеспечить поступление к нему любой информации, но отнюдь не раскрывал адреса. Впрочем, это-то, по крайней мере, было в рамках принятых норм. Вы могли достаточно свободно раздавать знакомым индексный номер, но адрес — его открывали только самым близким друзьям.

Пробираясь к центру города, Олвин все раздумывал над тем, что сказал ему Хедрон о Диаспаре и его социальной организации. Странно было, что ему до сих пор не встретилось ни единого человека, который был бы не удовлетворен своим образом жизни. Диаспар и его обитатели были созданы в рамках какого-то одного всеобъемлющего плана и сосуществовали в совершенном симбиозе. В течение всей своей неимоверно долгой жизни жители города никогда не испытывали скуки. И хотя, по стандартам минувших веков, мирок их был совсем крохотным, его сложность ошеломляла, а сокровищница чудес и богатств была выше всякого разумения. Человек собрал здесь все плоды своего гения, все, что было спасено им из-под руин прошлого. Считалось, что каждый из городов, которые когда-либо существовали, даровал что-то Диаспару; до нашествия Пришельцев имя его было известно во всех мирах, впоследствии потерянных Человеком. Все мастерство, все художественное дарование Империи воплотилось в строительстве Диаспара. Когда дни величия уже приближались к концу, неведомые гении придали городу новую форму и снабдили машинами, которые сделали его бессмертным. Все могло кануть в небытие, но Диаспар был обречен жить, чтобы в безопасности пронести потомков Человека по реке Времени.

Они не добились ничего, кроме выживания, но были вполне этим удовлетворены. Существовали миллионы дел, чтобы занять их жизнь между моментом, когда, уже почти взрослые, они выходили из Зала Творения, и тем часом, когда — едва ли постарев — они возвращались в городские Хранилища Памяти. В мире, где все мужчины и женщины обладали интеллектом, который в прежние времена поставил бы их на одну доску с гениями, опасности заскучать просто не существовало. Наслаждение от бесед и споров, тончайшие условности общения — да уже их одних было бы достаточно, чтобы занять добрую часть жизни. Но, помимо всего этого, проводились еще и грандиозные официальные дискуссии, когда весь город словно зачарованный слушал, как его проницательнейшие умы схватываются в споре или борются за то, чтобы покорить вершины философии, на которые никому еще не удавалось взойти, но вызов, который они бросали человеку, никак не может утомить его разум.

В городе не было никого, кем не владела бы какая-то всепоглощающая интеллектуальная страсть. Эристон, например, большую часть времени проводил в беседах с Центральным Компьютером, который, в сущности, и управлял городом, но у которого тем не менее еще оставалась возможность вести неисчислимое количество одновременных дискуссий — с каждым, кто только пожелал бы померяться с ним в остроте разума. В течение трехсот лет Эристон пытался создать логические парадоксы, которые оказались бы не по зубам машине. Он, впрочем, не рассчитывал добиться какого-либо серьезного успеха, не потратив на это занятие нескольких жизненных циклов.

Интересы Итании были более эстетического направления. С помощью синтезаторов материи она изобретала переплетающиеся трехмерные структуры такой красоты и сложности, что это, в общем-то, были уже не просто стереометрические конструкции, а топологические теоремы высшего порядка. Ее работы можно было увидеть по всему Диаспару, и по мотивам некоторых из этих композиций были даже созданы мозаики полов в гигантских хореографических залах — рисунок пола служил своего рода основой для создателей новых танцевальных вариаций.

Все эти занятия могли бы показаться бесплодными тому, кто не обладал достаточным интеллектом, чтобы оценить их тонкость. Но в Диаспаре не нашлось бы ни единого человека, который не смог бы понять то, что пытались создать Эристон и Итания, и кем ж двигал бы такой же всепоглощающий интерес.

Физические упражнения и различные виды спорта, включая многие

такие, которые стали возможны только после овладения тайной гравитации, делали приятными первые несколько столетий юности. Для приключений и развития воображения саги предоставляли все, что только можно было пожелать. Это был неизбежный конечный продукт того стремления к реализму, которое началось, когда человек стал воспроизводить движущиеся изображения и записывать звуки, а затем использовать эту технику для воссоздания сцен из реальной или выдуманной жизни. Иллюзия саг была безупречной, поскольку все чувственные ощущения поступали непосредственно в мозг, а противоборствующие чувства устранились. Погруженный в транс, зритель был отрезан от реальностей жизни на длительность саги; он словно бы видел сон — с полнейшим ощущением, что все происходит наяву. В этом мире порядка и стабильности, который в своих основных чертах ничуть не переменялся за миллиарды лет, было неудивительным обнаружить и всепоглощающий интерес и играм, построенным на использовании случайности. Человечество издавна завораживала тайна выброшенных костей, наудачу выпавшей карты, каприз поворота рулетки. На самом низменном первоначальном уровне этот интерес основывался просто на жадности — чувстве, совершенно невозможном в мире, где каждый обладал всем, что он только мог пожелать в необъятно широких рамках разумного. Но даже когда жадность отмерла, чисто интеллектуальное обаяние случая продолжало искушать и самые изощренные умы. Машины, действовавшие по программе случайности, события, последствия которых невозможно было предугадать, сколь иного информации ни находилось бы в распоряжении человека, — философ и игрок в равной степени могли из всего этого извлекать наслаждение.

И по-прежнему оставались — для всех мужчин и женщин — сопряженные миры любви и искусства. Сопряженные, поскольку любовь без искусства есть просто удовлетворение желания, а искусством нельзя насладиться, если не подходить к нему с позиций любви.

Человек стремится к красоте во множестве форм — в последовательности звуков, в линиях на бумаге, в поверхности камня, в движениях тела, в сочетаниях цветов, заполняющих некоторое пространство. Все эти способы выражения красоты издревле существовали в Диаспаре, а на протяжении веков к ним прибавились еще и новые. И все же никто не был уверен, что все возможности искусства исчерпаны, — так же как и в том, что оно имеет какое-то значение вне человеческого сознания.

И это же самое можно было сказать о любви.

Джизирак недвижимо сидел среди вихря цифр. Первая тысяча простым чисел, выраженных в двоичном коде, которым пользовались во всех арифметических операциях с тех самых пор, как был изобретен компьютер, в строгом порядке проходила перед ним. Бесконечные шеренги единиц и нулей плыли и плыли, являя Джизираку безупречную последовательность чисел, не обладающих, в сущности, ни одним другим качеством, кроме самотождества и принадлежности к некоему единству. В простых числах пряталась тайна, властно очаровывавшая человека в прошлом, но и до сих пор не отпустившая его воображения.

Джизирак не был математиком, хотя порой и любил потешить себя мыслью, что принадлежит к их числу. Все, что он мог, — это блуждать среди бесконечной череды математических загадок в поисках каких-то особых соотношений и правил, которые могли бы быть включены в более общие математические законы более талантливыми людьми. Он в состоянии был обнаружить, как ведут себя числа, но не мог объяснить — почему. Для него это было просто удовольствием — прорубаться через арифметические дебри, и порой ему случалось открывать чудеса, ускользнувшие от более подготовленных исследователей.

Он установил матрицу всех возможных целых чисел и запрограммировал свой компьютер таким образом, чтобы он мог нанизывать на нее простые числа, подобно бусинам на пересечениях ячеек сети. Джизирак делал это уже не одну сотню раз и прежде и так и не добился какого-либо интересного результата. Но он был заворочен тем, как простые числа были разбросаны — по-видимому, без какой-либо закономерности — по спектру своих целых собратьев. И хотя законы распределения, к этому времени уже открытые, были ему известны, он все же надеялся обнаружить что-нибудь новенькое.

Вряд ли он мог пожаловаться на то, что его прервали. Если бы ему хотелось, чтобы его не тревожили, он настроил бы свой домашний объявитель соответствующим образом. Когда в ухе у него раздался мелодичный звон сигнала, стена чисел заколебалась, цифры расплылись и Джизирак возвратился в мир простой реальности.

Он сразу же узнал Хедрона и не слишком обрадовался этому визиту. Джизираку не нравилось, когда его отвлекали от заведенного жизненного порядка, а Хедрон всегда означал нечто непредсказуемое. Тем не менее он

достаточно вежливо приветствовал гостя и постарался скрыть даже малейшие признаки пробудившегося в душе беспокойства.

Когда в Диаспаре двое встречались впервые — или даже в сотый раз, — было принято провести час-другой в обмене любезностями, прежде чем перейти к делу, если оно, разумеется, было, это самое дело. Хедрон до некоторой степени оскорбил Джизирака, сократив этот ритуал до пятнадцати минут, после чего он внезапно заявил:

— Мне бы хотелось поговорить с вами относительно Олвина. Насколько я понимаю, вы — его наставник...

— Верно, — ответил Джизирак. — Я все еще вижу с ним несколько раз в неделю — не так часто, как ему этого бы хотелось.

— И как по-вашему — он способный ученик? Джизирак задумался: ответить на этот вопрос было непросто. Отношения между учеником и наставником считались исключительно важными и, по сути дела, были одним из краеугольных камней жизни в Диаспаре. В среднем в городе что ни год появлялась тысяча новых «я», Предыдущая память новорожденных была еще латентной, и в течение первых двадцати лет все вокруг было для них непривычным, новым и странным. Этих людей нужно было научить пользоваться тьмой машин и механизмов, которые составляли фон повседневности, и, кроме того, они должны были познакомиться еще и с правилами жизни в самом сложном обществе, которое когда-либо создавал человек.

Часть этой информации исходила от супружеских пар, избранных на роль родителей новых граждан. Выбор происходил по жребию, и обязанности их были не слишком обременительны. Эристон и Итания посвящали воспитанию Олвина никак не более трети своего времени, и они сделали все, что от них ожидалось, В обязанности Джизирака входили наиболее серьезные аспекты обучения Олвина. Считалось, что названные родители должны обучить ребенка, как ему вести себя в обществе, ну и познакомить со все расширяющимся кругом друзей. Они отвечали за характер Олвина, Джизирак — за его интеллект.

— Мне достаточно трудно ответить на ваш вопрос, — проговорил наконец Джизирак. — Разумеется, с мышлением у Олвина все в порядке, Но многие вещи, которые, казалось бы, должны его интересовать, полностью остаются за пределами его внимания. А с другой стороны — он проявляет несколько даже болезненное любопытство к моментам, которые мы обычно не обсуждаем между собой...

— Например — к миру за пределами Диаспара? — Да... Но откуда вы знаете?

Хедрон какое-то мгновение колебался, размышляя, насколько он может довериться Джизираку. Ему было известно, что наставник Олвина — человек сердечный и намерения у него самые добрые. Но знал он и то, что Джизирак повинуетя всем тем табу, которые определяют жизненные установки каждого гражданина Диаспара, — каждого, кроме Олвина.

— Это догадка, — сказал он наконец. Джизирак устроился поудобнее в глубине материализованного им кресла. Ситуация складывалась интересная, и ему хотелось — проанализировать ее со всей возможной полнотой. Многого узнать он, однако, не мог — разве только Хедрон проявил бы желание помочь.

Ему стоило бы предвидеть, что в один прекрасный день Олвин познакомится с Шутом — со всеми непредсказуемыми последствиями этого знакомства.

Если не считать Олвина, Хедрон был единственным во всем городе, кого можно было бы назвать человеком эксцентричным, но даже и эта особенность его личности была запрограммирована создателями Диаспара. Давным-давно было найдено, что без своего рода преступлений или некоторого беспорядка Утопия вскоре стала бы невыносимо скучна. Преступность, однако, в силу самой логики вещей не могла существовать даже на том оптимальном уровне, которого требовало социальное уравнение. Если бы она была узаконена и регулируема, то перестала бы быть преступностью, Решением проблемы, которое нашли создатели города, решением с первого взгляда наивным, но, строго говоря, очень тонким, было учреждение роли Шута. На протяжении всей истории Диаспара можно было бы насчитать меньше ста человек, чье интеллектуальное достояние делало их пригодными для этой необычной роли, Они обладали определенными привилегиями, которые защищали их от последствий их шутовских выходок, хотя были и такие Шуты, что переступили некую ограничительную линию и заплатили за это единственным наказанием, которому мог подвергнуть их Диаспар, — их отправляли в будущее прежде, чем истекал срок их очередного существования.

В редких и трудно предвидимых случаях Шут буквально вверх дном переворачивал город какой-нибудь своей проделкой, которая могла быть не более чем тонко задуманной дурацкой шуткой или же рассчитанным выпадом против популярного в данный момент убеждения, а то и всего образа жизни. Принимая все это во внимание, можно было утверждать, что титул «шут» оказался в высшей степени удачным. В свое время, еще когда существовали короли и их дворы, шуты решали именно такие задачи и

преследовали те же цели.

— Будет полезно, — сказал Джизирак, — если мы будем откровенны друг с другом. Мы оба знаем, что Олвин — Неповторимый, что он никогда раньше в жизни Диаспара не существовал. Очень может быть, что вам легче, чем мне, догадаться о последствиях этого факта. Я сомневаюсь, что хоть что-то из происходящего в городе может быть никоим образом не запланировано, и, стало-быть, и в создании Олвина должна заключаться какая-то цель. Достигнет ли он этой цели, какова бы она ни была, мне неизвестно; Не знаю я и того, хороша ли она или дурна... Я просто не в силах догадаться, в чем она состоит...

— Ну, допустим, она касается чего-то, лежащего за пределами Диаспара?..

Джизирак терпеливо улыбнулся: Шут мило пошутил, что, собственно, от не го и ожидалось. Я уже рассказал ему — что там... Он знает, что за пределами Диаспара нет ничего, кроме пустыни. Пожалуйста, отведите его туда, если можете. Кто знает, вдруг вам известен путь наружу... Когда он столкнется с реальностью, это, наверное, позволит излечить некоторые странности его сознания...

— Мне представляется, что он уже видел наружный мир, — тихо проговорил Хедрон. Но сказал он это себе, а не Джизираку.

— Я не думаю, что Олвин счастлив, — продолжал Джизирак. — Он не обзавелся настоящими привязанностями, и трудно себе представить, как он мог бы это сделать, пока он страдает от этой своей одержимости. Но, в конце концов, Олвин ведь еще очень молод... Он может вырасти из этой фазы и стать частью рисунка обычной жизни города...

Все это Джизирак говорил, в общем-то, для того, чтобы успокоить самого себя. Хедрону было небезынтересно, верит ли он собственным словам.

— А скажите-ка мне, Джизирак, — неожиданно задал вопрос Шут, — знает ли Олвин, что он — не первый Неповторимый? Казалось, Джизирак был поражен услышанным и даже до некоторой степени уязвлен.

— Мне следовало бы догадаться, что уж **вам** — то это известно, — с печалью в голосе ответил он. — Ну и сколько же Неповторимых было за всю историю Диаспара? Десять?

— Четырнадцать, — немедленно последовал ответ Хедрона. — Это не считая Олвина.

— У вас информация богаче, чем у меня, — криво усмехнулся Джизирак. — И вы можете сказать мне, что именно случилось с теми Неповторимыми?

— Они исчезли... — Благодарю. Это мне известно. Именно поэтому я почти ничего и не сообщил Олвину о его предшественниках: знание о них едва ли помогло бы ему в его нынешнем состоянии... Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

— В настоящий момент — да. Мне хочется самому изучить Олвина. Загадки всегда завораживали меня, а в Диаспаре их так мало... Кроме того, мне кажется, что судьба, возможно, готовит нам такую шутку, по сравнению с которой все мои шутовские проделки будут выглядеть куда как скромно... И в этом случае я хочу быть уверен, что буду присутствовать на месте действия, когда грянет гром...

— Похоже, вам слишком уж нравится говорить намеками, — попенял Шугу Джизирак. — Что именно вы предвидите?

— Я сомневаюсь, знаете ли, чтобы мои догадки оказались хоть в какой-то степени лучше ваших. Но я верю: ни вы, ни я, ни кто-либо третий в Диаспаре не сможет остановить Олвина, когда тот решит, что же именно ему хочется сделать. У нас впереди, на мой взгляд, несколько очень и очень интересных столетий...

Джизирак долго сидел недвижимо, совершенно забыв о своей математике, после того, как изображение Хедрона растаяло. Его терзало дурное предчувствие, не сравнимое ни с чем, что он когда-либо испытывал прежде. В какой-то момент он даже задался вопросом — а не следует ли ему попросить аудиенции у Совета?.. Но, с другой стороны, не будет ли это выглядеть, как смешная паника без малейшего на то повода? Быть может, вся эта ситуация — не более чем какая-то сложная и непостижимая шутка Хедрона, хотя Джизираку и нелегко было представить себе, почему мишенью для розыгрыша избрали именно его...

Он всесторонне обдумал ситуацию, проанализировал ее со всех точек зрения. Спустя час с небольшим он пришел к характерному для него решению.

Он подождет и посмотрит.

...Олвин не тратил времени зря и немедленно принялся узнавать все что можно о Хедроне. Как всегда, основным его источником информации был Джизирак. Старый наставник дал ему строго фактический отчет о своей встрече с Хедроном и добавил к нему то небольшое, что ему было известно об образе жизни Шута. В той мере, в какой это вообще было возможно в Диаспаре, Хедрон вел уединенную жизнь: никто не знал ни где он обитает, ни каковы его привычки. Последняя по времени шутка, которую он отмочил, была, в сущности, совсем детской проказой, повлекшей за собой полный паралич всего городского транспорта. Было это

пятьдесят лет назад, Столетьем раньше он пустил гулять по городу какого-то очень уж противного дракона, который слонялся по улицам и жадно пожирал все работы, выставленные модным в тот момент скульптором. Сам скульптор, справедливо встревоженный, когда разборчивость чудовища по кулинарной части стала очевидной, предпочел спрятаться и не появлялся на люди до тех пор, пока дракон не пропал таким же загадочным образом, как и появился.

Из всей этой информации ясно было одно. Хедрон, должно быть, досконально знал функции всех устройств и всех тех сил, которые управляли жизнью города, и мог заставить их повиноваться своей воле в такой степени, какая была недоступна никому другому. И надо полагать, существовал еще один, более высокий, уровень контроля, на котором предотвращались любые попытки слишком уж изобретательных Шуты причинить постоянный, неустранимый ущерб сложнейшей структуре Диаспара.

Олвин должным образом усвоил все это, но не предпринял никаких попыток к тому, чтобы увидеться с Хедроном. Ему хотелось обрушить на Шуту целый ворох вопросов, но непреклонное стремление до всего доходить самому — быть может, наиболее неповторимая черта его уникальной натуры — укрепляло решимость выяснить все, что можно, собственными силами, без помощи со стороны. Он взялся за дело, которое могло потребовать от него многих лет, но до тех пор, пока он чувствовал, что движется вперед, к своей цели, он был счастлив.

Подобно путешественнику стародавних времен, который стирал с карты белые пятна неведомых земель, Олвин приступил к систематическому исследованию Диаспара. Дни и недели проводил он, бродя лабиринтами покинутых башен на границах города, — в надежде, что найдет где-нибудь выход в мир на той стороне. В ходе этих поисков он обнаружил с десятков огромных воздухопроводов, открывающихся вовне высоко над уровнем пустыни, но все они оказались забраны решетками. Хотя, даже и не будь там этих самых решеток, отвесная пропасть глубиной в милю оставалась достаточно серьезным препятствием, Он так и не нашел выхода из города, хотя исследовал тысячи коридоров, десятки тысяч пустующих помещений. Все эти заброшенные здания были в безупречном — ни пылинки! — состоянии, которое жители Диаспара, кстати сказать, принимали как нечто само собой разумеющееся, как часть нормального порядка вещей. Порой Олвин встречал плывущего робота, совершающего, очевидно, инспекционный обход, и всякий раз задавал машине свой сакраментальный вопрос. Все это было без толку, потому что

встречавшиеся ему машины не были настроены на ответ человеческой мысли или речи. И хотя, вне всякого сомнения, они осознавали его присутствие, потому что вежливо отплывали в сторонку, чтобы дать ему пройти, завязывать с ним разговор категорически не желали.

Случалось, что Олвин на протяжении долгих дней не встречал другого человеческого существа. Когда его начинало мутить от голода, он заходил в какое-нибудь из заброшенных жилых помещений и заказывал себе обед. Чудесные машины, о существовании которых он и не задумывался, после целых геологических эпох сна немедленно пробуждались к действию. Программы, которые они хранили в своей памяти, вдруг возникали к жизни где-то на самой границе реального, непостижимым образом преобразуя подвластные им вещества. И вот уже блюдо, впервые приготовленное каким-то безвестным чародеем поварского искусства сто миллионов лет назад, снова вызывалось к существованию, чтобы порадовать человека изысканностью вкусового богатства или, на худой конец, просто утолить его голод.

Пустота этого всеми забытого мира — скорлупы, окружающей живое сердце города — не подавляла Олвина. Он был привычен к одиночеству — даже когда проводил время среди тех, кого называл своими друзьями. Эти ревностные поиски, поглощающие всю его энергию и весь жизненный интерес, заставляли на какое-то время забыть тайну своего происхождения и ту странность, что отрезала его от всех его товарищей.

Он успел исследовать менее чем одну сотую зданий внешнего пояса, когда пришел к выводу, что тратит время зря. Это не было результатом нетерпения — думать именно так заставлял простой здравый смысл. Если бы было необходимо, он готов был вернуться сюда и довершить начатое, даже если бы на это понадобилось потратить остаток жизни. Но он, однако, увидел уже вполне достаточно, чтобы убедиться, что, если выход из города где-то и есть, его так вот просто ему не найти. Он мог бы потратить столетия в бесплодных поисках, вместо того чтобы обратиться к помощи более умудренного человека.

Джизирак прямо сказал ему, что не знает пути, ведущего из Диаспара, и что сам он сомневается в его существовании. Информационные устройства, когда Олвин задавал им этот вопрос, тщетно обшаривали свою практически безграничную память. Они могли поведать ему мельчайшие детали истории города, вплоть до, самого начала периода, записанного в Центральном Компьютере, — вплоть до барьера, за которым, навечно скрытые от человека, лежали Века Рассвета. Но либо информаторы были не в состоянии дать ответ на незатейливый вопрос Олвина, либо какой-то

высший авторитет запретил им отвечать...

Ему снова нужно было повидаться с Хедроном.

— А ты не торопился, — сказал Хедрон. — Впрочем, я-то знал, что рано или поздно, но ты придешь.

Олвин вспыхнул раздражением от такой самоуверенности. Не хотелось признаваться себе, что кто-то, оказывается, может с такой точностью предсказать твоё поведение. У него даже мелькнуло подозрение — а уж не следил ли Шут за всеми его бесплодными поисками?

Я пытаюсь найти выход из города, — без обиняков отрезал Олвин. — Ведь должен же быть хотя бы один... и мне думается, помочь найти его можете вы!

Несколько секунд Хедрон сидел в полном молчании. Захоти он — у него еще была возможность свернуть с пути, что простерся перед ним в будущее, которое лежало за пределами всех его способностей к предвидению. Никто другой на его месте не колебался бы ни минуты. В городе не было другого человека, который — даже будь у него силы и возможности — решился бы потревожить призраки века, мертвые уже на протяжении миллионов столетий. Быть может, никакой опасности и не существовало и ничто не могло потревожить преемственную неизменность Диаспара. Но если он все-таки имелся — самый что ни на есть малейший риск пробуждения чего-то странного и неизведанного, грозящего этому миру, то сейчас у Хедрона был последний Шанс предотвратить грядущее.

Порядок вещей, каким он существовал, вполне устраивал Шута. Время от времени он мог слегка расстраивать этот порядок, но только едва-едва ощутимо. Он был критиком, а не революционером. На поверхности ровно текущей реки Времени он стремился вызвать лишь легкую рябь. От мысли, что можно изменить и само течение, у него мурашки бежали по коже. Стремление испытать какое-то приключение, кроме тех, что были возможны в сагах, было вытравлено из его сознания так же тщательно и продуманно, как и у всех остальных жителей Диаспара.

И все же в нем еще теплилась — чуть-чуть — искорка того любопытства, что было когда-то величайшим даром Человека. И Хедрон был готов пойти на риск.

Он глядел на Олвина и пытался припомнить свою собственную молодость, свои мечты того времени, которое сейчас отстояло от него на половину тысячелетия. Любой момент его прошлого, когда он обращался к нему мысленным взором, вырисовывался в памяти ярко и четко. Словно

бусины на нитке, простирались от него в минувшее и эта его жизнь, и все предыдущие. Он мог охватить памятью и пересмотреть любую из них. По большей части те, прежние, Хедроны были для него теперь чужаками. Основной рисунок характера мог оставаться тем же самым, но его, нынешнего, навсегда отделял от тех, прежних, груз опыта. Если бы ему захотелось, он мог бы навечно стереть из памяти все свои предыдущие воплощения — в тот миг, когда он снова войдет в Зал Творения, чтобы уснуть до поры, пока город снова не призовет его. Но это была бы своего рода смерть, а к ней он еще не был готов. Он по-прежнему жаждал собирать и собирать все, что могла предложить ему жизнь, словно спрятавшийся в своем домике наutilus, терпеливо добавляющий все новые и новые слои к своей медленно растущей спиральной раковине.

В юности он ничем не отличался от товарищей. Только когда он повзрослел и пробудившиеся воспоминания о прежних существованиях нахлынули на него, только тогда он принял роль для которой и был предназначен давным-давно. Порой все в нем восставало против того, что великие умы, которые с таким бесконечным искусством создали Диаспар, в состоянии даже теперь, спустя века и века, заставлять его дергаться марионеткой на выстроенной ими сцене. И вот у него — кто знает? — появился шанс осуществить давно откладываемую месть... Появился новый актер, который, возможно, в последний раз опустит занавес над пьесой, действие за действием все идущей и идущей на подмостках жизни...

Сочувствие — к тому, чье одиночество должно быть куда более глубоким, чем его собственное, скука, порожденная веками повторений, и проказливое стремление к крупному озорству — таковы были противоречивые факторы, подтолкнувшие Хедрона к действию.

— Быть может, я в состоянии помочь тебе, — ответил он Олвину. — А может быть, и нет... Мне не хотелось бы пробуждать несбыточных надежд. Встретимся через полчаса на пересечении Третьего радиуса и Второго кольца. По крайней мере, могу обещать тебе хорошую прогулку — если не сумею сделать ничего большего.

Олвин пришел за десять минут до назначенного срока, хотя место встречи и находилось на противоположном краю города. Он нетерпеливо ждал, глядя, как бесконечной лентой плывут мимо него тротуары, несущие на себе таких довольных и таких скучных ему жителей города, устремляющихся куда-то по своим, не имеющим ровно никакого значения делам. Наконец вдалеке показалась высокая фигура Хедрона, и несколькими мгновениями спустя Олвин впервые очутился в обществе

Шута во плоти, а не его электронного изображения. Они сомкнули ладони в древнем приветствии — да, Шут оказался достаточно реален.

Хедрон уселся на одну из мраморных балюстрад и принялся разглядывать Олвина с пристальным вниманием.

— Интересно, — протянул он, — отдаешь ли ты себе отчет в том, на что покусился?.. И еще мне интересно — что бы ты сделал, если бы твое желание исполнилось? Неужели ты и в самом деле воображаешь, что в состоянии покинуть пределы города, если найдешь выход?

— В этом я уверен, — ответил Олвин, ответил достаточно храбро, хотя Хедрон и уловил в голосе юноши некоторые колебания.

— Тогда позволь мне сказать тебе кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Видишь вон те башни? — Хедрон простер руку к двойному пику Центральной Энергетической и Зала Совета, которые глядели друг на друга, разделенные пропастью глубиной в милю. — Теперь представь, я положил бы между этими башнями абсолютно жесткую доску — шириной всего в шесть дюймов. Смог бы ты по ней пройти?

Олвин, ошеломленный, медлил.

— Не знаю, — наконец прошептал он. — Мне что-то и пробовать-то не хочется...

— Я совершенно уверен, что тебе не удалось бы по ней пройти ни за что на свете. Закружится голова, и ты рухнешь вниз не пройдя и десятка шагов... Но если бы та же доска была укреплена лишь на ладонь от поверхности земли, ты прошел бы по ней без малейшего затруднения.

— Ну и что?

— Мысль очень проста. В этих двух предложенных мной экспериментах доска, заметь, одной и той же ширины. Какой-нибудь из этих вот роботов на колесах, которых мы порой встречаем, прошел бы по ней между башнями с такой же легкостью, что и по земле. А мы — нет, поскольку нам свойственна боязнь высоты. Да, пусть она иррациональна, но она слишком уж сильна, чтобы ее можно было игнорировать. Она встроена в нас. Мы с нею рождены.

Так вот, точно таким же образом нам свойственна и боязнь пространства. Покажи любому в Диаспаре дорогу, ведущую из города, дорогу, которая, возможно, ничуть не отличается от этой вот мостовой, и он далеко по ней не уйдет. Ему просто придется повернуть назад, как повернул бы ты, рискнув пойти по доске между этими двумя башнями.

— Но почему? — запротестовал Олвин. — Ведь было же, наверное, когда-то время...

Знаю, знаю, — улыбнулся Хедрон. — Когда-то человек путешествовал

по всему миру и даже к звездам. Но... Что-то изменило его и вселило в него этот страх, с которым он теперь и рождается.

Ты — единственный, кто воображает, будто ему этот страх несвойствен. Что ж, посмотрим. Я поведу тебя в Зал Совета...

Зал этот находился в одном из величайших зданий города и был почти полностью предоставлен в распоряжение машин, которые и являлись настоящей администрацией Диаспара. Близко к вершине здания находилось помещение, в котором в тех редких случаях, когда возникала проблема, требующая обсуждения, встречались члены Совета.

Широкий вход поглотил их, и Хедрон уверенно ступил в золотой полумрак. Олвин никогда прежде не бывал в Зале Совета. Это не было запрещено — в Диаспаре вообще мало что запрещалось, — но он, как и все остальные, испытывал перед Советом чувство едва ли не какого-то мистического благоговения. В мире, где не знали богов, Зал Совета был наиболее близким подобием храма.

Хедрон без малейших колебаний вел Олвина по коридорам и Пандусам, которые, судя по всему, предназначались вовсе не для людей, а для колесных роботов. Некоторые из этих пологих спусков зигзагами уходили в глубину здания под такими крутыми углами, что идти по ним было просто невыносимо, и лишь искривленное поле тяготения компенсировало крутизну.

В конце концов они остановились перед закрытой дверью, которая тотчас же медленно скользнула вбок, а затем снова задвинулась за ними, отрезав им путь к отступлению. Впереди была еще одна дверь, которая, однако, при их приближении не отворилась. Хедрон не сделал ни малейшей попытки хотя бы коснуться ее, он просто остановился. Через короткое время прозвучал тихий голос: «Будьте добры, назовите ваши имена».

— Я — Хедрон-Шут. Мой спутник — Олвин.

— По какому вы делу?

— Да так, любопытствуем...

К удивлению Олвина, дверь тотчас открылась. Он по собственному опыту знал, что если дать машине шуточный ответ, то это всегда приводит к путанице и все приходится начинать сызнова. Видимо, машина, которая задавала вопросы Хедрону, была очень умна и высоко стояла в иерархии Центрального Компьютера.

Им не встретилось больше никаких препятствий, но Олвин подозревал, что их подвергли множеству тайных проверок. Короткий коридор внезапно вывел их в огромное круглое помещение с притопленным полом, и на плоскости этого самого пола возвышалось

нечто настолько удивительное, что на несколько секунд Олвин от изумления потерял дар речи. Он смотрел сверху... на весь Диаспар, распростертый перед ними, и самые высокие здания города едва доставали ему до плеча.

Он так долго выискивал знакомые места, так пристально изучал неожиданные ландшафты, что не сразу обратил внимание на остальную часть помещения. Его стены оказались покрыты микроскопическим рисунком из белых и черных квадратиков. Сама по себе эта мозаика была, казалось, совершенно лишена какой-либо системности, но когда Олвин быстро повел по ней взглядом, ему представилось, что стены стремительно мерцают, хотя рисунок их не изменился ни на йоту. Вдоль этой круговой стены через короткие интервалы были расставлены какие-то аппараты с ручным управлением, и каждый из них был оборудован экраном и креслом для оператора.

Хедрон позволил Олвину вдоволь налюбоваться этим зрелищем. Затем он ткнул рукой в уменьшенную копию города:

— Знаешь, что это такое?

Олвина так и подмывало ответить: «Макет, надо полагать», но такой ответ был бы настолько очевидным, что он решил просто промолчать. Поэтому он только неопределенно покачал головой и стал ждать, чтобы Хедрон сам ответил на свой вопрос.

— Помнишь, я как-то рассказывал тебе, как наш город поддерживается в неизменном состоянии, как в Хранилищах Памяти навечно запечатлен его облик... Эти Хранилища теперь здесь, вокруг нас. Со всем их неизмеримо огромным объемом информации, полностью описывающей город как он есть в настоящий момент. С помощью сил, о которых мы все позабыли каждый атом в Диаспаре каким-то образом связан с матрицами, заключенными в этих стенах.

Шут повел рукой в сторону безупречного, бесконечно детального изображения Диаспара, которое распростерлось перед ними:

— Это не макет. То, что ты видишь, — неосвязаемо. Это просто электронное изображение, воссозданное по матрицам, хранящимся в Памяти, совершенно идентичное самому городу. А вот эти просмотрные мониторы позволяют увеличить любой требуемый участок Диаспара, посмотреть на него в натуральную величину или даже под еще большим увеличением. Ими пользуются, когда нужно внести какие-либо изменения в конструкцию города хотя никто не брался за это уж бог знает сколько времени. Если ты хочешь узнать, что же это такое — Диаспар, то нужно идти именно сюда. Здесь в несколько дней ты постигнешь больше, чем за

целую жизнь изысканий там, на улицах.

— Как замечательно! — воскликнул Олвин. — И сколько же людей знают о существовании этого места?

— О, знают очень многие, да только все это редко кого интересует. Время от времени сюда приходит Совет — ведь ни одно изменение в городе не может произойти, если члены Совета не присутствуют тут в полном составе. Но даже и этого недостаточно, если Центральный Компьютер не одобрит предполагаемое изменение. Словом, я сильно сомневаюсь, что хоть кто-то приходит сюда чаще, чем два-три раза в год.

Олвину хотелось спросить откуда же у самого Хедрона доступ в это место, но он вспомнил, что многие из наиболее сложных проделок Шута требовали вовлечения внутренних механизмов города, а знание их работы проистекало из глубокого изучения святой святых Диаспара. Наверное, это была одна из привилегий Шута — появляться где угодно и изучать что угодно. Лучшего провожатого по тайнам города ему нечего было и желать.

— Очень может быть, что предмета твоих поисков просто не существует, — снова заговорил Хедрон. — Но если он все-таки есть, то отыскать его можно только отсюда. Давай-ка я покажу тебе, как управляться с монитором.

Весь следующий час Олвин просидел перед одним из аппаратов, учась управлять им. Он мог по желанию выбирать какую угодно точку города и исследовать ее при любом увеличении. По мере того как он менял координаты, на экране перед ним мелькали улицы, башни, движущиеся тротуары, стены... Похоже было, что он стал всевидящим, бесплотным духом, который может безо всяких усилий парить над Диаспаром, не затрачивая на это ни эрга энергии.

И все же, в сущности, он исследовал не Диаспар. Он передвигался среди клеток памяти, рассматривая идеальный облик города, параллельно которому реальный Диаспар и сохранялся неизменным на протяжении вот уже миллиарда лет. Олвин мог видеть, только ту часть города, которая оставалась незабываемой. Люди, ходившие по его улицам, не существовали в этой застывшей картине. Впрочем, для его целей это не имело значения. Его интересовало сейчас исключительно создание из камня и металла, в котором он был узником, а вовсе не те, кто разделял с ним — добровольно — его заточение.

Он поискал и тотчас нашел башню Лоранна и быстро пробежался по ее коридорам и проходам, уже известным ему. Когда веред его глазами возникло изображение той каменной решетки — крупным планом, — он почти въяве ощутил холод ветра, что дул сквозь нее непрерывно на

протяжении, возможно, половины всей истории человечества. Он «подошел» к решетке, выглянул... — и не увидел ровно ничего. Мгновенный шок был настолько силен, что Олвин чуть не усомнился в собственной памяти: да уж не во сне ли он видел пустыню?

Но он тотчас понял в чем тут дело. Пустыня ни в коей мере не являлась частью Диаспара, и поэтому в том призрачном мире, который он сейчас исследовал, не было и ее изображения. В реальной жизни по ту сторону решетки могло лежать все что угодно, но экран монитора был здесь совершенно бессилён.

И все же он мог показать Олвину кое-что из того, чего не видел никто из живущих. Олвин переместил точку зрения через решетку на наружную сторону — в пустоту за пределами города. Он повернул верньер настройки, контролировавший направление обзора, таким образом, что теперь «глядел» в ту сторону, с которой «пришел». И там, впереди лежал Диаспар, увиденный снаружи.

Для компьютеров, цепей памяти и всех бесчисленных механизмов, создававших изображение, на которое смотрел Олвин, это была просто проблема перспективы. Они «знали» формы города, поэтому могли показать их и так, как они выглядят со стороны. И все же, хотя Олвину и был понятен способ, при помощи которого все это осуществлялось, открывшееся зрелище ошеломило его. Ведь если не физически то духовно — то он все-таки выскользнул из города! Ему представлялось, что он висит в пространстве в нескольких футах от отвесной стены башни Лоранна. Пару секунд он глядел на ровную серую поверхность перед его глазами. Затем тронул ручку управления, и стена помчалась вверх.

Теперь, когда он знал возможности этого чудесного инструмента, план действий был ясен. Не было никакой необходимости тратить месяцы и годы, осматривая Диаспар изнутри — комнату за комнатой и коридор за коридором. Со своей превосходной новой смотровой позиции он мог, словно на крыльях, облететь весь внешний периметр города и сразу же обнаружить любое отверстие, ведущее в пустыню и раскинувшийся за ней мир.

Радость победы упоение достигнутым закружили ему голову, и Олвину захотелось поделиться с кем-нибудь радостью. Он обернулся к Хедрону, чтобы поблагодарить Шута за то, что он сделал это возможным. Но Хедрон, оказывается, ушел, и ему понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться почему.

Олвин, возможно, был единственным жителем Диаспара, кто мог безо всякого вреда для себя рассматривать изображения, плывущие сейчас по

экрану. Хедрон мог, конечно, оказать ему содействие в поисках, но даже Шут разделял с остальными этот странный ужас перед Вселенной, что в течение столь долгого срока держал человечество внутри его крохотного мирка. Шут оставил Олвина продолжать свои поиски в одиночестве.

И ощущение этого одиночества; которое на некоторое время отпустило было Олвина, снова навалилось на него. Но сейчас совсем не время было грустить, Слишком многое нужно было сделать. Он снова обратился к экрану монитора, заставил стену города медленно поплыть по нему и начал поиски.

Диаспар почти не видел Олвина в последующие несколько недель, хотя всего лишь какая-то горстка людей заметила его отсутствие. Джизирак, обнаружив, что его ученик, вместо того чтобы бродить в районе границ города, все свое время проводит в Зале Совета, испытал некоторое облегчение, ибо полагал, что уж там-то с Олвином никакой беды не приключится. Эристон и Итания раз-другой навестили его комнату, убедились, что сын отсутствует, и не придали этому значения. Что же касается Алистры, то она оказалась более настойчивой.

Для собственного же спокойствия ей следовало бы пожалеть, что она увлеклась Олвином, в то время как перед ней был такой широкий выбор куда более привлекательных вариантов. Поиск партнера никогда ее не затруднял, но... по сравнению с Олвином все ее знакомые мужчины представлялись ничтожествами, отлитыми на один и тот же невыносимо скучный манер. Она не хотела потерять друга без борьбы; отчужденность и безразличие Олвина бросали ей вызов, который она не могла не принять.

И все же, вполне вероятно, мотивы, которые ею двигали, были не совсем уж так эгоистичны и диктовались, скорее, чем-то, что походило более на материнское отношение к Олвину, нежели было простым влечением. Конечно, деторождение было забыто жителями города, но великие женские инстинкты оберегания и сочувствия все еще жили. Олвин мог казаться упрямым и слишком уж полагающимся на самого себя, куда как полным решимости идти своим путем, и все же Алистра была способна ощутить его внутреннее одиночество.

Обнаружив, что Олвин исчез, она немедленно справилась у Джизирака, что произошло. Джизирак, поколебавшись лишь мгновение, рассказал ей все. Если Олвин не нуждался в обществе другого человека, он сам должен был дать тому это понять. Его наставник относился к их взаимоотношениям с полным безразличием. В целом Алистра ему, скорее, нравилась, и он надеялся, что ее влияние поможет Олвину приноровиться к жизни в Диаспаре.

Тот факт, что Олвин пропадал теперь в Зале Совета мог означать только одно — что он погрузился в какие-то исследования и это, по крайней мере, помогало задушить любые подозрения, которые могли бы возникнуть у Алистры в отношении возможных соперниц. Но хотя ревность в ней и не вспыхнула, зато зародилось любопытство. Порой она упрекала себя за то, что бросила Олвина в башне Лоранна, хотя и понимала, что, повторись все сначала, она снова бы поступила точно так же. Нет никакой возможности понять, что у Олвина на уме, говорила она себе, до тех пор пока она не докопается, чем же это он занят.

Алистра решительно вошла в главный вестибюль Зала Совета — должным образом пораженная, но ничуть не подавленная глубочайшей тишиной, которая объяла ее тотчас же, едва она переступила порог. Вдоль дальней стены вестибюля сплошной шеренгой стояли информационные машины, и она наудачу подошла к одной из них.

Как только загорелся сигнал приема, она произнесла: «Я ищу Олвина. Он где-то в этом здании. Как мне его найти?»

Даже прожив не одну жизнь, люди так и не могли привыкнуть, что на обычные вопросы машины отвечали мгновенно. Были среди жителей Диаспара такие, кто говорил, что им известно, как это происходит, и с таинственным видом рассуждали о «времени доступа» и «объеме памяти», но окончательный результат не становился от этого менее чудесным. Любой чисто практический вопрос, касающийся чего-то в пределах и в самом деле невообразимого объеме информации обо всем, происходящем в городе, получал разрешение немедленно. Некоторая задержка происходила только в тех случаях, когда требовалось произвести сложные вычисления.

— Он у мониторов, — последовал ответ. Это было не слишком много, потому что слово «мониторы» ничего Алистре не говорило. Ни одна машина по своей собственной инициативе никогда не сообщала информации больше, чем от нее требовали, и поэтому умение правильно сформулировать вопрос было искусством, овладеть которым часто удавалось не вдруг.

— А как мне к нему пройти? — спросила Алистра. Она узнает, что такое мониторы, когда доберется до них.

— Я не могу вам этого сказать, пока у вас не будет разрешения Совета.

Меньше всего она могла ожидать вот такого, совершенно обескураживающего, оборота событий. В Диаспаре было совсем немного мест, которые не мог бы посетить всяк кому вздумается. Алистра была совершенно уверена, что у самого-то Олвина не имелось никакого разрешения от Совета, а это могло только означать, что ему помогает кто-

то, кто стоит выше Совета.

Совет руководил Диаспаром. Но и сам Совет должен был повиноваться приказаниям еще более высокой инстанции — почти безграничного интеллекта Центрального Компьютера. Трудно было не думать о Центральном Компьютере как о живом существе, локализованном в каком-то ограниченном пространстве, хотя на самом деле он представлял собой сумму всех машин Диаспара. И даже если он и не был живым в биологическом понимании этого слова, ему, во всяком случае, было свойственно не меньше сознания и самосознания, чем человеческому существу. Он обязан знать, чем занят Олвин, и, следовательно, должен одобрять эту деятельность, иначе Олвин был бы остановлен а его проблема была бы передана Совету — как это сделала информационная машина в отношении самой Алистры.

Смысла оставаться здесь не было никакого. Алистра понимала, что любая попытка найти Олвина — даже если бы она точно знала, где именно в этом огромном здании он находится — обречена на неудачу. Двери не станут отворяться перед ней, движущиеся полы, ступи она на них, будут изменять направление движения, унося ее не вперед, а назад, гравикомпенсаторные поля эскалаторов загадочным образом потеряют силу, отказываясь опускать ее с этажа на этаж. Если же она проявит настойчивость, то ее выпроводит наружу вежливый, но совершенно непреклонный робот или же ее примутся водить по всему зданию, пока ей это смертельно не надоеет и она не уйдет отсюда по своей собственной воле.

Когда она вышла на улицу, настроение у нее было хуже некуда. И в то же самое время она была более чем удивлена, впервые осознав, что существует какая-то тайна, перед которой ее личные желания и интересы выглядят, в сущности, тривиальными. Впрочем, это совсем не означало, что для нее-то самой они отныне станут сколько-то менее важными. У ней не было ни малейшего представления, что же теперь делать, но в одном она была уверена: Олвин был не единственным в Диаспаре, кто мог быть упрямым и настойчивым.

...Олвин оторвал руки от панели управления, обесточил все цепи, и изображение на экране угасло. Несколько секунд он сидел совершенно недвижимо, уставившись на пустой прямоугольник дисплея, целиком занимавший его сознание на протяжении всех этих долгих недель. Он совершил кругосветное путешествие вокруг своего мира. По этому экрану проплыл каждый квадратный дюйм внешней стены Диаспара. Он знал теперь свой город лучше, чем любой другой его гражданин, — за исключением, возможно, Хедрона, — но знал он теперь и то, что выхода сквозь стены не существует...

Чувство, владевшее им сейчас было не просто унынием. Откровенно сказать, он, в сущности, и не ожидал, что проблеме можно будет решить так вот просто, что с первой же попытки удастся отыскать то, что ему требуется. Важно было, что он устранил еще одну возможность. Теперь предстояло взяться за другие.

Он поднялся из кресла и подошел к изображению города, которое почти заполняло зал. Трудно было не думать о нем как о материальном макете, хотя Олвин и понимал, что на самом-то деле это всего-навсего оптическая проекция сложнейшей матрицы, распределенной по ячейкам памяти, которые он только что исследовал. Когда он поворачивал ручки управления и заставлял свою воображаемую наблюдательную позицию передвигаться по городу, по поверхности этой вот его электронной копии синхронно путешествовало крохотное пятнышко света и он мог совершенно точно знать, куда именно в данный момент он направляется. В первые дни световой зайчик был очень удобным гидом, но вскоре Олвин настолько напрактиковался в настройке координат, что подсказка эта стала ему уже не нужна.

Город распростерся у его ног. Он смотрел на него, как если бы был Богом. И — едва видел, потому что перебирал в уме один за другим шаги, которые следовало предпринять теперь.

Если все мыслимые решения проблемы и отпали, все-таки осталось еще одно. Быть может, Диаспар и сохраняется в своем вечном стасисе, навсегда замороженный в соответствии с электрическим узором ячеек памяти но сам-то этот узор может быть изменен, и тогда соответствующим образом изменится и сам город. Можно будет перестроить целую секцию внешней стены, проломить в ней проход, ввести эту информацию в

мониторы и позволить городу переделать себя в соответствии с этой новой концепцией.

Олвин подозревал, что обширные панели пульта контроля за мониторами, функций которых Хедрон ему не объяснил, имеют отношение как раз к такого вот рода изменениям. Экспериментировать с ними было бесполезно. Средства управления, которые могли изменять самое структуру города, были конечно же накрепко заблокированы, и привести их в действие можно было только с разрешения Совета и с одобрения Центрального Компьютера. Существовало очень мало шансов на то, что Совет пойдет ему навстречу, даже если он приготовится к десяткам лет а то и к столетиям терпеливейших просьб. Такая перспектива не устраивала его ни в малейшей степени.

Он обратил свои мысли к небу. Порой ему чудилось — в мечтах, о которых он вспоминал потом не без смущения, — что он обрел способность летать, способность, утраченную человечеством так давно. Было время — он знал это, — когда небо Земли заполняли странные силуэты. Из космоса прилетали огромные корабли, они несли в трюмах неведомые сокровища и приземлялись в легендарном порту Диаспара. Но порт находился за пределами города. Целые эпохи прошли с того времени, когда он оказался укрыт кочующими песками пустыни. Олвин, понятно, мог мечтать о том, что где-то в лабиринте Диаспара все еще может таиться одна из этих летающих машин но, в общем-то, он в это не верил. Представлялось крайне маловероятным, что даже в те дни, когда полеты на маленьких флайерах личного пользования были делом обычным, ими разрешалось пользоваться за пределами города.

На какие-то секунды он забылся в старой, привычной мечте: он вообразил, что небо подвластно ему, что, распростершись, мир лежит под ним, приглашая отправиться туда, куда ему хочется. Это не был мир его времени. Это был утраченный мир Начала — богатейшая, вся в движении панорама холмов лесов и озер. Он испытал острую зависть к своим неведомым предкам, которые с такой свободой летали над всей землей и которые позволили умереть се красоте.

Эти иссушающие ум мечтания были бесплодны. Он с трудом вернулся в настоящее — к своей насущной проблеме. Если небо для него недостижимо, а путь по земле прегражден, то что же остается?

Он снова оказался в положении, когда ему требуется помощь, когда только своими силами он не может продвинуться вперед. Ему не хотелось признаваться в этом перед самим собой, но он был достаточно честен и осознал этот малоприятный факт. И мысли его с неизбежностью

обратились к Хедрону.

Олвин никак не мог решить, по душе ли ему Шут. Он был очень рад, что они встретились, и был благодарен Хедрону за ту, неясно выраженную но все-таки симпатию, которую Шут проявил к нему в ходе поиска. В Диаспаре больше не нашлось бы ни одной живой души, с кем у Олвина оказалось бы так много общего, и все-таки в личности Хедрона ощущался какой-то червячок, который нет-нет, да и действовал ему на нервы. Возможно, это был налет этаким иронической отстраненности, которая порой порождала у Олвина подозрение, что Хедрон втихомолку подсмеивается над всеми его усилиями, даже когда казалось — он делает все, чтобы именно помочь. Из-за этого, а также в силу свойственного ему упрямства и чувства независимости, Олвину не слишком хотелось обращаться к Хедрону — разве что в самом крайнем случае.

Они договорились встретиться в маленьком круглом дворике неподалеку от Зала Совета. В городе было множество таких вот уединенных местечек частенько расположенных всего в нескольких шагах от оживленной магистрали, но совершенно изолированных от людской толчеи. Добраться до них, как правило, можно было только пешком, изрядно побродив сначала вокруг да около. По большей части они, в сущности, являлись центрами умело созданных лабиринтов, что только усиливало их отъединенность. Это было довольно типично для Хедрона — выбрать для встречи именно такое вот место.

Дворик оказался едва ли более пятидесяти шагов в поперечнике и, в общем-то, находился не на воздухе, а глубоко внутри какого-то большого здания. Глазу, однако представлялось, что у него нет каких-то определенных физических границ, а окружает его нечто из полупрозрачного голубовато-зеленого материала, светящегося мягким внутренним светом. И все же, несмотря на отсутствие этих самых границ, дворик оказался спроектирован таким образом, что не было ни малейшей опасности потеряться и кажущейся бесконечности окружающего его пространства. Низкие стены, высотой в половину человеческого роста, разорванные через неправильные интервалы с тем, чтобы через них можно было пройти, создавали достаточное впечатление замкнутости, без чего никто в Диаспаре не мог чувствовать себя совершенно в своей тарелке.

Когда появился Олвин Хедрон внимательнейшим образом разглядывал как раз одну из секций стены. Она была украшена хитроумной мозаикой из глазурованных плиток, и узор оказался таким фантастически сложным, что Олвин даже и стараться не стал читать его.

— Посмотри-ка на эту мозаику, Олвин, — молвил Шут. — Не

замечаешь ли ты в ней какой-нибудь странности?

— Нет, — бегло взглянув на рисунок, признался Олвин. — Да мне, собственно, все равно — тем более что никакой странности тут нет...

Хедрон пробежался пальцами по разноцветным плиткам.

— Ты не слишком наблюдателен, — укоризненно проговорил он. — Взгляни-ка вот на эти кромки — видишь, как они округлены, какую приобрели мягкую форму? Это нечто такое Олвин, что в Диаспаре можно увидеть крайне редко. Это — изношенность. Вещество выкрашивается под напором времени. Я припоминаю эпоху, когда этот рисунок был совсем новым, — это было всего восемьдесят тысяч лет назад, в мою предыдущую жизнь. И если я вернусь сюда еще через десяток перевоплощений, от этих плиток уже мало что останется...

— Ну а что тут удивительного? — отозвался Олвин. — В городе есть и другие произведения искусства, не такие уж ценные, чтобы хранить их вечно в ячейках памяти, но все-таки достаточно интересные, чтобы уничтожать их вскоре же после создания. Я полагаю, наступит день, придет сюда другой какой-нибудь художник и сотворит что-то еще более прекрасное. И уж его работе не дадут истлеть...

— Я знал человека, который составил этот рисунок, — сказал Хедрон. Пальцы его все еще блуждали по поверхности мозаики, исследуя ее трещинки. — Странно то, что я помню сам этот факт, но в то же время совершенно забыл человека, о котором мы сейчас говорим. Надо полагать, он мне не больно-то нравился, поскольку я, судя по всему, стер память о нем из своего сознания... — Он коротко рассмеялся. — Впрочем, может оказаться и так, что это я сам создал этот рисунок во время одной из своих художественных фаз, а когда город отказался хранить его вечно, был так раздосадован, что и решил тогда же забыть об этом эпизоде... Ну вот, так я и знал, что этот кусочек того гляди отвалится.

Хедрон ухитрился отколупнуть сколок позолоченной плитки и, казалось, был страшно доволен этим актом мало кого трогającego вандализма. Он бросил крохотную чешуйку наземь:

— Вот теперь роботам-уборщикам будет над чем потрудиться!

Олвин понял, что это — урок. Станный инстинкт, известный под именем интуиции, способный приводить к цели напрямик, срезая углы, тотчас сказал ему об этом. Он уставился на Золотистую крошку, лежащую у его ног пытаясь как-то связать ее с проблемой, занимающей его сознание.

Найти ответ было несложно, коль скоро ему стало очевидно, что ответ такой существует.

— Да, я понимаю, что именно вы стараетесь мне втолковать, — сказал

он Хедрону. — Это значит, что в Диаспаре есть объекты, которые не зафиксированы в ячейках памяти. Вот поэтому-то я и не мог найти их с помощью мониторов там, в Зале Совета. Пойди я туда и нацелься на этот дворик, мне бы и следа не углядеть этой вот стенки, на которой мы сейчас сидим...

— Ну, я думаю, что стенку-то ты бы обнаружил... Но вот мозаику на ней...

— Да-да, понимаю... — почти не слушая, продолжал Олвин, слишком занятый сейчас своими мыслями, чтобы обращать внимание на такие тонкости этикета. — И точно таким же вот образом могут существовать и целые районы города... они не отражены в его вечной памяти, но они еще не износились... они существуют... Нет, я все-таки как-то не вижу, чем это может мне помочь. Я же знаю, что внешняя стена стоит, как скала и что в ней нет проходов...

— Гм... Возможно, из этого положения и в самом деле нет выхода, — проговорил Хедрон. — Во всяком случае, я ничего не могу тебе обещать. Но все же думаю, что мониторы способны научить нас еще очень и очень многому... если, конечно, Центральный Компьютер им разрешит. А он, похоже, относится к тебе... м-м... доброжелательно.

На пути к Залу Совета Олвин раздумывал над этими словами Шута. До сих пор он полагал, что доступ к мониторам ему обеспечило единственно влияние Хедрона. Ему и в голову не приходило что это стало возможным в силу каких-то качеств, внутренне присущих именно ему самому. Быть Неповторимым означало потерю многого. И было бы только справедливо, если бы ему полагалась какая-то компенсация.

...Ничуть не изменившийся электронный слепок города все так же занимал центр зала, в котором Олвин провел эти долгие недели. Он смотрел на него теперь с новым чувством понимания: ведь все, что он видел здесь, перед собой, существовало в действительности, но... могло быть и так, что отнюдь не весь Диаспар отражен в этом безупречном зеркале. Да, разумеется, любые несоответствия должны быть пренебрежимо малы и, насколько он мог видеть, просто неуловимы... И все же...

— Я, знаешь, попытался сделать это много лет назад, — нарушил молчание Хедрон, усаживаясь в кресло перед одним из мониторов. — Но управление этой штукой никак мне не давалось... Возможно, теперь все будет иначе...

Сначала медленно, а потом со все возрастающей уверенностью — по мере того как в памяти оживали давным-давно забытые навыки — пальцы

Хедрона побежали по панели управления, лишь на мгновения задерживаясь в некоторых ее точках.

— Вот, думаю, так будет правильно, — наконец проговорил он, — Во всяком случае, мы сейчас в этом убедимся. — Экран монитора засветился, но вместо изображения, которое ожидал увидеть Олвин, появилась несколько обескуражившая его надпись: «Регрессия начнется, как только вы установите градиент убывания».

— Экая я бестолочь, — прошептал Хедрон. — Вот ведь все сделал правильно, а самое-то важное и забыл... — Теперь его пальцы двигались по панели уже совершенно уверенно, и, когда надпись на экране растаяла, он развернул свое кресло так, чтобы видеть и изображение города в центре зала.

— Гляди внимательно, Олвин, — предупредил он. — Думается мне, что мы оба узнаем сейчас о Диаспаре кое-что новенькое.

Олвин терпеливо ждал, но ничего не происходило. Изображение города по-прежнему стояло у него перед глазами во всем своем таком знакомом великолепии и красе — хотя ни то, ни другое им сейчас не осознавалось. Он уже хотел было спросить Хедрона, а на что, собственно, ему смотреть, как вдруг какое-то внезапное движение приковало его внимание, и он быстро повернул голову, чтобы уловить его. Это был всего лишь какой-то краткий миг, что-то на мгновение сверкнуло, и он так и не успел заметить, что же явилось причиной вспышки. Ничто не изменилось; Диаспар оставался точно таким же, каким он его знал. Однако, переведя взгляд на Хедрона, он увидел, что тот наблюдает за ним с сардонической усмешкой, и снова уставился на город. И теперь это произошло прямо у него на глазах.

Одно из зданий на периферии Парка неожиданно исчезло, и на его месте немедленно появилось другое — совершенно иной архитектуры. Превращение произошло настолько стремительно что, мигни Олвин именно в этот момент, и он ничего бы уже не заметил. В изумлении смотрел он на слегка изменившийся город, но даже и в этот миг потрясения от увиденного мозг его искал объяснений. Ему вспомнились появившиеся на экране слова: «Регрессия начнется...» — и он тотчас же осознал, что же тут, собственно, происходит.

— Таким город был много тысяч лет назад, — сказал он Хедрону. — Мы словно бы движемся назад по реке времени...

— Весьма красочный, но вряд ли самый точный способ отразить то, что здесь сейчас творится, — ответил Шут. — На самом-то деле монитор просто вспоминает ранний облик города. Когда в прошлом производились

какие-то модификации, ячейки памяти не просто освобождались. Хранившаяся в них информация перекачивалась во вспомогательные запоминающие устройства, чтобы по мере надобности ее можно было вызывать снова и снова. Я настроил монитор на анализ именно этих узлов — со скоростью в тысячу лет в секунду. И сейчас мы видим с тобой Диаспар таким, каким он был полмиллиона лет назад. Но только, чтобы заметить какие-то действительно существенные перемены, нам придется отодвинуться во времени на куда большую дистанцию... Вот я сейчас увеличу скорость...

Он снова обратился к панели управления, и именно в этот момент уже не одно какое-то здание, а целый квартал перестал существовать и сменился гигантским овальным амфитеатром.

— О, да ведь это же — Арена! — воскликнул Хедрон. — Я прекрасно помню, какой шум поднялся, когда мы решили от нее избавиться! Ареной почти не пользовались, но, знаешь, огромное число людей испытывало к ней теплые чувства.

Теперь монитор вскрывал пласты своей памяти с куда большей быстротой. Изображение Диаспара проваливалось в прошлое на миллион лет в минуту, и перемены совершались так стремительно, что глаз просто не мог за ними уследить. Олвин отметил, что изменения в облике города происходили, похоже, циклично: бывали длительные периоды полного равновесия, затем вдруг начиналась горячка перестройки, за которой следовала новая пауза. Все происходило так, как если бы Диаспар был живым существом, которому после каждого взрывообразного периода роста требовалось собраться с силами.

Несмотря на все эти перемены, основной рисунок города не менялся. Да, здания возникали и исчезали, но расположение улиц представлялось вечным, а Парк все так же оставался зеленым сердцем Диаспара. Олвин прикинул, насколько далеко может простираться память монитора. Сумеют ли они вернуться к самому основанию города и проникнуть сквозь занавес отделяющий непреложно известную историю от мифов и легенд Начала?..

Они погрузились в прошлое уже на пятьсот миллионов лет. За пределами стен Диаспара, неизвестная мониторам, лежала совсем иная Земля. Возможно, там шумели океаны и леса, быть может, существовали иные города, еще не покинутые Человеком в его долгом-долгом отступлении к своему последнему пристанищу...

Минуты текли — и каждая была целой эпохой в крохотной вселенной мониторов. Олвину подумалось, что скоро они достигнут самого раннего из доступных уровней памяти и бег в прошлое прекратится. И хотя все

происходящее представлялось ему просто-таки захватывающе интересным, он тем не менее никак не мог понять, каким образом это поможет ему вырваться из Диаспара.

...Резким, беззвучным скачком город сократился до незначительной части своей нынешней величины. Парк исчез. В мгновение ока словно бы испарилась ограничивающая город стена, составленная из титанических башен. Этот новый город был открыт всем ветрам, и его радиальные дороги простирались к границам объемного изображения, не встречая никакого препятствия. Диаспар... Такой, каким он был перед великим превращением, которому подверглось человечество.

— Дальше пути нет, — сказал Хедрон и показал на экран монитора, где появилась надпись: «Регрессия завершена». — Должно быть, это и есть самый первый облик города, запечатленный в памяти машин. Сомневаюсь, чтобы ячейки памяти использовались в период, предшествующий этому, — когда здания еще были подвержены разрушительному действию стихий.

Олвин долго глядел на модель древнего города. Он размышлял о движении, которое кипело на этих дорогах, когда люди свободно приезжали и уезжали во все концы мира — и к другим мирам тоже. Те люди были его предками. Он чувствовал себя куда ближе к ним, чем к своим современникам, которые делят с ним сейчас его жизнь. Ему так хотелось поглядеть на них, проникнуть в их мысли — мысли людей, ходивших по улицам Диаспара миллиард лет назад. Нет, подумалось ему, их мысли не могли быть безоблачными — ведь земляне того времени жили в мрачной тени Пришельцев. И всего через несколько столетий им пришлось отворотить лица свои от славы, завоеванной ими, и возвести Стену, отгородившую их от мира...

Хедрон несколько раз прогнал монитор назад и вперед по короткому отрезку истории, который был свидетелем трансформации. Переход от маленького, настежь распахнутого городка к куда большему по размерам, но уже отъединенному от мира, занял немногим более тысячи лет. За это время, должно быть, и были созданы машины, которые и по сей час так верно служат Диаспару, и именно тогда в их память было вложено знание, обеспечивающее выполнение ими своих задач. В этот же самый период в запоминающие устройства города должны были поступить электронные копии всех живущих ныне людей, готовые по первому же сигналу Центрального Компьютера обрести плоть и, заново рожденными, выйти из Зала Творения.

Олвин понимал, что и он тоже в некотором смысле, существовал в том древнем мире. Хотя, конечно, было возможно, что он-то как раз оказался

продуктом чистого синтеза — вся его личность, целиком и полностью, была создана инженерами-художниками, которые пользовались инструментарием непостижимой сложности ради какой-то ясно осознаваемой ими цели... И все же ему представлялось куда более вероятным, что он все-таки был плоть от плоти тех людей, что когда-то жили на планете Земля и путешествовали по ней.

Когда был создан новый город, от старого Диаспара мало что осталось. Парк почти полностью покрыл изначальное поселение, а также то, с чего, собственно, и начинался сам-то этот древний город. Казалось, что в центре Диаспара от века существовало крохотное зеленое местечко, к которому стекались все радиальные улицы города. Впоследствии его размеры разрослись вдесятеро, стерев множество зданий и улиц. Усыпальница Ярлана Зея появилась как раз в это время, заменив собой какую-то очень громоздкую круглую конструкцию, которая возвышалась на месте слияния всех улиц. Олвин, в сущности, никогда не верил легендам о непостижимой древности усыпальницы, но теперь ему стало ясно, что легенды, похоже, говорили правду.

— Но ведь мы... — Олвин был просто сражен внезапно пришедшей ему на ум мыслью, — ведь мы можем изучать это вот изображение в деталях... точно так же, как мы разглядывали и современный нам Диаспар?

Пальцы Хедрона порхнули над панелью управления, и экран тотчас же ответил на вопрос Олвина. Город, давным-давно исчезнувший с лица земли, стал расти у него на глазах по мере того, как взгляд юноши погружался в лабиринт странных узких улочек. Это — почти живое — воспоминание о Диаспаре, который когда-то существовал, было ясным и четким, как и изображение города, в котором они жили сейчас. В течение миллиардов лет электронная память хранила эту информацию, терпеливо дожидаясь момента, когда кто-то снова вызовет ее к жизни. И все это подумалось Олвину, было даже не память — если говорить о том, что он сейчас искал. Это было нечто куда более сложное — воспоминание о памяти...

Он не знал, что это ему даст и поможет ли его исканиям. Неважно. Было захватывающе интересно вглядываться в прошлое и видеть мир, который существовал еще в те времена, когда человек путешествовал среди звезд. Он указал на низкое круглое здание, стоящее в самом сердце города:

— Давайте начнем отсюда. Это место ничуть не хуже всякого другого для того, чтобы приступить к поиску...

Быть может, это оказалось результатом чистой удачи. Или же подала вдруг голос какая-то древняя генная память. А может быть, сработала и

элементарная логика. Это не имело значения, поскольку рано или поздно он все равно добрался бы до этого места — места, откуда начинались все радиальные улицы города.

Ему потребовалось всего лишь каких-то десять минут, чтобы сделать открытие: улицы соединялись здесь вовсе не только из соображений симметрии. Всего десять минут, чтобы понять — долгий его поиск вознагражден.

Алистре было совсем нетрудно последовать за Олвином и Хедроном так, чтобы оба они и понятия об этом не имели. Они, казалось, очень спешили — что уже само по себе было в высшей степени необычно — и ни разу даже не оглянулись. Забавная игра — преследовать их на движущихся тротуарах, прячась в толпе, не спускать с них глаз... В конце концов цель, к которой они стремились, стала для Алистры очевидной. Раз уж они оставили улицы и углубились в Парк, то могли направляться только к усыпальнице Ярлана Зея. В Парке не было никаких других зданий, а люди, спешащие так, как спешили Олвин с Хедроном, явно не собирались любоваться пейзажами.

Поскольку на последних десятках метров перед усыпальницей укрыться было решительно негде, Алистра выждала, пока преследуемые не углубились в ее мраморный полумрак. Как только они скрылись из виду, девушка тотчас же поспешила вверх по поросшему травой склону. Она была совершенно уверена, что сумеет скрываться за одной из огромных колонн достаточно долго, чтобы суметь выяснить — чем это таким заняты Олвин и Хедрон. А уж потом, даже если они ее и обнаружат, будет все равно...

Усыпальница состояла из двух концентрических колоннад, ограждающих круглый дворик. Колонны эти — за исключением одного сектора, — перекрывая друг друга, полностью укрывали от взоров центр всего сооружения, и Алистра, не желая рисковать, проникла в усыпальницу сбоку. Она осторожно миновала первое кольцо колонн, убедилась, что в поле зрения никого нет, и на цыпочках подобралась ко второй колоннаде. Между колоннами ей было видно скульптурное изображение Ярлана Зея, устремившего взгляд к входу в усыпальницу и дальше — через Парк, созданный им — на город, за которым он следил столько тысячелетий.

И мраморное его уединение сейчас не нарушала ни одна живая душа. Усыпальница была пуста...

В эти же самые секунды Олвин и Хедрон находились метрах в тридцати пол поверхностью земли — в тесной, напоминающей ящик клетушке, стенки которой, казалось, струились вверх. Это было единственным признаком того, что она движется. Не ощущалось ни малейшей вибрации, которая указывала бы на то, что они постепенно погружаются в недра земли, приближаясь к цели, о которой ни тот, ни

другой даже и теперь не имели ни малейшего представления.

Все оказалось до смешного просто, потому что искомый путь был прямо-таки подготовлен для них. («Кем? — думалось Олвину, — Центральным Компьютером? Или самим Ярланом Зеем, когда он преображал город?») Экран монитора показал им глубокую вертикальную шахту, уходящую в недра, но они «спустились» по ней не слишком глубоко — экран погас. Это означало, что они затребовали информацию которой монитор не располагал и которой, возможно, у него и вообще никогда не было.

Олвин едва успел додумать эту мысль, как экран ожил снова. На нем появилась короткая надпись, напечатанная упрощенным шрифтом, которым машины пользовались для общения с человеком с тех самых пор, как они достигли интеллектуального равенства:

«Встаньте там, куда смотрит статуя, и подумайте:
„ДИАСПАР НЕ ВСЕГДА БЫЛ ТАКИМ“».

Последние пять слов были напечатаны прописными буквами, и суть этого послания сразу же была схвачена Олвином. Произнесенные в уме, кодовые фразы такого рода столетиями использовались для того, чтобы открывать двери или включать машины. Что же касается выражения «встаньте там куда смотрит статуя», то, в сущности, это было уже совсем просто понять.

— Интересно, сколько же человек читало эти слова, — задумчиво произнес Олвин.

— Насколько я знаю, четырнадцать, — ответил Хедрон. — Но, возможно, были и другие... — Он никак не прояснил эту свою достаточно загадочную реплику, а Олвин слишком торопился попасть в Парк, чтобы задавать еще какие-нибудь вопросы.

У них не было никакой уверенности, что механизмы все еще способны откликнуться на кодовый импульс. Когда они добрались до усыпальницы, им потребовалось всего ничего времени чтобы обнаружить ту единственную плиту пола, на которую был устремлен взгляд Ярлана Зея. Это только невнимательному наблюдателю могло показаться, что изваяние смотрит вдаль, на город. Стоило стать прямо перед ним, и сразу же можно было убедиться, что глаза Зея опущены и изменчивая его улыбка адресована как раз плите, расположенной у самого входа в усыпальницу. Как только секрет этот оказался раскрыт, никаких сомнений уже не оставалось, Огромная каменная глыба, на которой они стояли, плавно

понесла их в глубину.

Голубое окно над их головами внезапно пропало. Устье этой шахты там, наверху перестало зиять. Опасность, что кто-нибудь случайно ступит в провал, перестала существовать. Олвин мимолетно подумал о том, не материализовалась ли внезапно какая-то другая каменная плита, чтобы заменить ту, на которой плыли сейчас они с Хедроном, но затем решил, что вряд ли. Глыба, на которой они стояли, могла в действительности существовать лишь дискретно — неощутимые доли секунды. Она, в сущности, все так же покрывала пол усыпальницы. И снова и снова материализовывалась на все большей и большей глубине — через микросекундные интервалы, — чтобы создать иллюзию плавного движения вниз.

Ни Олвин, ни Хедрон не проронили ни слова, пока стены шахты медленно скользили мимо них кверху. Хедрон снова сражался со своей совестью, размышляя — не зашел ли он на этот раз слишком далеко. У него не было ни малейшего представления, куда ведет этот путь — если он вообще ведет куда-то... Впервые в жизни Шут начал понимать истинный смысл слова «страх».

Олвину же не было страшно — он был слишком возбужден. Он переживал те же чувства, что и в башне Лоранна, когда взглянул на девственную пустыню и увидел звезды, взявшие в полон небо. Тогда он едва кинул на неведомое беглый взгляд. А вот теперь — он приближался к нему...

Стены прекратили движение. На одной из них появилось пятно света, оно становилось все ярче и ярче и внезапно обернулось дверью. Они ступили в ее проем, сделали несколько шагов по коридору и совершенно неожиданно для себя очутились вдруг в огромной круглой камере, стены которой плавно сходились в трехстах футах над их головами.

Каменная колонна, внутри которой они спустились сюда, казалась больно уж хрупкой, чтобы держать на себе все эти миллионы тонн скальной породы. В общем-то, она даже не выглядела как неотъемлемая часть всего этого помещения, а так, словно бы ее добавили сюда значительно позднее основного строительства. Хедрон, проследив взгляд Олвина, пришел точно к такому же выводу.

Эта колонна, — сказал он, явно нервничая и словно бы испытывая неодолимую потребность хоть что-нибудь, да говорить, — была построена просто для того чтобы нести в себе шахту, по которой мы сюда и прибыли. Она конечно же никоим образом не могла пропускать через себя все то движение, которое, надо полагать, имело здесь место, когда Диаспар еще

был открыт миру. Основные потоки шли во-он по тем туннелям... Как — соображаешь, для чего они?

Олвин обвел взглядом стены этой пещеры, отстоящие от того места, где находились они с Хедроном, больше чем на сотню метров. Пронизывая скалу через равные интервалы, зияли жерла огромных туннелей — двенадцать общим числом, и, судя по всему, туннели эти радиально расходились по всем направлениям, в точности повторяя маршруты движущихся улиц там, на поверхности. Приглядевшись, можно было заметить, что туннели имеют небольшой уклон кверху. Олвин тотчас же узнал и знакомую серую поверхность движущегося полотна, но... это были лишь руины великих когда-то дорог. Странный материал, что когда-то давал им жизнь, теперь был недвижим. Когда там, наверху, разбили Парк, ступица всего этого гигантского транспортного «колеса» была похоронена под землей.

И все-таки она не была разрушена.

Олвин направился к ближайшему туннелю.

Он успел пройти всего несколько шагов, когда вдруг до него дошло, что с поверхностью пола у него под ногами что-то происходит... Пол становился... прозрачным! Еще несколько метров, и Олвину уже представилось, будто он стоит прямо в воздухе, без какой-либо видимой поддержки. Он остановился и вгляделся в пропасть, разверзшуюся веред ним.

— Хедрон! — позвал он. — Подойдите, подойдите — взгляните-ка только на это чудо!

Шут присоединился к нему, и они вместе стали разглядывать всю эту фантазмагорию под ногами. На неопределенной глубине, едва видимая, простерлась чудовищных размеров карта — сложнейшая сеть линий на ней сходилась точно в колонне центральной шахты. Некоторое время они смотрели на все это молча... Затем Хедрон тихо произнес: «Ты понимаешь, что это такое?»

— Думаю, что — да, — так же тихо отозвался Олвин. — Это карта всей транспортной системы планеты, а те вон маленькие кружки — эти, должно быть, другие города Земли... Я вижу, что возле них написаны какие-то названия, только вот ничего не могу разобрать...

— В прежние времена там, наверное, было внутреннее освещение, — задумчиво проговорил Хедрон. Он внимательно прослеживал взглядом линии под ногами, отходящие к стенам камерны, в которой они находились.

— Так я и думал! — внезапно раздался его возглас. — Ты вот обратил внимание, что все эти радиальные линии тянутся к маленьким туннелям?

Олвин тоже заметил, что помимо огромных арок самодвижущихся дорог были в стенах еще и бесчисленные туннели поменьше, тоже ведущие куда-то в неизвестность, но вот только уклон у них был не вверх, а вниз.

Хедрон тем временем продолжал, не ожидая ответа:

— Более простую систему трудно себе и представить! Люди сходили с самодвижущихся дорог, выбирали по этой вот карте направление к месту, которое нужно было посетить, и все, что им после этого оставалось делать, — это просто следовать определенной линии на карте.

— И что происходило с ними после этого? — задал осторожный вопрос Олвин. Хедрон молчал, но глаза его пытливо искали разгадку тайны этих идущих вниз туннелей. Их было три или четыре десятка, и все они походили друг на друга. Различить их можно было только по названиям на карте, но нечего было и думать расшифровать эти едва видимые теперь надписи.

Олвин двинулся с места и пошел вокруг центральной колонны. Внезапно Хедрон услышал его голос — несколько искаженный отголосками от стен этой огромной полости.

— Что-что? — переспросил Хедрон, которому ну никак не хотелось трогаться с места, потому что он уже почти разобрал одну едва различимую группу черточек на карте. Но голос Олвина звучал больно уж настойчиво, и Хедрон пошел на зов.

Глубоко под ногами виднелась вторая половина огромной карты, слабые ее штрихи расходились наподобие «розы» на вертушке компаса. Здесь, однако, неразличимы были далеко не все надписи: одна из линий — о, только одна! — была ярко освещена.

Впечатление складывалось такое, словно она не имеет никакого отношения к остальной части системы. Сияющая стрела указывала на один из меньших туннелей, ведущих куда-то вниз. Вместо острия у этой стрелы был маленький кружок, возле которого светилось единственное слово: «Лиз». И это было все.

Шут и Олвин долго стояли и смотрели на этот золотой символ. Для Хедрона это был вызов, которого ему — он-то это хорошо знал! — никогда было не принять и который, если уж на то пошло, лучше бы и вовсе не существовал. Но Олвину — Олвину надпись намекала на возможность использования всех его самых заветных мечтаний. И хотя слово «Лиз» было для него пустым звуком, он с наслаждением перекачивал его во рту — немного звенящее, — радовался ему, как какому-то экзотическому плоду дивного вкуса. Кровь билась у него в венах, щеки пылали лихорадочным румянцем. Он блуждал взглядом по этой огромной подземной пустоте,

пытаясь представить себе, что происходило здесь в древности, когда воздушному транспорту уже пришел конец, но города Земли еще поддерживали какой-то контакт друг с другом... Он думал о бессчетном количестве миллионов лет, которые канули куда-то с тех пор, о том, как с каждым таким миллионом движение здесь все затихало и затихало, а огни на огромной карте угасали один за другим, пока не осталась эта вот единственная линия. Как долго, мнилось ему, сияет она здесь, среди своих погасших товарок, в ожидании человека, которого нужно направить и которого все нет и нет?.. И наконец, Ярлан Зей вообще запечатал самодвижущиеся пути и отрезал Диаспар от всего остального мира...

А это было миллиард лет назад. Уже тогда, видимо, Лиз потерял все связи с Диаспаром. Казалось невозможным, чтобы Лиз выжил. Возможно, в конце концов, что эта карта уже не имеет ровно никакого значения...

Хедрон прервал его размышления. Заметно было, что Шут нервничает и чувствует себя не в своей тарелке — он был совсем не похож на того уверенного и даже самоуверенного человека, каким всегда представлялся там, наверху, в городе.

— Не думаю, что нам надо двигаться еще куда-то дальше, — проговорил Хедрон. — Это может быть... небезопасно, если мы ... если мы не будем подготовлены лучше...

Известная мудрость в этом, признаться, была, но Олвин расслышал в голосе Хедрона всего лишь нотку страха. Будь иначе, он, возможно, с большим вниманием отнесся бы к доводам здравого смысла, но слишком острое ощущение собственного мужества вкупе с презрением к робости Шута властно толкало Олвина вперед. Ему представлялось просто глупым — зайти так далеко только для того, чтобы повернуть назад, когда вожденная цель маячила уже где-то перед глазами.

— Я пошел по этому туннелю, — упрямо заявил он, словно бы даже провоцируя Хедрона остановить его. — Хочу посмотреть, куда он ведет... — Олвин решительно зашагал вперед, и, поколебавшись какое-то мгновение, Шут тоже двинулся за ним вдоль сияющей стрелы, что пылала у них под ногами.

Войдя в туннель, они сразу же ощутили знакомую тягу перистальтического поля, и спустя миг оно без малейшего усилия уже уносило их в глубь земли. Все путешествие продолжалось едва ли более минуты. Когда поле освободило их, они оказались в конце длинного и узкого помещения полуцилиндрической формы. На другом, дальнем его конце два слабо освещенных туннеля уходили куда-то в бесконечность.

Представители едва ли не всех без исключения цивилизаций, которые

только существовали на Земле с времен Начала, нашли бы эту обстановку совершенно обычной, но для Олвина и Хедрона это было окном в совершенно иной мир. Загадкой было, к примеру, назначение этой вот длинной, стремительных очертаний машины, которая — так похожая на снаряд — покоилась вдоль стены помещения: хотя о ее функции в общем-то можно было догадаться, но менее таинственной она от этого не становилась. Верхняя часть ее была прозрачна, и, глядя сквозь стенки, Олвин видел ряды удобно расположенных кресел. Признаков какого-либо входа в нее не было заметно. Машина парила на высоте что-то около фута над незатейливым металлическим стержнем, который простирался вдаль и исчезал в одном из туннелей. Несколькими метрами дальше другой такой же точно стержень вел в другой туннель — с той лишь разницей, что над ним не было такой же машины, Олвин знал — как если бы ему об этом сказали, — что где-то под далеким и неведомым ему Лизом еще одна такая же машина в таком же помещении, как это, тоже ждет своего часа.

Хедрон вдруг заговорил — быть может, несколько быстрее, чем обычно:

— Какая странная транспортная система! Она может одновременно обслуживать всего лишь какую-то сотню человек... Из этого следует, что они вряд ли рассчитывали на интенсивное движение между городами. И потом — зачем им все эти хлопоты, зачем, спрашивается, было зарываться в землю при все еще доступном небе? Возможно, это Пришельцы не разрешали им летать, хотя мне и трудно в это поверить... Или, может быть, все это было сооружено в переходный период, когда люди еще позволяли себе путешествовать, но уже не хотели, чтобы хоть что-то напоминало им о космосе? Они могли перебираться из города в город и так и не видеть ни неба, ни звезд... — Он хохотнул — коротко и нервно: — Я в одном только уверен. Когда Лиз существовал, он был очень похож на Диаспар. Все города в основе своей были похожи. И неудивительно, что в конце концов они были покинуты людьми, которые стянулись в один центр — в Диаспар. На кой, спрашивается, ляд было им иметь их больше одного?..

Олвин едва слышал Шута. Он был поглощен разглядыванием этого диковинного снаряда, нетерпеливо пытаясь найти вход. Если машина управлялась централизованно или при помощи устного кодового приказа, ему бы ни за что не удалось заставить ее повиноваться ему и она до конца его жизни так и осталась бы сводящей с ума загадкой.

...Беззвучно раскрывшаяся дверь застала его врасплох. Тишина не была тронута ни малейшим шорохом, не прозвучало ни малейшего предупреждения, когда целая секция корпуса просто истаяла и перед ним,

готовая его принять, предстала безупречная красота интерьера.

Настал момент выбора. До этого рубежа он всегда мог повернуть назад, стоило ему только захотеть. Но, ступи он в эту так гостеприимно раскрывшуюся дверь, и можно было уже не сомневаться в том, что произойдет после этого, хотя Олвин не имел ни малейшего представления о том, куда именно его привезут. Он предался бы попечению совершенно неизвестных ему сил и лишил бы себя возможности распоряжаться собственной судьбой.

Он не колебался ни мгновения. Он страшно боялся промедлить, боялся, что, коли будет раздумывать слишком долго, этот момент никогда уже не повторится, — у него просто не хватит решимости безоглядно отдаться своему испепеляющему стремлению познать неведомое. Хедрон раскрыл было рот в энергичном протесте, но, прежде чем он произнес хотя бы одно слово, Олвин уже переступил порог. Он обернулся к Хедрону, обрамленному едва видимым прямоугольником дверного проема, и на несколько секунд между ними воцарилось напряженное молчание, когда каждый ждал, чтобы первым заговорил другой.

Решение было принято за них. Что-то прозрачно мигнуло, и корпус машины снова сомкнулся. И не успел Олвин и руки поднять в прощальном приветствии, как длинный цилиндр тихонько тронулся вперед. Еще не войдя в туннель, он уже двигался быстрее бегущего человека.

...Были времена, когда что ни день миллионы людей совершали такие вот путешествия в машинах — в основном такого же типа, как и эта — между домом и местом работы. С тех давным-давно минувших времен Человек успел обойти Вселенную и снова возвратиться на Землю — после того как основанную им Галактическую Империю вырвали у него из рук. И вот теперь машина снова работала, человек снова устремился иуда-то вперед, сидя в салоне, в котором легион ныне забытых, совершенно несклонных к приключениям людей в свое время чувствовали себя совершенно как у себя дома.

С одним только отличием — путешествие Олвина было самым примечательным из всех, которые предпринимались людьми за последний миллиард лет.

...Алистра обошла усыпальницу раз десять (хотя, в сущности, вполне хватило бы и одного) — спрятаться здесь было решительно негде. После первого приступа изумления она стала сомневаться: а были ли те, кого она преследовала по Парку, Олвином и Хедроном во плоти или же она гналась всего-навсего за их электронными фантомами? Впрочем, мысль была не из умных, потому что свой фантом можно было сразу «проявить» в любом

месте, которое захотелось бы посетить, и незачем было отправляться куда бы то ни было лично. Ни один человек в здравом рассудке не заставил бы свое отображение отшагать пару миль, затратив на это полчаса, когда на место можно было прибыть мгновенно. Нет, это конечно же были Олвин и Хедрон, и именно их она и проводила до усыпальницы.

Следовательно, где-то здесь должен быть тайный вход. И пока она ждет их возвращения, отчего бы его и не поискать?

Так уж получилось, что возвращение Хедрона она прозевала, потому что как раз в этот момент изучала одну из колонн позади скульптуры, а Шут появился совсем с противоположной стороны. Она услышала его шаги, обернулась к нему и сразу поняла, что он один.

— Где Олвин? — закричала она.

Прошло некоторое время, прежде чем Шут ответил. Выглядел он изможденным и каким-то словно в воду опущенным, и Алистре пришлось повторить свой вопрос, и только тогда он обратил на нее внимание. Казалось, он ничуть не был удивлен, увидев ее здесь.

— Я не знаю, — ответил наконец Хедрон. — Могу только сказать, что сейчас он — на пути к Лизу. Ну вот... теперь ты знаешь ровно столько же, сколько и я...

Слова Шута никогда не следовало понимать буквально. Но Алистра не нуждалась более ни в каких дополнительных доказательствах того, что сегодня Шут вовсе не играл свою привычную роль, Он говорил ей правду — что бы эта самая правда ни означала.

Когда дверь закрылась, Олвин рухнул в ближайшее кресло. Ему почудилось, что ноги внезапно отказались ему служить. Наконец-то и он познал тот ужас перед неизвестным, который преследовал всех его сограждан. Каждая клеточка в нем тряслась от страха, глаза застилала какая-то пелена. Сумей он сейчас вырваться из этой набравшей скорость машины, он сделал бы это с радостью, даже ценой отказа от своей мечты...

Смял его не только страх, но еще и чувство невыразимого одиночества. Все, что он любил и знал, осталось в Диаспаре. Даже если ему и не грозит никакая опасность, он — как знать? — может никогда больше не увидеть своего мира. Как ни один человек на протяжении миллионов лет, он прочувствовал сейчас, что это значит — навсегда оставить свой дом. В этот момент отчаяния ему казалось совершенно неважным — вела ли эта его тропа к опасности или же была безопасна и ничем ему не грозила. Самое главное было то, что она уводила его от дома.

...Шли минуты. Это настроение медленно истаивало. Темные тени покинули мозг. Олвин начал мало-помалу обращать внимание на окружающее и, в силу своего разума, разбираться в устройстве невообразимо древнего экипажа, в котором ему довелось путешествовать. Олвина совершенно не поразило и не показалось в особенности странным то обстоятельство, что эта погребенная под-землей транспортная система все еще совсем исправно действует после столь невообразимо долгого перерыва. Ее характеристик не было в запоминающих устройствах городских мониторов, но, должно быть, где-то еще сохранялись аналогичные цепи, предохранившие ее от изменений и разрушения.

И тут он впервые увидел индикаторное табло, составляющее часть переборки. На нем горела короткая, но такая ободряющая надпись:

«Лиз. 35 минут».

Пока он разглядывал эту надпись, число сменилось на «34». По крайней мере, это была полезная информация — хотя, поскольку он не имел ни малейшего представления о скорости машины, она ничуть не прояснила для него вопрос о расстоянии до неведомого города. Стены туннеля сливались в однородную серую массу, и единственным признаком движения была совсем слабенькая вибрация, которой ему бы и не заметить,

если бы он не стал с особенным вниманием вживаться в окружающее.

К этому моменту Диаспар, должно быть, отстоял от него уже на многие и многие мили, и теперь над головой Олвина, надо полагать, простиралась пустыня с ее неотвратимо перекатывающимися барханами. Очень могло быть, что-вот в этот самый момент он мчался как раз под теми древними холмами, которые так часто разглядывал из башни Лоранна.

Его воображение стремглав уносилось к Лизу, словно торопясь прибыть туда ранее тела. Что же это будет за город? Как ни старался Олвин, он мог представить себе всего только уменьшенную копию Диаспара. Да и существует ли он еще? — думалось ему... Но он быстро убедил себя, что, будь иначе, машина не несла бы его с такой стремительностью сквозь пласты земли.

Внезапно вибрация пола приобрела совершенно иной характер. Странный экипаж замедлял движение — это было несомненно! Время, видимо, бежало быстрее, чем казалось Олвину. Он глянул на табло и несколько удивился — надпись гласила:

«Лиз. 23 минуты».

Ничего не понимая, немного обеспокоенный, он прижался лицом к прозрачной стенке машины. Скорость все еще смазывала облицовку туннеля в сплошную серую ленту, но все же теперь он уже успевал схватывать взглядом какие-то загадочные отметки, которые исчезали с такой же стремительностью, как и появлялись. Но всякий раз, прежде чем исчезнуть, они, казалось, уже чуть-чуть дольше задерживались на сетчатке глаза.

Затем, совсем неожиданно, стены туннеля с обеих сторон отпрыгнули в стороны. Все еще на огромной скорости, машина теперь мчалась сквозь огромное пустое пространство — куда более просторное, чем даже та пещера самодвижущихся дорог под Парком.

С изумлением оглядываясь по сторонам, Олвин заметил внизу сложную сеть направляющих стержней, которые сходились, перекрещивались и ныряли в туннели по обе стороны от его экипажа. Поток голубоватого света лился из-под выгнутого купола арочного потолка, обрисовывая силуэты огромных транспортных машин. Свет был настолько ослепительным, что было больно глазам, и Олвин догадался, что место это не было предназначено для человека. Мгновение позже его экипаж стремглав промчался мимо нескольких рядов цилиндров, недвижно парившим над своими направляющими. Они были значительно больших

размеров, чем тот, в котором он находился, и Олвин догадался, что они, должно быть, использовались для перевозки грузов. Вокруг них громоздились какие-то совершенно непонятные механизмы — замершие, остывшие...

Это циклопическое и такое пустынное помещение исчезло почти так же стремительно, как и возникло. Образ его вызвал в сознании Олвина что-то похожее на благоговение. Впервые он осознал значение той огромной затерянной карты под Диаспаром. Мир оказался куда более полон чудесами, чем ему когда-либо представлялось.

Олвин снова глянул на табло. Ничто не изменилось: ему понадобилось меньше минуты, чтобы промелькнуть через пустынную станцию. Машина снова набирала скорость, и, хотя движение по-прежнему почти не ощущалось, стены туннеля уже отбрасывались назад с быстротой, о порядке которой он не мог и догадываться.

Казалось, целая вечность прошла, прежде чем снова наступило почти неосязаемое изменение в характере вибрации. Теперь на табло значилось:

«Лиз. 1 минута».

Минута эта оказалась самой долгой в жизни Олвина. Медленно, еще медленнее двигалась машина... И на этот раз она не просто замедляла свой ход. Она — останавливалась!..

Плавно, в абсолютной тишине удлинённый цилиндр выскользнул из туннеля в помещение, которое могло бы сойти за двойника того, что простиралось под Диаспаром. Несколько мгновений сильнейшее волнение мешало Олвину что-либо разглядеть. Двери давно уже были раскрыты, но он как-то не вдруг осознал, что может покинуть свой экипаж, Торопливо выходя из машины, он в последний раз бросил взгляд на табло. Надпись на нем изменилась теперь на противоположную и смысл ее оказался бесконечно ободряющ:

«Диаспар. 35 минут».

Когда Олвин занялся поисками выхода из этого помещения, он углядел первый намек на то, что, возможно, находится теперь в стане цивилизации, отличающейся от его собственной. Выход на поверхность — это-то было ясно — лежал через низкий и широкий туннель в торце станции, и пол в этом туннеле был не по иному, как лестница! В Диаспаре лестницы встречались чрезвычайно редко. Архитекторы города везде, где их замысли

сталкивались с перепадом уровней, строили пандусы. Это был отголосок той эпохи, когда роботы передвигались на колесах и ступеньки были для них непреодолимым препятствием.

Лестничный пролет оказался очень коротким и закончился перед дверьми, которые при приближении Олвина автоматически растворились. Он ступил в небольшую комнатку, схожую с той, что опустила его из-под фигуры Ярлана Зея, и совсем не удивился, когда спустя несколько минут перед ним снова растворились двери, открыв взору сводчатый коридор, полого поднимающийся к арке, которая своим полукругом обрамляла кусочек неба. В лифте он опять не почувствовал никакого движения, но понимал, что, наверное, поднялся на многие сотни футов. Он поспешил вверх во коридору к залитому солнечным светом выходу, торопясь поскорее увидеть, что же лежит перед ним, и забыв обо всех своих страхах.

Он очутился на склоне низкого холма, и на какое-то мгновение ему даже почудилось, будто он снова находится в центральном Парке Диаспара. Быть может, это и в самом деле был какой-то парк, но разум отказывался охватить его размеры. Города, который он ожидал увидеть, не было. Насколько хватал глаз, вокруг не было ничего, кроме леса и ровных пространств, заросших травой.

Олвин перевел взгляд на горизонт, и там, над кромкой деревьев, простираясь справа налево исполинской дугой, замыкающей в себе мир, темнела каменная гряда, по сравнению с которой даже самые гигантские сооружения Диаспара показались бы карликами. Гряда эта лежала так далеко, что детали ее скрадывались расстоянием, но все-таки угадывалось в ее очертаниях что-то такое, что до глубины души поразило Олвина. Наконец его глаза приноровились к пространствам этого необъятного ландшафта, и он понял, что эти каменные исполины были нерукотворны.

Время поработило далеко не все. Земля и по сей день была обладательницей гор, которыми она могла бы гордиться.

Олвин долго стоял в устье туннеля, постепенно привыкая к этому странному миру, в котором так неожиданно очутился. Он почти лишился дара речи — такое впечатление произвели на него уже просто сами размеры окружающего его пространства. Это кольцо прячущихся в дымке гор могло бы заключить в себе и десяток таких городов, как Диаспар. Но, как ни вглядывался Олвин, он так и не мог обнаружить никаких следов присутствия человека. И тем не менее дорога, сбегавшая с холма, находилась в ухоженном состоянии. Ему ничего не оставалось, как довериться ей.

У подножия холма дорога исчезала среди огромных деревьев, почти

скрывающих солнце. Станный букет запахов и звуков опахнул Олвина, когда он ступил под их кроны. Ему и раньше знаком был шорох ветра в листве, но здесь, кроме этого, звенела еще и самая настоящая симфония каких-то слабеньких звуков, значения которых он не угадывал. Неведомые ароматы охватили его — ароматы, даже память о которых была утрачена человечеством. Это тепло, это обилие запахов и цвета, да еще невидимое присутствие миллионов живых существ обрушились на него с почти ощутимой силой.

Встреча с озером оказалась полной неожиданностью. Деревья справа внезапно кончились, и он очутился перед обширнейшим водным пространством, усыпанным крохотными островками. Никогда в жизни Олвин не видел такой воды. По сравнению с этим озером самые обширные бассейны Диаспара выглядели не более чем лужами. Он медленно спустился к самой кромке воды, зачерпнул в пригоршни теплую влагу и стал смотреть, как она струйками стекает у него меж пальцев.

Огромная серебристая рыбина, внезапно появившаяся из колыхающегося леса водорослей, стала первым живым существом, отличным от человека, которое Олвину довелось увидеть в своей жизни. Рыбина висела в зеленоватой пустоте и плавники ее были размыты стремительным движением — она была живым воплощением скорости и силы. Претворенные в линии этого живого тела, продолжали свой век изящные очертания тех огромных кораблей, что когда-то владели небом Земли. Эволюция и наука пришли к одному и тому же ответу, только вот дитя природы просуществовало гораздо дольше.

Наконец Олвин высвободился из-под завораживающего очарования озера и продолжил свой путь по извивающейся дороге. Лес снова сомкнулся над ним — но ненадолго. Дорога внезапно кончилась — обширным пустым пространством шириной в полмили и вдвое большей длины, и Олвин понял, почему до сих пор он не встретил никаких следов человека.

Пространство это оказалось заполненным низкими двухэтажными строениями, выкрашенными в мягкие тона, глядеть на которые глазу было приятно даже при полном сиянии солнца. Большинство этих домов были ясных, простых пропорций, но некоторые выделялись каким-то сложным архитектурным стилем с использованием витых колонн и изящной резьбы по камню. В этих постройках, которые казались очень старыми, была использована даже непостижимо древняя идея остроконечной арки.

Медленно приближаясь к селению, Олвин прилагал все старания, чтобы побыстрее освоиться с новым окружением. Все здесь было

незнакомо. Даже сам воздух был иным — неощутимо пронизанный биением неведомой жизни. А золотоволосые люди небольшого роста,двигающиеся между домами с такой непринужденной грацией, совершенно ясно, были совсем не такими, как жители Диаспара.

Они не обращали на Олвина ни малейшего внимания, и это было странно, поскольку уже и одеждой он отличался от них. Температура воздуха в Диаспаре всегда была неизменной, и поэтому одежда там носила чисто декоративный характер и подчас обретала весьма сложные формы, Здесь же она казалась в основном функциональной, сшитой для того, чтобы в ней было удобно ходить, а не исключительно ради украшения, и у многих состояла всего-навсего из целого куска ткани, обернутого вокруг тела.

Только когда Олвин уже углубился в поселок, люди Лиза отреагировали на его присутствие, да и то их реакция приняла несколько необычную форму. Двери одного из домов выпустили группу из пяти человек, которая направилась прямехонько к нему, — выглядело это все так, как если бы они, в сущности, ожидали его прибытия. Сильнейшее волнение внезапно овладело Олвином, и кровь застучала у него в венах. Ему подумалось обо всех знаменательных встречах, которые состоялись у Человека с представителями других рас на далеких мирах. Люди, которых он встретил здесь, принадлежали к его собственному виду — но какими же стали они за те эпохи, что разделили их с Диаспаром?

Депутация остановилась в нескольких шагах от Олвина. Ее предводитель улыбнулся и протянул руку в старинном жесте дружбы.

— Мы решили, что будет лучше всего встретить вас здесь, — проговорил он. — Наш дом весьма отличен от Диаспара и путь пешком от станции дает возможность гостю... ну, что ли, несколько акклиматизироваться.

Олвин принял протянутую руку, но некоторое время молчал, так как был слишком взволнован, чтобы отвечать. И еще ему стало понятно, почему все остальные жители поселка не обращали на него никакого внимания.

— Вы знали, что я иду к вам? — спросил он после паузы.

— Ну, конечно, — последовал ответ. — Нам всегда становится известно, что вагон пришел в движение. Но скажите — как вы нашли к нам путь? С момента последнего посещения минуло так много времени, что мы уже стали опасаться — а не утрачена ли тайна безвозвратно...

Говорящего прервал один из спутников:

— Мне думается, Джирейн, что нам пока следует сдержать свое

любопытство. Сирэйнис ждет.

Имени Сирэйнис предшествовало какое-то незнакомое Олвину слово, и он подумал, что это, должно быть, титул. Он понимал речь своих собеседников безо всякого труда, и ему и в голову не приходило, что в этом заключается что-то удивительное. У Диаспара и Лиза было одно и то же лингвистическое наследие, а изобретение еще в древности звукозаписывающих устройств давным-давно обеспечило речи неколебимость форм.

С видом насмешливой покорности судьбе Джирейн пожал плечами.

— Хорошо, — улыбнулся он. — У Сирэйнис не так уж много привилегий — не стану лишать ее хотя бы этой.

Они двигались тесной группой, все дальше углубляясь в селение, и Олвин с любопытством разглядывал окружающих его людей. Они представлялись добрыми и интеллигентными, но все это были такие добродетели, которые он на протяжении всей жизни принимал как нечто само собой разумеющееся, и теперь он искал черты, которые отличали бы этих людей от диаспарцев. Отличия существовали, только вот четко определить их было бы довольно затруднительно. Все местные были несколько ниже ростом, чем Олвин, и двоих из тех, кто вышел его встречать, отмечали безошибочные приметы возраста. Кожа у всех была коричневого цвета, а движения, казалось, прямо-таки излучали здоровье и энергию. Олвину это было приятно, хотя и казалось несколько удивительным. Он улыбнулся, припомнив предсказание Хедрона, что если он, Олвин, когда-нибудь и доберется до Лиза, то найдет его как две капли воды похожим на Диаспар.

Теперь жители селения уже с открытым любопытством наблюдали, как шагает Олвин среди своих сопровождающих. Никто уже не делал вид, что воспринимает его как нечто само собой разумеющееся. Внезапно из кучи деревьев справа раздались пронзительные крики, и стайка крохотных, оживленно галдящих созданий, вырвавшись из леса, подбежала и сгрудилась вокруг Олвина. Он остановился, пораженный, не веря глазам своим. Перед ним было нечто, утраченное его миром так давно, что теперь относилось уже чуть ли не к области мифологии. Вот так когда-то начиналась жизнь... Эти вот ни на что не похожие, шумные создания были человеческими детьми!

Олвин разглядывал их с изумлением и с изрядной долей недоверчивости. И, надо сказать, и с еще каким-то чувством, которое щемило ему грудь, но подобрать названия которому он не умел. Ничто другое здесь не могло бы так живо напомнить ему его собственную

удаленность от мира, который был ему так хорошо известен. Диаспар заплатил за свое бессмертие — втридорога...

Вся группа остановилась перед самым большим домом из всех, что до сих пор увидел Олвин. Дом стоял в самом центре поселка, и на флагштоке над его куполом легкий ветерок полоскал зеленое полотнище.

Когда Олвин ступил внутрь, все, кроме Джирейна, остались снаружи. Внутри было тихо и прохладно. Солнце, проникая сквозь полупрозрачные стены, озаряло интерьер мягким, спокойным сиянием. Пол, украшенный мозаикой тонкой работы, оказался гладким и несколько упругим. На стенах какой-то замечательно талантливый художник изобразил ряд сцен, происходящих в лесу. Картины перемежались мозаикой, мотивы которой ничего не говорили уму Олвина, но глядеть на нее было приятно. В одной из стен оказался притоплен прямоугольный экран, заполненный перемежающимися цветными узорами, — по-видимому, это было приемное устройство видеофона, хотя и достаточно маленькое.

Вместе с Джирейном они поднялись по недлинной винтовой лестнице, которая вывела их на плоскую крышу дома. Отсюда хорошо было видно все селение, и Олвин смог убедиться, что состоит оно что-то из около сотни построек. Там, вдали, лес расступался и кольцом охватывал просторные луга, где паслись животные нескольких видов, Олвин и вообразить себе не мог, чем бы они могли быть. Большинство из этих животных принадлежали к четвероногим, но некоторые, похоже, передвигались на шести и даже на восьми конечностях.

Сирэйнис ожидала его в тени башни. Сколько же лет этой женщине? — спросил себя Олвин. Ее длинные, солнечного цвета волосы были тронуты серебром, что, как он догадался, должно было каким-то образом указывать на ее возраст. Дело в том, что существование здесь детей, со всеми вытекающими отсюда последствиями, совсем запутало Олвина. Ведь там, где есть рождение, там, несомненно, должна существовать и смерть, и продолжительность жизни здесь, в Лизе, по-видимому, сильно отличалась от того, что имело место в Диаспаре. Он никак не мог решить — было ли Сирэйнис пятьдесят лет, пятьсот или пять тысяч, но, встретив ее взгляд, он почувствовал ту же мудрость и глубину опыта, которые он порой ощущал в присутствии Джизирака.

Она указала ему на низкое сиденье. Хотя глаза ее и приветливо улыбались, она не произнесла ни слова, пока Олвин не устроился поудобнее — или, по крайней мере, настолько удобно, насколько сумел под этим дружелюбным, но достаточно пристальным взглядом. Затем Сирэйнис вздохнула и низким, нежным голосом обратилась к гостю:

— Это случай, который выпадает не часто, поэтому извините меня, если я, возможно, не все делаю по правилам. Но у гостя, даже совершенно неожиданного, есть определенные права. Поэтому, прежде чем мы начнем беседу, я хотела бы предупредить вас кое о чем... Видите ли, я в состоянии читать ваши мысли.

Она улыбнулась мгновенной вспышке недоумения, окрашенного неприязнью, и быстро добавила:

— Но вас это вовсе не должно тревожить. Ни одно из прав человека у нас не соблюдается так свято, как право на уединение сознания. Я могу войти в ваше мышление только в том случае, если вы мне это позволите. Однако скрыть от вас сам факт было бы нечестно, и заодно это объяснит вам, почему мы находим устную речь до некоторой степени утомительной и медленной. Ею здесь пользуются не столь уж часто.

Откровение это хотя и несколько встревожило Олвина, но в общем-то, не слишком поразило. Когда-то этой способностью обладали и люди и машины, а механизмы в Диаспаре, не изменяющиеся с течением времени, и по сию пору могли воспринимать мысленные приказы своих повелителей. Но вот сами-то жители Диаспара утратили этот дар, который когда-то они разделяли со своими механическими рабами.

— Я не знаю, что привело вас из вашего мира в наш, — продолжала Сирэйнис, — но коль скоро вы искали встречи с живыми существами, ваш поиск завершен. Если не считать Диаспара, то за кольцом наших гор, кроме пустыни, нет ничего.

Было странно, что Олвин, который прежде так часто подвергал сомнению общепринятые взгляды, ни на мгновение не усомнился в словах Сирэйнис. Единственное, чем откликнулся он на ее лекцию, была печаль по поводу того, что все, чему его учили, оказалось так близко к истине.

— Расскажите мне о Лизе — попросил он. — Почему вы так долго были отъединены от Диаспара? Хотя, похоже, вы знаете о нас так много...

Сирэйнис улыбнулась его нетерпению.

— Да расскажу я, все я вам расскажу, — почти пропела она, — но сначала я хотела бы узнать кое-что о вас лично. Прошу вас... Как вы нашли дорогу к нам? И еще — почему вы пришли?

Несколько запинаясь поначалу, но потом все более и более уверенно Олвин поведал свою историю. Никогда прежде не случалось ему говорить так свободно. Перед ним был человек, который, как ему представлялось, уж точно не станет потешаться над его мечтами, потому что знает: эти мечты реальны, осуществимы... Раз или два Сирэйнис прервала его короткими вопросами — когда он касался каких-то моментов жизни в Диаспаре,

которые не были ей известны. Ему так трудно было вообразить, что реалии его повседневного существования кому-то покажутся бессмысленными, поскольку вопрошающий никогда не жил в его городе и ничего не знает о его сложной культурной и социальной организации... Но Сирэйнис слушала с таким участием, и он как должное воспринимал, что она все понимает. Много позже он осознал, что помимо Сирэйнис его рассказ слушало еще огромное число людей.

Когда он закончил свое повествование, на некоторое время воцарилось молчание. Затем Сирэйнис взглянула на него и тихо произнесла:

— Почему вы пришли в Лиз?

Олвин посмотрел на нее с изумлением.

— Я же сказал вам. Я хотел исследовать мир. Все твердили мне, что за пределами города нет ничего, кроме пустыни, но я должен был сам в этом убедиться...

— И это — единственная причина?

Олвин колебался немного. И когда он наконец ответил, это был уже не бестрепетный исследователь, а заблудившийся ребенок, рожденный в чужом мире:

— Нет... Не единственная... Хотя до сих пор я этого и не понимал. Я... я чувствовал себя одиноким...

— Одиноким? В Диаспаре? — на губах Сирэйнис играла улыбка, но в глазах светилось сочувствие, и Олвин понял, что этой женщине не нужно ничего объяснять.

Теперь, когда он рассказал свою историю, он ждал, чтобы и его собеседница выполнила уговор. Не мешкая, Сирэйнис поднялась и стала медленно прохаживаться по крыше.

— Я знаю, о чем вы собираетесь спрашивать, — начала она. — На некоторые из этих вопросов я могу дать ответ, но делать это с помощью слов было бы слишком утомительно. Если вы откроете мне свое сознание, я передам ему все, что вам хочется узнать. Можете мне довериться; без вашего разрешения я не прочту ни мысли.

— И что я должен сделать? — осторожно осведомился Олвин.

— Настройтесь на то, чтобы получить мою помощь, — смотрите мне в глаза и постарайтесь забыть обо всем, — скомандовала Сирэйнис.

Что произошло затем, Олвин так и не понял. Все его чувства, казалось, полностью выключились, и хотя он так никогда потом — и не мог припомнить, как же это случилось, но, вслушавшись в себя, он вдруг с изумлением обнаружил, что знает все.

Он видел прошлое — правда, не совсем отчетливо, как человек,

стоящий на вершине горы, мог бы видеть скрывающуюся в дымке равнину. Он понял, что люди не всегда жили в городах и что с тех пор, как машины освободили их от тяжелого труда, начался спор между двумя цивилизациями различного типа. На протяжении столетий и столетий периода Начала существовали тысячи городов, однако большая часть человечества предпочитала жить сравнительно небольшими поселениями. Всеземной транспорт и мгновенные средства связи давали людям возможность осуществлять все необходимые контакты с остальным миром, и они не испытывали ни малейшей необходимости ютиться в тесноте городов, в толчее миллионов своих современников.

Лиз в те ранние времена мало чем отличался от сотен других поселений. Но постепенно, по мере того как проходили столетия, он сумел создать независимую культуру, которая относилась к категории самых высокоразвитых из когда-либо известных человечеству. По большей части культура эта была основана на непосредственном использовании психической энергии, и именно это вот обстоятельство и отъединило ее от остальной части человеческого общества, которое все больше и больше полагалось на широкое использование механизмов.

Эпохи сменяли одна другую, и, по мере того как эти два типа цивилизаций продвигались вперед по своим столь разнящимся путям, пропасть между Лизом и остальными городами все расширялась. Она становилась преодолимой лишь в периоды серьезных кризисов. Когда Луна стала падать на Землю, разрушили ее именно ученые Лиза. Так же было и с защитой Земли от Пришельцев, которых отбросили после решающей битвы у Шалмирейна...

Исполинское это усилие истощило человечество. Города один за другим стали приходить в упадок, и пустыня барханами накатывалась на них. По мере того как численность населения падало, человечество начало мигрировать, в результате чего Диаспар и остался последним — и самым большим — из всех городов.

Большая часть всех этих перемен никак не отзывалась на Лизе, но ему пришлось вести свою собственную битву — против пустыни. Естественного барьера гор оказалось совсем не достаточно, и прошло множество столетий, прежде чем людям удалось обеспечить безопасность своему оазису. В этом месте картина, возникшая перед внутренним взором Олвина, несколько размывалась. Возможно, это было сделано намеренно. В результате Олвин никак не мог уразуметь, что же обеспечило Лизу ту же вечность бытия, которой обладал его Диаспар.

Впечатление было такое, что голос Сирэйнис пробивается к нему с

огромного расстояния, — и все же это был не только ее голос, поскольку в мозгу Олвина звучала целая симфония слов — как будто одновременно с Сирэйнис говорили еще многие и многие другие.

— Такова вкратце наша история. Вы видите, что даже в эпоху Начала у нас было очень мало общего с городами, хотя их жители достаточно часто посещали наши земли. Мы никогда им не препятствовали, поскольку многие из наших величайших умов были пришельцами извне, но когда города стали умирать, мы не захотели оказаться вовлеченными в их падение. И вот, когда воздушный транспорт перестал функционировать, в Лиз остался только один путь — через транспортную систему Диаспара. С нашей стороны она была запечатана, когда в центре вашего города разбили Парк, и вы забыли про нас, хотя мы о вашем существовании не забывали никогда.

Диаспар поразил нас. Мы ожидали, что и его постигнет судьба других городов, но вместо этого он сумел развить стабильную культуру, которая, по всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока существует сама Земля. Мы не в восхищении от этой культуры и до некоторой степени даже рады, что те, кто стремился ускользнуть от нее, смогли это сделать. Куда больше людей, — чем вы можете себе представить, предприняли такое же вот подземное путешествие, и почти всегда они оказывались людьми выдающимися, которые, приходя в Лиз, приносили с собой нечто ценное...

Голос сошел на нет. Паралич чувств у Олвина постепенно проходил, он снова становился самим собой. С удивлением он обнаружил, что солнце уже опустилось далеко за деревья, а небо на востоке напоминает о наступлении ночи. Откуда-то плыл вибрирующий стон огромного колокола. Он медленно растворялся в тишине, наполняя воздух напряжением какой-то тайны и предчувствием чего-то необыкновенного. Олвин обнаружил, что слегка дрожит — и не от первого вечернего холодка, а от благоговения и изумления перед всем тем, что ему довелось узнать. Ему вдруг остро захотелось снова увидеть своих друзей, снова оказаться среди такого знакомого окружения Диаспара.

— Я должен вернуться, — сказал он. — Хедрон... мои родители... они будут меня ждать...

Это не совсем было правдой. Хедрон, конечно, станет удивляться — что это такое с ним приключилось, но, насколько понимал Олвин, о том, что он покинул Диаспар, больше не знал никто. Он не смог бы объяснить побудительные мотивы этой маленькой неправды и, как только произнес эти слова, сразу же застыдился себя.

Сирэйнис задумчиво посмотрела на него.

— Боюсь, что все это не так просто, — проговорила она.

— Что вы имеете в виду? — спросил Олвин. — Разве машина, которая привезла меня сюда, не в состоянии отправить меня и обратно? — Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что его могут задержать в Лизе помимо его воли, хотя что-то подобное и промелькнуло у него в голове.

Впервые за все время Сирэйнис, похоже, почувствовала некоторую неловкость.

— Мы сейчас говорим о вас, — сказала она, не объясняя, кто это — «мы» и каким образом могла происходить такая консультация. — Если вы возвратитесь в Диаспар, о нашем существовании узнает весь город. Даже если вы пообещаете никому ничего не рассказывать, вы все равно не сможете сохранить наше существование в тайне.

— А зачем хранить его в тайне? — удивился Олвин. — Я уверен, что для обоих наших народов будет только хорошо, если они снова смогут встретиться и начать сосуществовать...

Сирэйнис, казалось, была чем-то недовольна:

— Мы так не считаем. Стоит только воротам раствориться, как нашу землю наводнят праздные, любопытствующие искатели сенсаций. До сих пор до нас добирались только самые лучшие из ваших людей...

Этот ответ содержал в себе столько бессознательного превосходства и в то же время был основан на столь ложных предпосылках, что Олвин почувствовал, как подступившее раздражение совершенно вытеснило в нем тревогу.

— Все это совершенно не так, — без околичностей заявил он. — Я глубоко убежден, что во всем Диаспаре не найдется ни единого человека, который бы покинул город — если бы даже и захотел, если бы даже он знал, что ему есть куда отправиться. Поэтому, если вы разрешите мне вернуться, на Лизе это ну никак не скажется...

— Это не мое решение, — объяснила Сирэйнис. — И вы недооцениваете возможностей и сил человеческого сознания, если полагаете, будто барьеры, которые удерживают жителей Диаспара в границах города, не могут быть устранены. Тем не менее у нас нет ни малейшего желания удерживать вас здесь против вашей воли, хотя, если вы намереваетесь все-таки вернуться в Диаспар, мы будем вынуждены стереть из вашей памяти все воспоминания о нашей земле — Она чуть помедлила. — Этот вопрос никогда прежде не поднимался. Все ваши предшественники приезжали к нам навсегда.

Олвин оказался перед выбором, который он отказывался принимать. Ему хотелось исследовать Лиз, узнать все его тайны, открыть для себя те

его стороны, которыми он отличается от его родины, но в то же самое время он был преисполнен решимости возвратиться в Диаспар, чтобы доказать друзьям, что он вовсе не какой-то праздный мечтатель. Он никак не мог понять этого стремления сохранить тайну Лиза. Но и, пойми он его, это ничуть не сказалось бы на его намерениях.

Он понял, что должен выиграть время или же убедить Сирэйнис в том, что то, о чем она его просит, совершенно невозможно.

— Но ведь Хедрон знает, где я, — возразил он. — Вы же не можете стереть и его память.

Сирэйнис улыбнулась. Улыбка была приятна и в других обстоятельствах она показалась бы достаточно дружелюбной. Но сейчас за ней Олвин впервые уловил присутствие ошеломляющей, неумолимой силы.

— Вы недооцениваете нас, Олвин, — прозвучал ответ. — Сделать это совсем нетрудно. Я могу добраться до Диаспара куда быстрее, чем, скажем, требуется, чтобы из конца в конец пересечь Лиз. Некоторые из тех, кто прибывал к нам прежде, сообщали друзьям, куда именно они направляются. И все же друзья эти забыли про них. Эти люди просто исчезли из истории Диаспара...

Было бы глупо отвергать такую возможность, и теперь, когда Сирэйнис указала на нее, она представлялась совершенно очевидной. Олвин задумался, сколько раз за эти миллионы лет, протекавшие с тех пор, как разделились две культуры, люди Лиза проникали в Диаспар с тем, чтобы охранить свою так ревностно оберегаемую тайну. И еще — он задумался и над тем, насколько могущественны силы мозга, находящиеся в распоряжении этих странных людей и без колебаний приводимые ими в движение.

Не грозило ли ему какой-нибудь опасностью — строить какие бы то ни было планы вообще? Сирэйнис обещала, что не станет читать его мысли без его согласия, но нет ли обстоятельств, в которых это обещание останется невыполненным?

— Вы, конечно, не ожидаете, чтобы я немедленно принял решение, — проговорил он. — Не могу ли я, прежде чем сделать выбор, хотя бы немного познакомиться с вашей страной?

Ну конечно же, — немедленно отозвалась Сирэйнис. — Оставайтесь у нас столько, сколько вам захочется, и в конце концов мы все же сможем возвратиться в Диаспар, если не передумаете. Но если бы вы приняли решение в течение следующих нескольких дней, это бы упростило дело. Вам ведь не хочется, чтобы ваши друзья волновались, а чем дольше вы у нас пробудете, тем труднее для нас будет сделать соответствующие

поправки.

Это Олвин мог оценить. Ему бы только хотелось знать, что это за «поправки». По всей вероятности, кто-то из Лиза войдет в контакт с Хедроном — о чем Шут даже и подозревать-то не будет — и займется его сознанием. Сам факт отсутствия Олвина скрыт быть не может, но вот информация, которую они с Хедроном обнаружили, окажется уничтоженной. И по мере того как будут проходить столетия, имя Олвина станет в один ряд с именами тех Неповторимых, которые загадочным образом исчезли без следа и были забыты...

Здесь было множество тайн, и он, похоже, ничуть не приблизился и разгадке хотя бы одной из них. Не существовала ли какая-то цель за этими странными односторонними отношениями Лиза и Диаспара или же это всего лишь проявлялась некая историческая случайность? Кто и что были эти Неповторимые, и если жители Лиза могли проникать в Диаспар, то почему же тогда они не отключили те цепи Хранилищ Памяти, где содержится информация, дающая ключ к их обнаружению? Это был, видимо, единственный вопрос, на который Олвин и сам мог дать более или менее правдоподобный ответ. Центральный Компьютер, должно быть, оказался слишком неподатливым для такого рода шуток, и вряд ли даже с помощью самых тонких приемов парапсихологии к нему можно было подобрать отмычку.

Он оставил все эти проблемы в стороне. Кто знает, может быть, у него и появится шанс ответить на них, когда он узнает побольше. Что толку предаваться бесплодным размышлениям, возводя пирамиды догадок на песке неосведомленности...

— Что ж, хорошо, — сказал он, может быть, не совсем вежливо, потому что все еще был раздражен этим неожиданным препятствием, вставшим на его пути. — Как только смогу — сразу же дам вам ответ. Если вы покажете мне, какова же она, ваша земля.

— Вот и прекрасно, — воскликнула Сирэйнис, и иа этот раз Олвин не усмотрел никакой скрытой угрозы в ее улыбке. — Мы гордимся Лизом, и нам будет приятно показать вам, как это люди могут обходиться без городов. И пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь: друзья в Диаспаре не будут встревожены вашим отсутствием. Мы позаботимся об этом — хотя бы ради вашего собственного благополучия.

Сирэйнис впервые в жизни дала обещание, которое она не смогла выполнить...

Как Алистра ни пыталась, никаких больше сведений выудить у Хедрона ей не удалось. Шут быстро оправился от первоначального шока и от той паники, которая буквально вытолкнула его на поверхность, когда он остался в полном одиночестве под усыпальницей Зея. Кроме того, он стыдился своей трусости и в то же время спрашивал себя — достанет ли у него духу в один прекрасный момент вернуться в пещеру самодвижущихся дорог и расходящихся по всему свету туннелей? Хотя он и понимал, что Олвином двигал не столько здравый смысл, сколько нетерпение, если не глупость, ему, в сущности, не верилось, что тому угрожает какая-то опасность. В свое время он возвратится. В этом-то Хедрон был убежден. Ну, почти убежден: сомнений оставалось ровно настолько, чтобы понудить его соблюдать осторожность. Будет мудро, решил он, пока суть да дело, распространяться обо всем этом как можно меньше и представлять все случившееся просто как еще одну свою проделку.

К несчастью для этого превосходного плана, он не сумел скрыть обуревавшие его чувства, когда по возвращении на поверхность веред ним предстала Алистра. Она усмотрела в его глазах страх, безошибочный страх, и тотчас же истолковала его в том смысле, что Олвину грозит какая-то опасность. Напрасны оказались все заверения Хедрона — Алистра злилась на него все больше и больше, когда они вместе возвращались через Парк.

Сначала она хотела остаться около усыпальницы — подождать Олвина, каким бы загадочным образом он ни исчез. Хедрону удалось убедить ее, что это будет зряшная трата времени, и, когда она последовала за ним в город, у него несколько отлегло от сердца. Нельзя было сбрасывать со счетов возможность того, что Олвин вернется почти тотчас же, и Хедрону не хотелось, чтобы кто-то еще оказался посвященным в тайну Ярлана Зея.

К тому времени, когда они достигли первых зданий города, Хедрону стало ясно, что его тактика увиливания от ответов полностью провалилась и ситуация самым драматическим образом вышла из-под контроля. Впервые в жизни Шут просто растерялся и не нашел способа справиться с возникшей проблемой. Изначальная его реакция — подсознательный страх медленно уступал место более глубокой и более обоснованной тревоге. До сих пор Хедрон придавал мало значения последствиям своих поступков. Его собственные интересы и некоторая, совершенно искренняя симпатия к

Олвину были достаточным мотивом для всего, что он сделал. Да, он поощрял и поддерживал Олвина, но ему и в голову не приходило, что может произойти что-то похожее на то, что сейчас произошло.

Несмотря на разницу лет и пропасть опыта, разделяющие их, воля Олвина всегда оказывалась сильнее, чем его собственная. С этим теперь уже ничего нельзя было поделать. Хедрон чувствовал, что события уже сами несут его к какой-то высшей точке и от него, собственно, уже ничто не зависит.

Учитывая все это, было как-то не совсем справедливо, что Алистра, по всей вероятности, считала его чем-то вроде злого гения Олвина и всю демонстрировала склонность винить за все случившееся именно его. Алистрой при этом двигала отнюдь не мстительность. Она была просто раздосадована, и часть этой ее досады фокусировалась на Хедроне. И если бы какие-то ее действия причинили Шуту беспокойство, она нимало бы об этом не пожалела.

Они расстались в каменном молчании, когда дошли до могучей кольцевой магистрали, опоясывающей Парк. Хедрон глядел девушке вслед, пока она не исчезла из виду, и устало думал о том, какие же еще планы могут созреть сейчас в этой юной головке.

Он мог быть уверен только в одном: отныне на протяжении некоторого времени ему может угрожать все что угодно, кроме скуки.

Что же касается Алистры, то она действовала быстро и не без некоторого озарения. Она не стала тратить времени на розыски Эристана и Итании. Родители Олвина, с ее точки зрения, были не более чем милыми ничтожествами, к которым она относилась не без приязни, однако решительно безо всякого уважения. Они только бы упустили время в пустых препирательствах, а затем поступили бы точно так же, как Алистра поступала сейчас.

Джизирак выслушал ее рассказ, не проявляя внешне ровно никаких чувств. Если он и был взволнован или удивлен, то хорошо это скрывал — настолько хорошо, что Алистра даже испытала некоторое разочарование. Ей представлялось, что до сих пор в городе никогда не происходило ничего столь же важного и необычного, и деловой подход Джизирака как-то несколько охладил ее пыл. Когда она закончила свое повествование, Джизирак задал ей несколько вопросов и намекнул, не выразив этого в каких-то определенных выражениях, что она, возможно, просто ошиблась. Какие у ней были причины полагать, что Олвин и в самом деле покинул город? Может быть, над ней просто подшутили... То обстоятельство, что во всем этом оказался замешан Хедрон, делало такое предположение в

высшей степени правдоподобным. Быть может, вот в этот самый момент Олвин, скрываясь где-то в Диаспаре, тихонько посмеивается над ней...

Единственный определенный ответ, которого она добилась от Джизирака, состоял в том, что он наведет справки и в течение дня свяжется с ней. А она тем временем не должна тревожиться, — и было бы лучше всего, если бы она никому ничего не рассказывала о происшедшем. Нет никакой надобности сеять панику по поводу инцидента, который, вполне возможно, разъяснится в течение ближайших нескольких часов.

Алистра ушла от Джизирака в состоянии, близком к зарождающемуся отчаянию. Доведись ей увидеть, что он предпринял сразу же после ее ухода, она была бы довольна куда больше.

У Джизирака были друзья в Совете. За свою долгую жизнь он и сам, бывало, состоял его членом и мог бы стать им снова, если бы ему вдруг до такой степени не повезло. Словом, он связался со своими тремя наиболее влиятельными коллегами и осторожно возбудил их интерес. Как наставник Олвина, он хорошо понимал деликатность своего положения и, естественно, стремился обезопасить себя. А пока — чем меньше людей будут знать о происшедшем, тем оно и лучше.

Собеседники его сразу же согласились, что первое из всего, что необходимо предпринять, это войти в контакт с Хедроном и потребовать объяснений. В этом великолепном плане был только один изъян: Хедрон предвидел такой поворот событий, и найти его оказалось невозможным.

Если в положении Олвина и заключалась какая-то двойственность, то его хозяева были достаточно осмотрительны и не показывали ему этого. В Эрли — маленьком поселке, где правила Сирэйиис — он волен был ходить где ему только заблагорассудится. Выражение «правила», впрочем, было, пожалуй, слишком уж сильным, чтобы точно обрисовать положение этой женщины. Порой Олвину казалось, что она была снисходительным диктатором, а в иных случаях выходило, что у нее вообще нет никакой власти. До сих пор ему никак не удалось хотя бы приблизиться к пониманию социальной системы Лиза — то ли потому, что она была слишком проста, то ли из-за того, что настолько сложна, что ее суть ускользала от понимания. Наверняка он выяснил только то, что Лиз был разделен на бесчисленные поселки и Эрли среди них считался типичным. Однако, в известном смысле, типичных примеров тут просто не существовало: Олвина заверили, что каждый поселок старается быть как можно более непохожим на своих соседей. Все это было чрезвычайно запутанно.

Хотя Эрли был очень маленьким и в нем проживало меньше тысячи

человек, сюрпризов он таил в себе немало. Все здесь решительно все отличалось от аналогов Диаспара. Различия распространялись даже на такие фундаментальные вещи, как человеческая речь. Своими голосовыми связками пользовались только ребятишки. Взрослые же очень редко обращались друг к другу со словами, и спустя некоторое время Олвин пришел к выводу, что они поступали так только из вежливости по отношению к нему. Быть окруженным со всех сторон бурей беззвучных слов было странно, непривычно и порой вызывало у Олвина даже что-то вроде отчаяния, но через какое-то время он к этому привык. Вскоре ему уже казалось странным, что устная речь вообще выжила в условиях, когда в ней не было никакой необходимости. Но прошло еще какое-то время, и Олвин с изумлением обнаружил, что жители Лиза очень любят петь и вообще являются поклонниками музыки во всех ее видах. Весьма вероятно, подумалось ему, что, не будь этого, они уже давным-давно стали бы совершенно немые.

Эти люди постоянно были чем-то заняты, их время и внимание поглощали задачи и проблемы, для Олвина абсолютно непостижимые. А когда он все-таки догадывался о том, что именно делает тот или иной житель Лиза, многое из этих трудов представлялось ему совсем ненужным... Значительная часть потребляемых здесь пищевых продуктов самым натуральным образом выращивалась, а не синтезировалась по технологии, выработанной еще столетия назад. Когда Олвин заговорил об этом, ему терпеливо объяснили, что людям Лиза нравится наблюдать за ростом живого, нравится выполнять сложные генетические эксперименты и разрабатывать все более тонкие оттенки вкуса и аромата. Эрли славился фруктами, но, когда Олвин отведал некоторые из самых отборных плодов, они показались ему ничуть не лучше тех, которые он мог сотворить в Диаспаре, едва пальцем шевельнув.

Сперва он задался вопросом: не забыли ли жители Лиза те силы и машины (если они когда-либо обладали ими), которые он принимал как нечто в высшей степени естественное и на которых зиждилась вся жизнь в Диаспаре. Вскоре он, однако, обнаружил, что вопрос поставлен некорректно. В Лизе были и необходимые орудия, и умение их применять, но вот прибегали к ним лишь в том случае, когда это было уж совершенно необходимо. Наиболее разительный пример в этом смысле являла собой местная транспортная система — если ее можно было почтить таким названием. На короткие расстояния люди ходили пешком, и, казалось, им это было вполне по душе. Если же человек спешил или нужно было перевезти небольшой груз, то использовали животных, которые,

совершенно очевидно, были предназначены именно для этого. В тяжеловозах ходили какие-то низкорослые шестиногие монстры, очень послушные, сильные и умственно не слишком развитые. Быстрые на ногу животные были совсем иными. Обычно они передвигались на четырех конечностях, но когда нужно было развить высокую скорость, то пользовались только задними. Весь Лиз они могли пересечь за несколько часов, и наездник при этом располагался в шарнирном седле, притороченном к спине животного. Ничто в целом свете не заставило бы Олвина рискнуть отправиться в такого рода прогулку, а вот среди местных молодых людей это был весьма популярный вид спорта. Их скакуны превосходных кровей были аристократами здешнего животного мира и, надо сказать, хорошо это понимали. В их распоряжении имелся довольно обширный лексикон, и Олвину нередко случалось подслушать, как они хвастаются друг перед другом своими прошлыми и грядущими победами. Когда Олвин пытался проявить дружелюбие и присоединиться к беседе, скакуны делали вид, что не понимают его, а если он проявлял настойчивость, то убегали с видом оскорбленного достоинства.

Эти вот два вида животных в полной мере удовлетворяли все обычные нужды Лиза и доставляли владельцам огромное удовольствие, которого, конечно, никак нельзя было ожидать от машин. Но когда требовалась особенно высокая скорость или необходимо было перевезти очень уж значительный груз, то на помощь приходили машины и ими пользовались без малейшего колебания.

Хотя животные Лиза явились для Олвина целым миром, полным интересного и удивительного, более всего его заинтересовали две крайности среди людей. Очень молодые и очень старые — и те и другие в равной степени казались ему странными и даже поражающими. Самый старый обитатель Эрли едва достиг двухсотлетнего возраста, и жить ему оставалось всего несколько лет. Олвин не мог не отметить про себя, что в этом возрасте его собственное тело едва ли претерпело бы какие-либо изменения, в то время как этот человек, у которого впереди не было целой цепочки жизней, воспринимаемой им как своего рода компенсация, почти исчерпал свои физические силы. Волосы его были абсолютно белы, а лицо представляло небывало сложную сеть морщин. Похоже было, что большую часть времени он проводит, сидя на солнышке или медленно прогуливаясь по поселку, обмениваясь со всеми встречными беззвучными приветствиями. Насколько мог решить Олвин, старик был совершенно доволен жизнью, ничего большего не требовал от нее и ни в малейшей степени не был угнетен сознанием своего приближающегося конца.

Это было проявление философии, настолько отличающейся от взглядов, принятых в Диаспаре, что Олвин никак не мог ее усвоить. Почему кто-то должен столь терпимо относиться к смерти, если она не является чем-то обязательным, если есть возможность жить тысячу лет, а затем совершить скачок через многие и многие тысячелетия, чтобы начать все сначала в мире, черты которого в какой-то степени predeterminedены и тобой? Это была одна из загадок, разрешить которые он вознамерился, как только у него появится возможность откровенно их обсудить. Ему было очень трудно уверовать в то, что Лиз сделал этот выбор по собственной воле, если ему было хорошо известно об альтернативе, реально существующей в Диаспаре.

Часть ответа на свой вопрос он нашел в детях — этих маленьких созданиях, которые представлялись ему столь же необычными, как и любые представители животного мира Лиз. Он проводил очень много времени среди них, наблюдал за их играми и в конце концов был принят ими как друг. Часто ему казалось, что они вообще не имеют отношения к человеческому роду, потому что их мотивами, их логика и даже их язык были столь странны. Он недоверчиво смотрел на взрослых и задавался вопросом, как это они могли развиться из этих вот удивительных существ, которые, казалось, большую часть жизни проводят в своем собственном замкнутом мире.

И все же, даже изумляя его, они пробуждали в его сердце чувство, доселе ему совершенно неведомое. Когда — что случалось не часто, но все-таки случалось — они начинали плакать или каким-то другим образом проявляли полное отчаяние или подавленность, их маленькие несчастья представлялись ему куда более трагическими, чем даже весь долгий путь отступления Человека после потери Галактической Империи. То было что-то слишком огромное и слишком уж далекое по времени для понимания, а вот всхлипывания ребенка пронзали сердце насквозь.

В Диаспаре Олвин познал, что такое любовь, но теперь перед ним было что-то равно драгоценное, что-то такое, без чего сама любовь никогда бы не могла достигнуть полного своего расцвета, навечно оставаясь ущербной... Он познавал, что такое нежность.

Если Олвин изучал Лиз, то и Лиз не оставлял его своим вниманием и не был разочарован тем, что ему удалось выяснить. Гость находился в Эрли уже три дня, когда Сирэйнис предположила, что он, возможно, хотел бы познакомиться с внутренними районами страны. Олвин без колебаний принял это предложение — при условии, что от него не станут требовать, чтобы он путешествовал верхом на одном из лучших рысаков поселка.

— Могу вас заверить, — с редкой для нее вспышкой чувства юмора ответила Сирэйнис, — что никому здесь и в голову бы не пришло рискнуть одним из своих драгоценных животных. Поскольку случай особый, я предоставляю вам такое средство транспорта, в котором вы будете чувствовать себя более привычно. Хилвар пойдет с вами гидом, но, разумеется, вы вольны отправиться в любое место, которое только вас интересует.

Олвин поразмыслил — так ли это будет на самом деле. Ему представлялось, что если он попытается возвратиться к тому холму, со склона которого он впервые увидел Лиз, то возникнут возражения, Тем не менее это его пока не слишком беспокоило, поскольку он теперь вовсе не торопился возвращаться в Диаспар и, в сущности, совсем даже и не думал над этим после своей первой встречи с Сирэйнис. Жизнь здесь для него все еще была настолько интересна и так нова, что своим пребыванием в Лизе он оставался вполне удовлетворен.

Он оценил жест Сирэйнис, когда она предложила ему в гиды своего сына, хотя — сомневаться в этом не приходилось — Хилвар конечно же и получил детальные инструкции: в оба присматривать за тем, чтобы Олвин не попал в какую-нибудь переделку.

Олвину потребовалось некоторое время, чтобы попривыкнуть к Хилвару — по причине, которую он не смог бы толком объяснить, не ранив при этом чувств сына Сирэйнис. Физическое совершенство в Диаспаре было чертой настолько всеобщей, что личная красота полностью потеряла свою ценность. Люди обращали на, нее внимание не больше, чем на воздух, которым дышали. В Лизе же все это обстояло далеко не так, и наиболее лестным эпитетом, который можно было бы применить к Хилвару, являлось слово — симпатичный. По стандартам же Олвина он был просто уродлив, и в течение некоторого времени Олвин даже сознательно избегал его. Если Хилвар и отдавал себе в этом отчет, то ничем себя не обнаруживал, и очень скоро присущее ему дружелюбие сломало барьер. Но все еще впереди было время, когда Олвин настолько привыкнет к широкой и несколько кривоватой улыбке Хилвара, к его силе и к его мягкости, что ему едва ли правдоподобным будет казаться, что в свое время он считал этого парня таким непривлекательным, и ни за что на свете не захочется, чтобы Хилвар стал каким-то другим.

Они покинули Эрли вскоре после рассвета в небольшом экипаже, который Хилвар называл мобилем и который, очевидно, действовал на тех же принципах, что и машина, которая доставила Олвина сюда из Диаспара. Экипаж этот парил над поверхностью земли всего в нескольких дюймах, и,

хотя не было ни малейших признаков направляющего стержня, Хилвар оговорился, что такие вот машины в состоянии двигаться только по определенным маршрутам. Этим видом транспорта были связаны между собой все населенные пункты, однако за все время своего пребывания в Лизе Олвин ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пользовался таким вот автомобилем.

Хилвар отдал много сил организации экспедиции и — это было заметно — с нетерпением ждал, когда же можно будет отправиться в путь, так же, впрочем, нетерпелив был и Олвин. Сын Сирэйнис спланировал маршрут, имея в виду и некоторые свои личные интересы, потому что естественная история была его всепоглощающей страстью, а в тех сравнительно малозаселенных районах, которые им предстояло посетить, он надеялся обнаружить новые виды насекомых. Он собирался забраться так далеко на юг, насколько позволит мобиль, а уж остальную часть пути они должны были проделать пешком. Не совсем отдавая себе отчет в том, что это может означать для него на практике, Олвин ничуть не возражал.

В путешествии этом их компанию разделял еще и Криф — наиболее поразительный из многочисленных любимцев Хилвара. Когда Криф отдыхал, шесть его полупрозрачных крыльев, сложенные, покоились вдоль тела, а оно сверкало сквозь них, напоминая осыпанный драгоценностями скипетр. Но стоило ему чем-то встревожиться, как он мгновенно взмывал в воздух блистающей стрелой, слабо жужжа невидимыми крылами. Это огромное насекомое, хотя оно и могло возвращаться по зову человека и даже понимало некоторые самые простые слова, было совершенно безмозглым. И тем не менее оно, вне всякого сомнения, было личностью — на свой лад, конечно, и по каким-то неведомым причинам с явной подозрительностью относилось к Олвину, чьи спорадические попытки завоевать его доверие кончались ничем.

Это путешествие через весь Лиз представлялось Олвину каким-то волшебным сном. Их экипаж, беззвучный, точно призрак, скользил по слегка всхолмленным равнинам, змейкой лавировал среди деревьев леса, ни на дюйм не отклоняясь от своей невидимой колеи. Двигался он со скоростью, раз этак в десять выше скорости неспешно шагающего человека. В сущности, в этой стране редко когда кто двигался быстрее, чем прогулочным шагом.

Они миновали много селений, некоторые из них были большими, куда больше Эрли, но почти все они оказались построены на тех же самых принципах. Олвин с интересом отметил незначительные, но о многом говорящие различия в одежде и даже физическом облике людей от поселка

к поселку. Цивилизация Лиза состояла из тысяч отличающихся друг от друга культур, каждая из которых вносила в общее дело что-то свое. Мобиль был как следует загружен прославленным фруктом Эрли — небольшими желтыми персиками; кому бы Хилвар их ни предлагал, персики эти всегда принимались с благодарностью. Он частенько делал остановки, чтобы поболтать с друзьями и представить им Олвина, не устававшего поражаться той деликатной непринужденности, с которой все тотчас же переходили на устную речь, стоило им только узнать, кто он такой. Для многих это было не просто, но, насколько он мог судить, все мужественно сопротивлялись искушению перейти на обмен мыслями, и поэтому он никогда не чувствовал себя выключенным из общего разговора.

Самая долгая стоянка случилась у них в одной крохотной деревушке, почти пропавшей в зарослях высокой золотистой травы, метелки которой трепетали где-то над их головами, и, колеблемые ленивым ветерком, казались чуть ли не живыми. Двигаться сквозь эту траву было все равно что бесконечно преодолевать пенный гребень какой-то неумирающей волны — бесчисленные листья в унисон склонялись к путешественникам. Сначала это немного тревожило Олвина, потому что он никак не мог отделаться от мысли, что трава наклоняется для того, чтобы поглядеть на них попристальнее, но потом он привык и даже стал находить это непрекращающееся движение успокаивающим.

Вскоре он понял, чего ради сделали они эту остановку. В небольшой толпе, которая, по-видимому, собралась прежде, чем они прибыли в селение, стояла застенчивая темнокожая девушка, которую Хилвар представил как Ньяру. Было нетрудно догадаться, что эти двое страшно рады увидеться, и Олвин испытал даже что-то вроде зависти, наблюдая чужое счастье от короткой встречи. Хилвар просто разрывался между необходимостью исполнять свою роль гида и желанием не видеть рядом никого, кроме Ньяры, и Олвин тотчас избавил его от мук, отправившись на прогулку в одиночестве. В деревушке оказалось не так уж много интересного, но он добросовестно убивал время.

К моменту, когда они снова отправились в путь, у него накопилась целая куча вопросов к Хилвару. Он, к примеру, никак не мог представить, на что может быть похожа любовь в обществе, где люди в состоянии читать мысли друг друга, и после некоторой паузы, продиктованной вежливостью, прямо спросил об этом. Хилвар с готовностью принялся отвечать, хотя Олвин и подозревал, что заставил друга прервать долгое и нежное прощание.

Примерно выяснилось, что в Лизе любовь начиналась с мысленного

контакта, и порой могли пройти многие месяцы, а-то и годы, прежде чем пара встречалась, так сказать, наяву. При этом, как объяснил Хилвар, каких-либо неправильных представлений друг о друге не могло возникнуть в принципе, и злоупотребление доверием тоже было совершенно исключено. Двое, чьи мысли были открыты «я» другого, не могли иметь каких-то секретов. Даже если бы один из любящих и попытался создать из чего-то тайну, другой тотчас бы обнаружил, что от него что-то скрывают.

Такую открытость и чистоту помыслов могли позволить себе только очень зрелые и хорошо сбалансированные умы. И лишь основанная на полнейшем самоотречении любовь могла выжить в таких условиях. Олвин хорошо понимал, что такая любовь должна быть глубже и богаче всего, что было известно по этой части его народу. Если вдуматься, то она могла подняться до таких высот совершенства, в существование которых просто трудно было и поверить.

Тем не менее Хилвар уверил его, что такая любовь действительно существует, а когда Олвин прижал его выведыванием подробностей, глаза темнокожего юноши засияли и он... забылся в каких-то своих, глубоко личных мыслях. Вероятно, существовали и такие вещи, которые он просто не мог передать словами. Человек либо знал их, либо даже и не догадывался о том, что они есть на свете. И Олвин не без грусти решил про себя, что ему никогда и ни с кем не достичь той степени взаимопонимания, которую эти счастливые люди сделали самой основой своего бытия.

Когда мобиль пересек саванну — оборвавшуюся столь внезапно, как если бы существовала какая-то черта, за которой трава просто не могла расти, перед ними открылась гряда низких, сплошь поросших лесом холмов. Хилвар объяснил, что здесь проходит граница главного горного бастиона, оберегающего Лиз. Настоящие же горы лежат еще дальше. Но даже и эти низкие холмы оказались для Олвина зрелищем поразительным и внушающим благоговейное чувство.

Мобиль остановился в узкой, затененной долине, которая, впрочем, была все еще была согрета теплотой и светом садящегося солнца. Хилвар посмотрел на Олвина своими широко распахнутыми, простодушными глазами, в которых, можно было поклясться, не светилось и намек на какое-то вероломство.

— А вот отсюда мы двинем пешком, — весело сказал он, начиная выкидывать из мобиля их снаряжение. — Дальше не проедешь.

Олвин смотрел на окружающие их холмы, оценивая их, а затем перевел взгляд на комфортабельное сиденье, которое так славно принимало его во время поездки.

— И что — нет никакого окольного пути? — спросил он без особой надежды.

— Есть-то он, конечно, есть, — ответил Хилвар, — да только мы им не пойдем. Нам нужно на самый верх — там знаешь как интересно! А мобиль я переведу в автоматический режим, таи что он будет нас ждать с той стороны, когда мы спустимся снова.

Полный решимости без борьбы не сдаваться, Олвин сделал последнюю попытку.

— Скоро станет совсем темно. До заката-то нам ни за что не осилить всего пути...

— Точно! — согласился Хилвар, с невероятным проворством рассортировывая многочисленные пакеты и свертки. — Поэтому мы проведем ночь на вершине, а путешествие закончим утром.

На этот раз Олвин вынужден был признать поражение.

Снаряжение, которое они несли, было очень объемистым, но не весило практически ничего. Все было упаковано в гравикомпенсаторные контейнеры, которые нейтрализовали вес, поэтому иметь дело приходилось только с массой и, следовательно, с силой инерции. Пока Олвин двигался по прямой, он совершенно не ощущал, что за плечами у него есть какой-то груз. И все же обращение с этими контейнерами требовало известной сноровки, потому что стоило только изменить направление движения, как поклажа немедленно проявляла твердокаменное упрямство и, казалось, прямо-таки из себя выходила, только бы сохранить Олвина на прежнем курсе, — до тех пор пока он не преодолевал инерцию.

Когда Хилвар приладил лямки и убедился, что все в порядке, они медленно двинулись вверх по долине. Олвин оглянулся и с тоской увидел, как мобиль устремился назад по собственному следу и вскоре исчез из виду. Олвин только вздохнул, удрученный тем, что пройдет, должно быть, еще немало часов, прежде чем ему снова доведется расслабиться в комфортабельном чреве их экипажа.

Тем не менее идти все вверх и вверх, ощущать, как солнце мягко пригревает спину, любоваться новыми и новыми пейзажами, разворачивающимися перед глазами, — все это оказалось весьма приятным. Они двигались по почти заросшей тропинке, которая время от времени пропадала совсем, но Хилвар благодаря какому — то чутью не сбивался с нее даже тогда, когда Олвин совершенно) терял ее в зарослях. Он поинтересовался у Хилвара, кто протоптал эту тропку, и получил ответ, что в этих холмах водится великое множество мелких животных — некоторые из них живут по одиночке, другие примитивными

сообществами, отдаленно напоминающими древние человеческие племена. Кое-какие их виды даже сами открыли — или были кем-то этому обучены — науку использования примитивных орудий и огня. Олвину и в голову бы не пришло, что такие существа могут проявить по отношению к ним какое-то недружелюбие. И он и Хилвар принимали такой порядок вещей как нечто совершенно естественное: на земле прошло слишком много времени с тех пор, как кто-то мог бы бросить вызов Человеку — высшему существу.

Они поднимались уже, должно быть, с полчаса, когда Олвин впервые обратил внимание на слабый, чуть реверберирующий шепот вокруг. Источника его он никак не мог установить, потому что звук этот исходил как бы отовсюду. Он слышался непрерывно, и, по мере того как ландшафты перед ними распахивались все шире и шире, звук становился громче. Олвин непременно спросил бы Хилвара, что это такое, да только оказалось, что дыхание следует беречь для более существенных целей.

Здоровье у Олвина было отменное. В сущности, за всю свою жизнь он и часа не проболел. Но физическое здоровье — свойство само по себе очень важное — оказалось все же не главным для выполнения той задачи, которая теперь стояла перед ним. Его великолепному телу не хватало известных навыков. Летящая поступь Хилвара, та легкость, с которой он, не прилагая, казалось, ни малейших усилий, одолевал всякий подъем, будили в Олвине зависть и решимость не сдаваться до тех пор, пока он еще в состоянии переставлять ноги. Он превосходно понимал, что Хилвар проверяет его, но протеста у него это не вызывало. Шла товарищеская игра, и он проникся ее духом и старался не слишком вслушиваться в то, как ноги понемножку наливаются усталостью.

Хилвар сжалился над ним только тогда, когда они одолели две трети подъема, и они немного отдохнули, подставив натруженные тела ласковому солнышку. Пульсирующий гром слышен был теперь куда яснее, и Олвин спросил о нем, но Хилвар уклонился от ответа. По его словам, это испортит приятную неожиданность, коли Олвин уже сейчас узнает — что там, в конце этого подъема.

Теперь они двигались уже против солнца, и, по счастью, заключительный участок пути оказался довольно гладким и отлогим. Деревья, которыми так густо поросла нижняя часть холма, теперь поредели, словно бы они тоже изнемогли в битве с земным тяготением, и на последних нескольких сотнях метров земля здесь покрывала только жестковатая, короткая трава, шагать по которой было приятно. Когда показалась вершина, Хилвар словно взорвался энергией и устремился вверх по склону чуть ли не бегом. Олвин решил не принимать вызова, да, в

сущности, ничего другого ему и не оставалось. Его вполне устраивало медленное, размеренное продвижение вперед, и когда наконец он поравнялся с Хилваром, то повалился рядом в блаженном изнеможении.

Только когда дыхание его успокоилось, он смог в полной мере оценить ландшафт, расстилающийся перед ним, и увидеть этот источник бесконечного грома, наполнявшего воздух. Земля впереди круто падала от вершины холма — настолько круто, что на протяжении какого-нибудь десятка метров склон превращался уже в вертикальную стену. И, далеко простираясь от этого обрыва, лежала могучая полоса воды. Прихотливо петляя по плоской поверхности плато, она вдруг в одном месте рушилась на скалы, зловеще торчащие в тысяче футов внизу. Там она пропадала в сверкающем тумане мельчайших брызг, и из этой-то глубины и поднимался непрерывный, пульсирующий рев, протяжным эхом отражающийся от склонов холмов по обеим сторонам водопада.

Большая часть этого низвергающегося потока находилась в тени, но солнечные лучи, прорывающиеся между вершинами гор, еще освещали неповторимый пейзаж, добавляя и нему свои прощальные волшебные мазки: подрагивая, у подножия водопада в неуловимой своей красоте стояла последняя на Земле радуга.

Хилвар повел рукой, и этот жест объял весь горизонт.

— Отсюда, — почти прокричал он, чтобы его можно было услышать сквозь гул водопада, — виден весь Лиз!..

Олвин не поверил. К северу от них миля за милей простирались леса, перемежающиеся полянами, протяженными полями, изрезанные ниточками сотен речушек. Где-то среди этой необъятной панорамы прятался Эрли, но нечего было и думать отыскать его. Олвину было показалось, что он разглядел озеро, мимо которого вела тропа, идущая в Лиз, но потом он все-таки решил, что ему померещилось. Еще далее к северу и леса, и просветы в них терялись в сплавленном воедино зеленом покрове земли, кое-где приподнятом выпуклостями холмов. А уж за ними, на самой кромке поля зрения, словно гряда далеких облаков, громоздились горные цепи, отделяющие Лиз от пустыни.

Картина на западе и на востоке мало чем отличалась от того, что наблюдали они на севере, но вот на юге горы, казалось, отстояли от них всего на несколько миль. Олвин видел их очень ясно и в полной мере осознал, насколько же они выше той вершинки, на которой он сейчас находился. От гор их с Хилваром отделяло пространство куда более девственное и дикое, чем то, которое они только что преодолели. Неизвестно почему — он во всяком случае, не мог бы сказать почему —

оно представлялось безжизненным и пустынным, как если бы нога человека не ступала здесь в течение многих и многих лет.

Хилвар ответил на невысказанный вопрос Олвина:

— Когда-то эта часть Лиза была обитаема. Не знаю, почему ее оставили... Вполне допускаю, что, может быть, и снова наступит такой день, когда мы ее займем. А теперь здесь только животные и водятся.

И в самом деле, нигде не было заметно ни малейших следов пребывания человека — ни расчищенных пространств, ни приведенных в порядок, обузданных рек. Лишь в одном месте кое-что говорило о том, что когда-то здесь жили люди: за много миль от молодых людей над зеленым покровом леса, как сломанный клык, высились белые руины какого-то здания. На всем же остальном пространстве джунгли взяли свое.

Солнце садилось за горную гряду Лиза. На краткий миг далекие вершины охватило золотое пламя. Но вслед за этим земля, которую они охраняли, погрузилась в тень, и на нее пала ночь.

— Надо было нам раньше за это приняться, — заметил, как всегда практичный, Хилвар, когда начал разбирать снаряжение. — Через пять минут темнотища будет — глаз выколи, да и похолодает...

Трава стала принимать на себя странные на вид части каких-то аппаратов. Из стройного треножника высунулся штырь с утолщением на конце, напоминающим по форме грушу. Хилвар все удлинял и удлинял этот штырь, пока тот не воздвигся над их головами. После этого он послал какую-то мысленную команду, которую Олвин отметил, но не понял. И тотчас же их маленький бивак оказался затоплен потоками света, отодвинувшими тьму. Груша эта излучала не только свет, но и тепло — Олвин сразу же ощутил это нежное, ласкающее излучение, которое, казалось, проникало до самых костей.

Держа треножник в одной руке, а в другой — свой рюкзак, Хилвар стал спускаться вниз по склону, и Олвин поспешил за ним, прилежно стараясь не выходить из круга света. В конце концов Хилвар выбрал место для ночевки в небольшом углублении несколькими сотнями ярдов ниже вершины холма и принялся приводить в действие оставшуюся часть снаряжения.

Первым возникло большое полушарие из какого-то твердого и почти прозрачного материала, которое полностью укрыло их, надежно защитив от холодного ветра, которым потянуло вверх по склону. По-видимому, этот купол генерировался тем самым небольшим прямоугольным ящичком, который Хилвар поставил прямо на землю и больше уже не обращал на него ровно никакого внимания — до такой степени, что в конце концов

даже завалил его какими-то другими причиндалами. Очень может быть, что этот же самый ящикек произвел для них и удобные полупрозрачные койки, на одну из которых Олвин с радостью и облегчением сразу же и повалился. Это был первый случай, когда он увидел в Лизе материализацию мебели. Жилища здесь представлялись ему ужасно загроможденными непреходящими произведениями рук человеческих, а ведь куда как удобнее было хранить их все в памяти электронных машин.

Ужин, который Хилвар сварганил с помощью другого аппарата, тоже был первой синтетикой, которую Олвину пришлось отведать с тех самых пор, как он прибыл в Лиз. Когда преобразователь материи принялся поглощать сырье, чтобы сотворить свое обыкновенное чудо, оба явственно ощутили, как в отверстие на вершине покрывающего их купола хлынул поток засасываемого воздуха. В общем-то, чисто синтетическая пища была Олвину куда больше по душе. Способ, которым приготавливалась та, натуральная, поразил его как исключительно негигиеничный, а уж при преобразователе-то материи вы, во всяком случае, всегда знали, что именно вы едите.

Они принялись за ужин, когда ночь уже полностью вступила в свои права и на небо высыпали звезды. К концу трапезы за пределами их маленького освещенного мирка стало уже совершенно темно, и на самой границе света и тьмы Олвин заметил какие-то движущиеся тени — это обитатели леса выползали из своих дневных укрытий. Время от времени он видел отблески — чьи-то бледные глаза смотрели на него, но, кто бы это ни был, зверье близко не подходило, так что хорошенько разглядеть ничего не удавалось.

Было так спокойно и славно, и Олвин испытывал полнейшее удовлетворение. Некоторое время они лежали и толковали о том, что им сегодня встретилось, о тайне, которая витала над всем происходящим, о множестве различий двух таких разных культур, к которым они принадлежали. Хилвар был просто зачарован волшебством Хранилищ Памяти, которые вырвали Диаспар из цепких объятий Времени, и тут Олвин обнаружил, что найти ответы на некоторые вопросы Хилвара ему исключительно трудно.

— Чего вот я никак не понимаю, — рассуждал Хилвар, — так это, как проектировщики Диаспара добились того, что ничто никогда не может произойти с Хранилищами Памяти. Вот ты говоришь, информация, которая полностью описывает весь город и всех, кто в нем живет, хранится в виде электрических зарядов в кристаллах, расположенных там в определенном порядке. Ну, ясно — кристаллы-то могут существовать вечно, а вот как же

все соединенные с ними электрические цепи? Неужели же никогда-никогда не бывает никаких отказов?

— Я спрашивал об этом Хедрона, и он ответил, что Хранилища Памяти, в сущности, утроены. Каждое из трех Хранилищ способно и в одиночку обеспечить существование города, и, если что-то случится с одним, два других автоматически исправят поломку. И если только какое-то нарушение произойдет сразу в двух из них, то городу будет нанесен уже непоправимый ущерб. А шансы на то, что такое может случиться, пренебрежимо малы...

— Ну а как же материализуется связь между программами в виде этих самых зарядов и вещественной структурой города — Между планом как он есть и теми предметами, которые он описывает?

Тут Олвин понял, что прочно сидит на мели. Ему было известно в общих чертах, что ответ следует искать в технологии, манипулирующей свойствами самого пространства. Но вот каким именно образом удалось на практике жестко удерживать каждый атом города в положении, описанном данными, хранящимися где-то в дебрях Хранилищ Памяти, — к объяснению всего этого он даже и подступиться не мог.

По внезапному наитию он ткнул пальцем в купол, защищающий их от ночи.

А ты объясни мне, как вот эта крыша над нашими головами получается из того ящика, тогда и я расскажу, как работают Хранилища Памяти, — сказал он. Хилвар засмеялся:

— Ну ты в самую точку... Если уж тебе хочется узнать про это, то придется обратиться к нашим специалистам по теории поля. А я-то уж точно не сумею тебе ничего рассказать!

Этот ответ заставил Олвина глубоко задуматься; выходило, что в Лизе все еще были люди, которые понимали, каким образом действуют их машины. О Диаспаре сказать этого никак было нельзя.

Так они разговаривали и спорили, пока Хилвар наконец не сказал:

— Что-то я устал... А ты — собираешься спать?

Олвин потер свои все еще гудящие от усталости ноги.

— Да хорошо бы, — признался он. — Только я не знаю — смогу ли... Для меня сон, знаешь, все еще очень странный обычай..

— Да это куда больше чем обычай, — засмеялся Хилвар. — Мне вот рассказывали, что когда-то для любого человеческого организма это была самая настоящая жизненная необходимость. Мы и до сих пор любим поспать — хотя бы раз в сутки, хотя бы всего-то несколько часов, потому что во время сна тело освежается, да и мозг тоже... Неужели же в Диаспаре

никто так никогда и не спит?

— Только в очень редких случаях, — ответил Олвин. — Джизирак, мой наставник, спал раз или два — после того как долго занимался очень уж утомительной умственной работой. А так... хорошо спроектированное тело не должно испытывать потребности в таких вот периодах отдыха. Мы с этим покончили миллионы лет назад...

Еще произнося эти несколько хвастливые слова, он уже опровергал самого себя. Усталость — такая, какой он никогда прежде не испытывал — навалилась на него. Она поднималась от лодыжек и бедер, пока не затопила все его тело. В этом непривычном ощущении не было, впрочем, ничего неприятного — скорее даже наоборот. Хилвар наблюдал за ним с улыбкой, и Олвин еще успел подумать: не испытывает ли его друг на нем свою способность к внушению? Но даже если это и было так, он ничуть не возражал...

Свет, лившийся из «груши» над их головами, померк до слабого тления, но излучаемое грушей тепло не ослабло. При последнем трепетании света сознание Олвина отметило несколько любопытных фактов, значение которых ему предстояло выяснить поутру.

Хилвар сбросил одежду, и Олвин впервые увидел, насколько разнятся две ветви человечества. Некоторые отличия в строении тела касались только пропорций, но другие — такие, например, как гениталии и наличие зубов, ногтей и заметных волос — были более фундаментальными. Больше всего его, однако, поразило странное углубление на животе Хилвара.

Когда спустя несколько дней он внезапно вспомнил об этом, то потребовались долгие объяснения. К тому времени, как Хилвар сделал для него функцию пупка совершенно понятной, он уже произнес несколько тысяч слов и нарисовал кучу диаграмм.

И оба — Хилвар и Олвин — сделали огромный шаг в понимании основ культуры Диаспара и Лиза.

Глубокой ночью Олвин проснулся. Что-то тревожило его — какой-то шепот или что-то вроде этого проникал в сознание, несмотря на нескончаемый рев падающей воды. Он сел в постели и стал напряженно вглядываться в окутанные тьмой окрестности, затаив дыхание, прислушиваться к пульсирующему грому водопада и к более мягким и каким-то тайным звукам, производимым ночными созданиями.

Ничего не было видно. Свет звезд был слишком слаб, чтобы озарить многомильные пространства, лежащие в сотнях футах внизу. Только иззубренная линия еще более беспросветной черноты, затмевающая звезды, напоминала о горных кряжах на южном горизонте. Олвин услышал, как в темноте купола его товарищ завозился и тоже сел в постели.

— Что там такое? — донесся до него шепот Хилвара.

— Да показалось, что я услышал какой-то шум...

— Какой шум?

— Не знаю... Может, почудилось...

Наступило молчание. Две пары глаз уставились в тайну ночи. Внезапно Хилвар схватил Олвина за руку.

— Гляди! — прошептал он.

Далеко на юге светилась какая-то одинокая точка, расположенная слишком низко к горизонту, чтобы быть звездой. Она была ослепительно белой с едва уловимым фиолетовым оттенком, и, по мере того как они следили за ней, точка эта стала менять цвет по всему спектру, одновременно набирая яркость — пока глазам не стало больно смотреть на нее. А затем она взорвалась — казалось, что где-то за краем света тьму рванула молния. На краткий миг горы и все окруженное ими пространство земли огнем вспыхнули на фоне неба. Вечность спустя докатился звучный отголосок далекого взрыва. В деревьях внизу внезапный порыв ветра потревожил кроны. Ветер этот быстро улегся, и погасшие были звезды одна за другой возвратились на свои места.

Во второй раз в своей жизни Олвин испытал чувство страха. Это не был тот страх перед непосредственной угрозой для его «я», который навалился на него там, в пещере самодвижущихся дорог. На сей раз это было, скорее, благоговение и изумление перед чем-то неведомым и грандиозным. Он глядел в лицо неизвестности, и ему показалось, что он понял: там, у гор, есть нечто, что он просто обязан увидеть.

Что это было? — спросил он после долгого молчания.

Пауза оказалась столь длинна, что ему пришлось повторить вопрос.

Да вот, пытаюсь выяснить, — коротко ответил Хилвар и снова умолк. Олвин догадался, чем он сейчас занят, и не стал мешать молчаливому расследованию друга.

Наконец Хилвар вздохнул — разочарованно.

— Спят все, — сказал он. — Не нашлось никого, кто смог бы объяснить, что же это такое. Надо нам подождать до утра — если только мне не удастся сейчас разбудить одного из моих друзей. А мне бы, честно-то говоря, не хотелось этого делать — разве что только в самом уж крайнем случае...

Олвин про себя заинтересовался, что же именно Хилвар считал самым крайним случаем. И только он собрался предположить — не без сарказма, — что увиденное ими вполне стоит того, чтобы кого-то и разбудить, как Хилвар заговорил снова:

— Я вспомнил... Я здесь давно не был и поэтому не уверен... Но это, должно быть, Шалмирейн. — Тон у него был какой-то извиняющийся.

— Шалмирейн! Да разве он еще существует?

— Существует. Я почти забыл... Сирэйнис как-то рассказывала мне, что крепость лежит именно в этих горах. Само собой, она вот уж сколько столетий в развалинах, но, может быть, кто-то там еще и живет...

Шалмирейн! Для этих детей двух рас, так сильно различающихся и историей и культурой, — название, исполненное волшебства. За всю долгую историю Земли не было эпоса более величественного, чем оборона Шалмирейна от захватчика, который покорил Вселенную. Хотя истинные факты давным-давно растворились в тумане, окутывающем Века Рассвета, легенды продолжали жить и будут жить столь же долго, как и сам Человек.

В темноте внезапно снова зазвучал голос Хилвара:

— Люди с юга смогут рассказать нам больше. У меня там есть несколько друзей. Утром я с ними поговорю.

Олвин его почти не слышал. Он был глубоко погружен в собственные мысли, стараясь припомнить все, что ему приходилось слышать о Шалмирейне. Впрочем, вспоминать было почти нечего. По прошествии столь невообразимо долгого времени никто уже не смог бы отсеять правду от вымысла. С уверенностью можно было говорить только о том, что битва при Шалмирейне ознаменовала рубеж между победами Человека и началом его долгого упадка.

Где-то в этих вот горах, думалось Олвину, могут лежать ответы на те загадки, которые мучили его на протяжении всех этих долгих лет.

— А сколько нам понадобится времени, чтобы добраться до крепости? — поинтересовался он у Хилвара.

— Я там никогда не был, но полагаю, что это куда дальше, чем я намеревался пройти. За день нам туда вряд ли и дошагать...

А если мобиль использовать?

— Не получится. Путь-то туда — через горы, а машина для этого никак не приспособлена.

Олвин поразмыслил над этим. Усталость скрутила его, ноги горели, а мышцы бедер все еще ныли от непривычного усилия. Соблазн плюнуть на путешествие к крепости до следующего раза был слишком велик. Но этого следующего раза могло и не быть...

Под призрачным светом бледнеющих звезд — немало их погасло с тех пор, как отгремела битва при Шалмирейне — Олвин боролся с собой и наконец принял решение. Ничто не переменилось. Горы снова встали на караул над спящей землей. Но поворотный пункт истории пришел и прошел, и человечество двинулось к своему странному новому будущему.

В эту ночь Хилвар с Олвином уже не заснули и с первыми же лучами солнца свернули лагерь. Холм был осыпан росой, и Олвин, вышагивая, любовался сверкающими драгоценностями, которые огрузили каждую травинку и каждый листок. Свист мокрой травы поразил его, когда он пропахивал ее ногами, и, глядя назад, на холм, он видел, как прорисованный им след темной лентой вьется на алмазном фоне.

Солнце только-только привстало над восточной стеной Лиза, когда они добрались до опушки леса. Природа здесь пребывала в первозданном своем состоянии. Даже Хилвар, похоже, несколько словно бы потерялся среди эпох гигантских деревьев, которые заслоняли солнце и выстилали подлесок коврами непроницаемой тени. К счастью, начиная от водопада река текла на юг линией слишком прямой, чтобы быть естественного происхождения, и им было удобно держаться берега — это позволяло избежать битвы с самой густой порослью нижних этажей леса. У Хилвара пропасть времени уходила на то, чтобы держать в ежовых рукавицах Крифа, который то и дело исчезал в джунглях или вдруг сломя голову бросался скользить по поверхности реки. Даже Олвин, для которого все окружающее было совершенно внове, чувствовал, что этот лес завораживает чем-то таким, чего лишены меньшие по размерам окультуренные леса северной части страны. Одинаковых деревьев было совсем мало. Большинство исполинов переживали различные стадии деволюции, некоторые на протяжении веков почти вернулись к своим изначальным формам. Некоторые, очевидно, и вовсе были неземного происхождения, а может быть — даже и не из

Солнечной системы. Часовыми возвышаясь над своими менее рослыми собратьями, стояли гигантские секвойи высотой и триста, а то и в четыреста футов. Когда-то их называли самыми старыми из живущих обитателей Земли. И до сих пор они оставались намного старше Человека.

А река теперь стала расширяться. Теперь она то и дело расползалась в небольшие озера, на которых, словно на якоря, стояли островки. Были здесь и насекомые-ярко окрашенные существа, порхающие и раскачивающиеся над гладью воды. В один из моментов, несмотря на запрещение Хилвара, Криф метнулся в сторону, чтобы присоединиться к каким-то своим дальним родственникам. Он немедленно исчез в облаке блистающих крыльев, и до путников тотчас донеслось сердитое жужжание. Мгновение спустя облако это словно бы взорвалось, и Криф скользнул обратно по поверхности воды — да так стремительно, что глаз почти и не отметил какого-либо движения. После этого случая он все жался к Хилвару и больше уже никуда не отлучался.

Ближе к вечеру сквозь кроны деревьев стали время от времени поглядывать вершины гор. Верный проводник юношей — река текла теперь лениво, словно бы тоже приближалась к концу своего пути. Но стало ясно, что к наступлению ночи гор им не достичь. Задолго до заката в лесу стало так темно, что двигаться дальше было просто невыносимо. Огромные деревья стояли в озерах тьмы, сквозь листву дул пронизывающий ветер. Олвин с Хилваром устроились на ночлег подле гигантского красного дерева, настолько высокого, что ветви на его вершине еще были облиты сиянием солнца.

Когда наконец давно уже невидимое светило зашло, отсветы закатного неба еще некоторое время мерцали на танцующей поверхности воды. Оба исследователя — а теперь они смотрели на себя именно так, да так оно и было на самом деле — лежали в собирающейся темноте, глядя на реку и размышляя над всем тем, что им довелось увидеть в течение дня. Но вот Олвин снова ощутил, как его охватывает состояние восхитительной дремоты, впервые познанное предыдущей ночью, и радостно отдался сну. Пусть сон и не был необходим в Диаспаре, где жизнь не требовала никаких физических усилий, но здесь он был просто желанен. В последний момент перед забытием он еще успел подумать — кто, интересно, последним проходил этим вот путем и как давно это произошло.

Солнце стояло уже высоко, когда они вышли из леса и оказались перед горной стеной, ограждающей Лиз. Прямо перед ними поверхность земли круто поднималась к небу обрывами совершенно непреодолимых скал. Река заканчивалась здесь столь же живописно, как и начиналась там, у водопада:

прямо по ее руслу земля расступалась, и воды реки с грохотом пропадали из виду в глубокой расселине. Олвину было страшно интересно, что же происходит с рекой дальше, через какие подземные пещеры лежит ее путь, прежде чем ей снова выйти на свет дня. Возможно, исчезнувшие океаны Земли все еще существовали — глубоко внизу, в вечной тьме, и эта древняя река все еще слышит зов, который влечет ее к морю.

Несколько секунд Хилвар стоял, глядя на водоворот и на изломанную землю за ним. Затем он кивнул на проход в скалах.

Шалмирейн лежит вон в том направлении, — уверенно проговорил он, Олвин не стал спрашивать, откуда это ему известно. Он принял как должное, что Хилвар в течение некоторого времени поддерживал контакт с кем-то из друзей за много миль от них, и ему при полном молчании передали всю необходимую информацию.

До прохода в скалах они добрались довольно быстро, а когда миновали его, то вышли на чрезвычайно интересное плато, полого снижающееся по краям. Теперь Олвин уже не испытывал ни усталости, ни страха — только жадное чувство предвкушения волнующих событий возбуждало его. Он понятия не имел о том, что именно ему предстоит обнаружить. Но то, что что-то будет обнаружено, не вызывало у него никаких сомнений.

Вскоре характер поверхности резко изменился. Нижняя часть склона плато состояла из пористой вулканической породы, собранной там и сям в огромные навалы. Здесь же грунт внезапно превратился в твердые, стеклистые плиты, совершенно гладкие, как если бы когда-то горные породы бежали здесь по склону расплавленной рекой.

Кромка плато оказалась едва ли не у самых их ног. Хилвар первым дошагал до нее, а спустя несколько секунд и Олвин, лишившись дара речи, уже стоял рядом. Он был ошеломлен, потому что оба они находились на краю вовсе не какого-то там плато, как им представлялось поначалу, но огромной чаши глубиной в полмили и диаметром мили в три. Поверхность впереди резко понижалась, плавно выравнивалась на дне этой огромной круглой долины и снова поднималась — все более и более круто — к противоположному краю. Самая низкая часть чаши была занята круглым озером, зеркало которого непрерывно трепетало, словно бы терзаемое непрекращающимся ветром.

Хотя вся картина была залита беспощадным сиянием солнца, огромная эта язва на теле земли оказалась глубокого черного цвета. Ни Олвин, ни Хилвар не имели ни малейшего представления, на какого материала сложен кратер, но он был черен, как скалы мира, который никогда не знал солнца. Но и это было еще не все, ибо ниже того места, где они стояли, опоясывая

весь кратер, шла металлическая, без единого шва полоса шириной в несколько сот футов, потускневшая от непостижимо долгих тысячелетий, но без малейших признаков коррозии.

Когда глаза немного по привычке к этой фантазмагорической картине, Олвин и Хилвар поняли, что чернота кратера вовсе не столь уж абсолютна, как это им представилось вначале. То тут, то там крохотные блики — такие неуловимые, что их почти невозможно было заметить — вспыхивали на стенах, черных, будто они были сделаны из эбенового дерева. В сверкании этом не было ни малейшей упорядоченности, блики пропадали, едва родившись, и напоминали отражения звезд на изморщенной поверхности моря.

— Как замечательно! — ахнул Олвин. — Но только... что же это такое?

— Похоже на какой-то рефлектор...

— Но он такой черный...

— Только для наших глаз, не забывай об этом. Мы же не знаем, какой вид излучения они использовали...

— Но ведь должно же быть и что-то еще! Где, например, сама крепость?

Хилвар протянул руку по направлению к озеру.

— Посмотри внимательно, — сказал он.

Олвин уставился на дрожащую поверхность озера, стараясь проникнуть взглядом поглубже, пытаясь понять тайны, которые скрывала вода в своих глубинах. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем на мелководье возле самой кромки берега он разглядел едва заметное чередование света и тени. Ему удалось проследить этот рисунок вплоть до самой середины озера, где глубина уже скрадывала детали.

Вот это-то темное озеро и поглотило крепость. Там, внизу, лежали руины того, что когда-то было мощными зданиями, ныне поверженными временем. И все же не все они погрузились в глубину. Потому что на дальней стороне кратера Олвин теперь разглядел груды исковерканных каменных блоков и огромные гранитные глыбы, из которых когда-то были сложены массивные стены. Волны плескались вокруг них, но еще не поднялись настолько высоко, чтобы довершить свою победу.

— Давай обогнем озеро, — предложил Хилвар, и голос его был тих, как если бы величественность этих руин наполнила его душу благоговением. — Может, что-нибудь и найдем в этих развалинах...

Первые несколько сот ярдов стенки кратера были такими крутыми и гладкими, что на них трудно было стоять выпрямившись, но вскоре

молодые люди достигли более пологого склона и теперь могли передвигаться без особого труда. У самой воды аспидно-черная поверхность кратера была покрыта тонким слоем почвы, нанесенной, должно быть, сюда ветрами.

В четверти мили от них циклопические каменные блоки громоздились друг на друга, словно непомерных размеров кубики, брошенные каким-то гигантским младенцем. Вот тут еще можно было узнать секцию массивной стены... Там — пара изъеденных временем пилонов отмечали место, которое когда-то было позицией грандиозных ворот... Повсюду рос мох и какие-то ползущие растения, крохотные карликовые деревья. Даже ветра и того здесь не чувствовалось.

Так Олвин и Хилвар пришли к развалинам Шалмирейна. Скалы, которые были способны потрясти мир и обратить его в прах, обернулись пламенем и громом и потерпели сокрушительное поражение, натолкнувшись на эти стены и на ту энергию, которая ожидала за ними своего часа. Когда-то это такое мирное небо полыхало огнем, вырванным из самого сердца звезд, и горы Лиза, должно быть, стонали; будто живые существа, на которые обрушивается ярость их хозяина.

Шалмирейн никогда не был захвачен кем бы то ни было. Но теперь эта крепость, эта необоримая твердыня пала, захваченная и уничтоженная терпеливыми усиками плюща, поколениями слепых червей, неустанно роющих свои ходы, и медленно наступающими водами озера...

Ошеломленные величием этих колоссальных развалин, Олвин и Хилвар приближались к ним в полном молчании. Они ступили в тень разрушенной стены и углубились в своего рода каньон: горы камня здесь расселись. Озеро лежало перед ними, совсем рядом, и вот уже они стали у самой кромки воды, волны плескались у их ног. Крохотные волночки... Высотой не более нескольких дюймов, они бесконечной чередой разбивались об узкую полосу берега.

Хилвар первым нарушил молчание, и в голосе его прозвучала нотка неуверенности, заставившая Олвина взглянуть на друга с некоторым удивлением.

— Что-то тут не так... Ничего не могу понять, — медленно проговорил Хилвар. — Ветра-то нет, а что же тогда морщит воду? Ей бы надо оставаться совершенно спокойной...

Прежде чем Олвин продумал ответ, Хилвар стремительно присел, склонил голову к плечу и погрузил в воду правое ухо. Олвин не имел ни малейшего представления, что это хочет обнаружить его друг таким вот странным способом и в таком нелепом положении. Потом догадался:

Хилвар просто прислушивался. Преодолевая себя, потому что эта мертвая на вид вода выглядела здесь как-то особенно неприветливо, Олвин последовал его примеру.

Холод воды мешал всего несколько мгновений. А потом Олвин услышал слабый, но отчетливый упорный и ритмичный пульсирующий звук. Было похоже, будто в глубинах озера бьется чье-то гигантское сердце.

Они стряхнули воду с волос и остолбенело уставились друг на друга. Ни тому, ни другому не хотелось первым высказать поразившую его догадку, что озеро это — живое.

— Лучше всего будет порыться в развалинах, а от озера давай-ка держаться подальше, — решил наконец Хилвар.

— Думаешь, там внизу что-то есть? — спросил Олвин, кивнув на загадочные волны, которые все так же разбивались у его ног. — Это может быть опасно?

— Ничто если у него есть сознание, не представляет опасности, — ответил Хилвар. («Так ли это? — подумалось Олвину. — А Пришельцы?») — Я не могу обнаружить там ни малейшего присутствия мысли, но почему-то убежден, что мы здесь не одни. Очень странно...

Они медленно двинулись назад, к руинам крепости, и каждый нес в памяти звук этой приглушенной непреходящей пульсации. Олвину представлялось, что здесь тайна громоздится на тайну и что, несмотря на все его усилия, он все больше и больше отдаляется от какого-либо понимания истины, поисками которой занялся.

Как-то не верилось, что развалины могут им что-то поведать, но они тем не менее все-таки занялись самыми тщательными поисками среди мусора скопившегося между нагромождениями огромных каменных глыб. Может быть, здесь нашли свое последнее пристанище машины и механизмы, которые так давно сделали свое дело... Теперь-то от них не было никакого проку, подумал Олвин, если бы Пришельцы и вернулись. Но почему же они так и не возвратились? Впрочем, это была только еще одна мучительная загадка, а у него и так уже накопилось полным-полно тайн, в которые предстояло проникнуть. Искать новые не было ровно никакой необходимости.

В нескольких ярдах от берега среди всяких мелких обломков они обнаружили небольшое чистое пространство. Его покрывали сорняки; почерневшие и спекшиеся от невообразимого жара, при приближении людей они стали рассыпаться в пыль, пачкая им ноги угольно-черными полосами. В центре пустого пространства стоял металлический треножник, прочно укрепленный в грунте. Треножник этот нес на себе кольцо,

несколько наклоненное таким образом, что его ось упиралась в неведомую точку небосвода где-то на полпути между горизонтом и зенитом. На первый взгляд казалось, что кольцо это ничего в себе не заключало. Но затем, приглядевшись повнимательнее, Олвин увидел, что пространство внутри кольца заполнено каким-то слабым туманом, который сильно утомлял зрение, а его и без того-нужно было напрягать, чтобы заметить этот самый туман — так близко цвет его находился у самого края видимого спектра. Светилась какая-то энергия, и, вне всякого сомнения, именно этот вот механизм и произвел тот взрыв света, который привлек их в Шалмирейн.

Не решаясь подойти поближе, они остановились и стали наблюдать за странным этим устройством с безопасного, как им представлялось, расстояния. Мы на верном пути, билось в голове у Олвина. Теперь оставалось только выяснить — кто или что установило здесь этот механизм и какой цели он может служить. Это наклоненное кольцо... — ясно было, что оно нацелено в космос. Не была ли вспышка, которую они наблюдали, своего рода сигналом? От этой догадки захватывало дух, стоило только поразмыслить о последствиях.

— Олвин! — раздался вдруг голос Хилвара, и в тихом этом возгласе звучала безошибочная нотка предостережения. — У нас гости.

Олвин резко обернулся и обнаружил перед собой треугольник глаз, начисто лишенных век. Таково, по крайней мере, было первое впечатление. Секундой позже за этими пристально глядящими на него глазами он рассмотрел очертания небольшой, но, по-видимому, очень сложной машины. Она висела в воздухе в нескольких футах над поверхностью земли и ничем не напоминала ни одного из тех роботов, которые когда-либо встречались Олвину.

Когда первоначальное изумление прошло, он вполне почувствовал себя хозяином положения. Всю жизнь он отдавал приказам машинам, и то, что эта вот была ему незнакома, не имело ни малейшего значения. В конце концов, ему приходилось сталкиваться не более чем с несколькими процентами всех разновидностей роботов, которые в Диаспаре обслуживали его повседневные нужды.

«Ты умеешь говорить?» — спросил он.

Ответом было молчание.

«Кто-нибудь тебя контролирует?»

Снова молчание.

«Уйди... Подойди... Поднимись... Опустись...»

Ни одно из этих таких привычных мысленных приказаний не

возымело никакого эффекта. Машина оставалась совершенно безответной. Это предполагало две возможности. Либо машина была слишком низкоорганизованной, чтобы понимать его, либо, в сущности слишком интеллектуальной и обладала собственными представлениями о целесообразности того или иного выбора, поскольку в нее был заложен принцип свободы воли. В таком случае он должен обращаться к роботу как к равному. И даже в этом случае он может недооценить его, только робот на это не обидится, поскольку самомнение не есть болезнь, характерная для машин.

Хилвар не мог удержаться от смеха, глядя на очевидную тщетность усилий Олвина. Он как раз собирался предложить свои услуги по установлению контакта с роботом, когда слова вдруг замерли у него на губах. Тишина Шалмирейна была нарушена многозначительным и безошибочно знакомым звуком — мокрым шлепаньем какого-то большого тела, выходящего из воды.

Во второй раз с тех пор, как он покинул Диаспар, Олвин пожалел, что он не дома. Затем он сообразил, что с таким настроением идти навстречу приключению никак не годится, и медленным шагом, но решительно направился к озеру.

Существо, которое появилось из темной воды, выглядело как чудовищная, выполненная из живой материи пародия на робота, который по-прежнему молча разглядывал их пристальным взором. Расположение глаз в вершинах равностороннего треугольника — как и у парящего робота — никак не могло быть простым совпадением. То же самое можно было сказать и о щупальцах, и о маленьких суставчатых конечностях. На этом, однако, сходство заканчивалось. У робота не было — они ему, очевидно, просто не требовались — нежных перьев какой-то бахромы, которая в однообразном ритме била по воде, не было великого множества ног, похожих на обрубки, не было и вентиляционных отверстий, которые с натугой сипели в разреженном воздухе.

Большая часть этого существа оставалась в воде. Только головные десять футов или около того проникли в среду, которая, похоже, была для этого животного враждебной. Существо имело в длину футов пятьдесят, и даже человек, совершенно незнакомый с биологией, мог бы догадаться, что что-то с ним было не так. Для облика существа был характерен налет импровизационного — и не слишком поэтому удачного — конструирования, как если бы части его тела лепили без особых раздумий и приставляли одну к другой по мере того, как в этом возникала необходимость.

Несмотря на устрашающие размеры существа и все свои первоначальные сомнения, ни Олвин, ни Хилвар ничуть не встревожились, едва разглядели получше этого обитателя озера. Животное было как-то трогательно неловко, и эта неловкость не позволяла считать его какой-либо серьезной угрозой, даже если бы и возникли подозрения, что оно может оказаться опасным. Люди давным-давно преодолели детский ужас перед тем, что выглядит ни на что не похожим. Этому страху просто не суждено было выжить после первого же контакта с дружественными внеземными цивилизациями.

— Дай-ка я с ним пообщаюсь, — тихонько сказал Хилвар. — Я ведь привык общаться с животными.

— Но это же не животное, — прошептал в ответ Олвин. — Я убежден, что оно разумно, а этот робот принадлежит ему...

— Может статься, как раз оно-то и принадлежит роботу. Во всяком случае, у него какие-то странные умственные способности. Я все еще не могу обнаружить ни малейшего признака мышления... Эй! Что это такое делается?..

Чудище ни на йоту не переменяло своего положения у кромки воды, поддерживать которое ему, похоже, приходилось из последних сил. Но в центре треугольника, образованного глазами, начала формироваться какая-то полупрозрачная мембрана — она пульсировала, трепетала и в конце концов стала издавать вполне различимые звуки. Это было низкое, гулкое уханье, никаких слов разобрать в нем было невозможно, хотя неведомое существо явно пыталось что-то сказать.

Было больно наблюдать эту отчаянную попытку вступить в контакт. Несколько минут существо понапрасну пыталось добиться какого-нибудь эффекта. Внезапно оно, видимо, осознало, что совершает ошибку. Пульсирующая мембрана уменьшилась в размерах, а издаваемые ею звуки поднялись в тоне на несколько октав, пока не улеглись в звуковой спектр нормальной человеческой речи. Стало формироваться что-то похожее на слова, хотя они все еще перемежались невразумительным бормотаньем. Похоже было, что существо с превеликим трудом вспоминает лексикон, который был ему известен когда-то давным-давно, но к которому оно не прибегало на протяжении многих лет.

Хилвар попытался помочь всем, что только было в его силах.

— Вот теперь мы можем вас понимать, — произнес он, выговаривая слова медленно и раздельно. — Чем мы можем быть вам полезны? Мы заметили свет, который вы произвели. Он и привел нас сюда из Лиза.

При слове «Лиз» существо как-то поникло, словно бы оно испытало

жесточайшее разочарование.

— Лиз, — повторило оно. Звук «з» вышел у него не слишком удачно, и слово прозвучало больше похожим на «Лид». — Всегда из Лиза... А больше никто никогда не приходит... Мы называем их Великими, но они не слышат...

— Кто это — Великие? — спросил Олвин, живо подавшись вперед.

Нежные, безостановочнодвигающиеся щупальца коротким движением взметнулись к небу.

— Великие... — повторило существо. — С планет Вечного Дня... Они придут... Мастер обещал нам...

Ситуацию это ничуть не прояснило. Прежде чем Олвин смог продолжить свой допрос, Хилвар вмешался снова. Вопросы, которые он задавал, были так терпеливы, он говорил с таким участием и в то же самое время с такой настойчивостью и убедительностью, что Олвин решил ни в коем случае не прерывать его, хотя его так и подмывало вступить в разговор. Ему не хотелось признаваться себе, что Хилвар превосходит его по развитию, но не было ни малейших сомнений в том, что дар друга общаться с животными простирается даже на это фантастическое существо. И более того — чудище, похоже, откликалось. Его речь стала более разборчивой, и если сначала это странное создание отвечало столь кратко, что выходило чуть ли не грубо, то, по мере того как развивалась беседа, оно стало отвечать на вопросы подробно и даже само уже сообщало кое-какую информацию, о которой его и не спрашивали.

Хилвар терпеливо складывал по кусочку мозаику этой невероятной истории, и Олвин совсем потерял ощущение времени. Всей истины они выяснить так и не смогли — для догадок и предположений оставалось места сколько угодно. По мере того как существо все более и более охотно отвечало на вопросы Хилвара, его внешний вид начал меняться. Оно сползло обратно в озеро, и его ноги-чурбачки, казалось, растворились в теле. Внезапно произошла вещь еще более невероятная: три огромных глаза медленно закрылись, стянулись в крохотные точки и бесследно исчезли. Выглядело это так, будто существо уже увидело все, что ему нужно было увидеть, и теперь глаза ему стали просто без надобности.

Олвин никак не мог поверить, что разум может существовать в такой вот нестабильной оболочке, однако впереди его ждал еще и не такой сюрприз. Было очевидно, что их собеседник — внеземного происхождения, но прошло еще некоторое время, прежде чем даже Хилвар с его куда более обширными познаниями в биологии понял, с каким типом организма они имеют дело. В течение всей беседы существо называло Себя «мы» и, в

сущности, это была целая колония независимых существ, организованных и контролируемых какими-то неизвестными силами.

Животные отдаленно такого же типа — медузы, например — когда-то процветали в земных океанах. Некоторые из них достигали огромных размеров, занимая своими полупрозрачными телами и лесом стрекающих щупалец пятьдесят, а то и сто футов пространства. Но ни одна из этих медуз не обрела и крупницы интеллекта, если не считать за интеллект способность реагировать на простые раздражители.

Здесь же молодые люди, несомненно, имели дело с разумом, хотя это и был разум вырождающийся. Олвину никогда было не забыть этой необычайной встречи и того, как Хилвар медленно реконструировал историю Мастера, в то время как изменчивый полип судорожно искал полузабытые слова, а темное озеро плескалось о руины Шалмирейна и трехглазый робот не мигая наблюдал за происходящим.

...Мастер вынырнул на Земле в хаосе Переходных Столетий, когда Галактическая Империя уже рушилась, но маршруты, связывающие звезды, еще не были перерезаны окончательно. Был он человеческого происхождения, хотя дом его и находился на планете, кружащейся вокруг одного из Семи Солнц. Еще в ранней молодости он был вынужден покинуть родной ему мир, память о котором преследовала его всю жизнь. Причиной своего изгнания он считал происки врагов, но истина заключалась в том, что он страдал от неизлечимой болезни, которая, похоже из всех носителей разума во Вселенной поражала только представителей гомо сапиенс. Эта позорная болезнь была религиозной манией.

На протяжении ранней стадии своей истории человечество исторгнуло из себя неисчислимое количество всякого рода пророков, ясновидцев, мессий и провозвестников небесного откровения, которые убеждали своих последователей и самих себя, что тайны Вселенной открыты только им одним и никому больше. Кое-кому из них случалось основать религии, которые ухитрились выжить в течение многих поколений и оказали влияние на миллиарды людей. Других забыли еще до их смерти.

Расцвет науки, которая с непреложной регулярностью отвергала космогонические построения всех этих болтунов и дарила людям чудеса, о которых ясновидцы и мессии и помыслить-то были не в состоянии, в конце концов не оставил от всех этих верований камня на камне. Наука не уничтожила благоговейного изумления, почтения и сознания своей незначительности испытываемых всеми разумными существами, когда они размышляют о необъятности Вселенной. Но она ослабила, а в конце концов и вообще отбросила в небытие бесчисленные религии, каждая из которых с невероятным высокомерием провозглашала, что именно она является единственной провозвестницей Истины, тогда как миллионы ее соперников и предшественников — все пали жертвой заблуждений.

И все же, хотя каким-то изолированным культам уже никогда не суждено было обладать какой-то реальной властью, как только человечество в целом достигло самого элементарного уровня цивилизованности, они все же время от времени появлялись на протяжении многих столетий и, как бы фантастично ни звучали их неумные символы веры, им все же удавалось привлечь какое-то число последователей. В

особенности процветали они в периоды неразберихи и беспорядка, и было совсем неудивительно, что Переходные Столетия стали свидетелями вспышки иррационального. Когда реальность оказывалась для человеческого духа угнетающей, люди всегда пытались найти утешение в мифах.

Так вот, этот самый Мастер, даже если он и был изгнан из своего собственного мира, вовсе не покинул его таким сиротой-сиротинушкой. Семь Солнц являлись центром галактической власти и науки, а он, должно быть, имел чрезвычайно влиятельных друзей. Он бежал на маленьком скоростном корабле, о котором поговаривали, что это был самый быстрый космический корабль из когда-либо построенных. И еще он прихватил с собой в изгнание самый совершенный продукт галактической науки — робота, который, спустя столько времени всплыл теперь здесь, у Шалмирейна, неизвестно откуда, перед изумленными Олвином и Хилваром.

Никто так до конца и не исчерпал все таланты и функции этой машины. В сущности, робот этот до некоторой степени стал вторым «я» Мастера. И, не будь его, вера в «Великих», по всей вероятности, благополучно почил бы после смерти Мастера. Вдвоем они довольно продолжительное время блуждали зигзагообразным курсом среди звездных облаков, и курс этот привел их — ясно, что не случайно — назад, к тому миру из которого вышли предки Мастера.

Целые сонмы книг были посвящены этому событию, и каждая такая книга вызвала к жизни еще и вороха комментариев, пока в этой своего рода цепной реакции первоначальные произведения не оказались погребены под целыми Монбланами всякого рода голосов и разъяснений. Мастер останавливался на многих мирах и на вербовал себе паству среди представителей множества рас. Надо полагать, он был весьма сильной личностью, если мог с одинаковым успехом воспламенять своими проповедями гуманоидов и негуманоидов, и, видимо, учение, находившее столь широкий отклик, содержало в себе еще и что-то такое, что представлялось людям благородным и чистым. Быть может, этот самый Мастер оказался самым удачливым — как и самым последним — из всех мессий, которых когда-либо знало человечество. Никто из его предшественников не сумел привлечь к себе такого числа адептов или же добиться того, чтобы его догма проложила себе путь через столь огромные пространственные и временные пропасти.

В чем, собственно, состоял смысл догмы Мастера, ни Олвин, ни Хилвар так и не смогли разобраться хотя бы с какой-то степенью

достоверности. Огромный полип отчаянно старался сделать все, чтобы посвятить их в суть дела, но многие из его слов не содержали в себе ровно никакого смысла, и, кроме того, у него была привычка повторять предложения и даже целые пассажи в такой стремительной и совершенно механической манере, что за мыслью невозможно было уследить. И вскоре Хилвар приложил все свои силы, чтобы увести разговор от этих топких теологических болот и сосредоточиться лишь на достоверных фактах.

Мастер и горстка его самых верных последователей прибыли на Землю в те дни, которые предшествовали падению городов, а порт Диаспара еще был открыт для пришельцев из других звездных систем. Они, должно быть, прибывали в космических кораблях самых разных систем — полип из озера, например, в корабле, наполненном водой того моря, которое было естественной средой его обитания. Была ли догма Мастера принята на Земле с терпимостью, оставалось неясным. Но, по крайней мере, она не встретила бурной оппозиции, и после долгих блужданий эти фанатики нашли себе окончательное пристанище среди лесов и гор Лиза.

На закате своей долгой жизни Мастер вновь обратил мысли к дому, из которого он был изгнан, и попросил вынести его из помещения на воздух, чтобы он мог смотреть на звезды. Теряя последние силы, он подождал появления Семи Солнц и под самый занавес набормотал еще много такого, что должно было в будущем вызвать к существованию новые груды книг с толкованиями. Снова и снова он распространялся о «Великих», которые сейчас временно покинули эту Вселенную, но которые в один прекрасный день, несомненно, вернутся, и обязал своих фанатиков приветствовать их по возвращении. Это были его последние более или менее разумные слова. После этого он уже не отдавал себе отчета в окружающем, но перед самым концом произнес еще одну фразу, которая пережила столетия, гвоздем засев в головах тех, кому довелось ее услышать: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света». После чего умер.

По смерти Мастера многие из его последователей плюнули на догму, но кое-кто остался ей верен. По мере того как проходили столетия, она все усложнялась. Сначала веровали, что эти «Великие», кем бы они ни были, скоро возвратятся, но время шло, и надежды на это все тускнели и тускнели. В этом месте рассказ полипа стал очень путанным — похоже было, что правда и мифы переплелись уже совершенно нерасторжимо, Олвин схватил только туманный образ каких-то фанатиков, поколение за поколением ожидающих некоего великого свершения, смысл которого был им абсолютно непонятен и которое должно было произойти неизвестно

когда в будущем.

«Великие» так и не вернулись. Пробивная сила догмы мало помалу иссякла по мере того, как смерти и разочарование все уменьшали и уменьшали число приверженцев. Сначала из мира ушли люди с их короткими жизнями, и было что-то невероятно ироническое в том, что последним адептом мессии-гуманоида стало существо, совершенно непохожее на человека, Огромный полип стал последним учеником Мастера по причине весьма тривиальной: он был бессмертен. Миллиарды индивидуальных клеток, из которых состояло его тело, естественно, умирали своим чередом, но, прежде чем тому произойти, они воспроизводили себе подобных. Через длительные интервалы чудище распадалось на мириады клеток, которые начинали жить автономно и размножались делением — если окружающая среда оказывалась для этого подходящей. В такие периоды полип уже не существовал как сознательное, разумное существо-единство. И тут Олвин просто не мог не вспомнить о том, как проводили свои сонные тысячелетия в Хранилищам Памяти города обитатели Диаспара.

Но вот в должное время какая-то загадочная биологическая сила снова собирала вместе все эти рассеянные компоненты огромного тела, и полип начинал новый цикл существования. Он опять обретал сознание и воспоминания о своих прежних жизнях — часто не совсем точные воспоминания, поскольку разного рода несчастные случаи время от времени губили клетки, несущие весьма уязвимую информацию памяти.

Не исключено, что никакая другая форма жизни не смогла бы так долго хранить веру в догму, забытую уже на протяжении миллиарда лет. В некотором смысле полип стал беспомощной жертвой собственной биологической сущности. В силу своего бессмертия он не мог изменяться и оказался обречен вечно один к одному воспроизводить все ту же неизменную структуру.

Вера в «Великих» на ее поздних стадиях стала отождествляться с поклонением Семи Солнцам. «Великие» упрямо отказывались появляться, и были сделаны попытки послать на их далекую родину сигналы. Уже в незапамятные времена эта сигнализация стала всего лишь бессмысленным ритуалом, а теперь и тому же ею занималось животное, совершенно утратившее способность к изучению, да робот, который не умел забывать.

...Когда непостижимо древний голос затих и воздух снова зазвенел тишиной, Олвин вдруг понял, что его охватила жалость. Преданность — не к месту, верность, от которой никому не было никакого проку, в то время как бесчисленные солнца и планеты рождались и умирали... — он в жизни

бы не поверил в такую историю, если бы непреложные свидетельства в ее пользу не находились у него перед глазами. Собственное невежество сильнее, чем когда-либо прежде, печалило его. На некоторое время высветился было крохотный кусочек прошлого, но теперь тьма снова сомкнулась...

История Вселенной, должно быть, состоит из массы таких вот разрозненных ниточек, и кто скажет, какая из них важна, а какая — тривиальна? Фантастическая легенда о Мастере и о «Великих» была, надо думать, просто еще одной из тех бесчисленных сказок, что каким-то странным образом сохранились с времен Начала. Но, что ни говори, уже само существование огромного этого полипа и каменно молчаливого робота не позволяло Олвину отбросить всю эту историю как просто какую-то волшебную выдумку, построенную на самообмане и на чистом безумии.

Ему было страшно интересно понять взаимосвязь между роботом и полипом, между двумя этими сущностями, которые, по всем статьям отличаясь друг от друга, умудрились на протяжении целых эпох поддерживать это вот свое совершенно невероятное партнерство. Почему-то ему сильно верилось, что из них двоих робот был куда более важен. Он ведь ходил в наперсниках Мастера и, должно быть, и по сей день хранил все его тайны.

Олвин кинул беглый взгляд на таинственную машину, которая по-прежнему висела в воздухе, упершись, в него, Олвина пристальным взором. Почему это она не желает разговаривать? Какие, интересно знать, мысли блуждают в ее сложном и, возможно, совершенно чуждом ему сознании? Впрочем, если она и была построена с таким расчетом чтобы служить единственно этому самому Мастеру, даже в этом случае ее мозг не может быть совершенно уж чуждым и она все равно должна повиноваться приказам человека...

Раздумывая о тайнах, которые столь упорно хранила в себе эта немая машина, Олвин испытывал самый настоящий зуд любопытства — да еще настолько глубокого, что оно уже граничило с жадностью. Ему представлялось просто-таки нечестным, чтобы такое знание было укрыто от мира людей. Тут таились какие-то чудеса, которые, возможно, и не снились Центральному Компьютеру Диаспара.

— Почему это твой робот не желает с нами разговаривать? — обратился он к полипу, когда Хилвар на какую-то секунду замешкался с очередным своим вопросом. И в ответ он услышал именно то, что почти и ожидал:

— Мастер не желал, чтобы робот разговаривал с каким бы то ни было

другим Голосом, а голос самого Мастера теперь молчит...

— Но тебе-то он станет повиноваться?

— Да. Мастер оставил его в нашем распоряжении. Мы видим его глазами, куда бы он ни направился. Он наблюдает за механизмами, которые поддерживают существование этого озера, содержат его воду в чистоте. И все же будет правильнее называть его нашим партнером, а не слугой...

Над этим Олвин задумался. Некая идея, совсем еще туманная, полуоформившаяся, стала исподволь зарождаться в его мозгу. Вполне вероятно, что толчок ей дала обыкновенная жажда знания и силы. Когда впоследствии Олвин мысленно возвращался к этому моменту, он никак не мог с полной уверенностью разобраться в своих мотивах. В основных своих чертах они могли быть продиктованы вполне эгоистическим чувством, но в то же время прослеживался в них и отзвук сострадания. Будь это в его силах, он поломал бы эту скучную череду совершенно тщетной жизни и освободил бы эти создания от их фантастической судьбы... Он не слишком хорошо представлял себе, что именно можно сделать для этого полипа, но вот излечить робот от его религиозного безумия было вполне в человеческих силах, а это, в свою очередь, высвободило бы и бесценную, сейчас наглухо запечатанную память уникального устройства...

— Уверены ли вы, — тщательно произнося слова, обратился он к полипу, хотя, конечно, адресовался и к роботу, — что, оставаясь здесь, вы и в самом деле исполняете волю Мастера? Ведь он хотел, чтобы мир узнал о его учении, а оно, пока вы скрывались здесь, в Шалмирейне, оказалось утеряно... Мы нашли вас по чистой случайности, но ведь могут быть и многие другие, кто хотел бы услышать о Великих...

Хилвар метнул на него быстрый взгляд. Он не понял намерений Олвина. Полип же, казалось, взволновался, и ритмичная пульсация его дыхательных органов дала вдруг мгновенный сбой. Затем последовал и ответ — голосом далеко не бесстрастным:

— Мы обсуждали эту проблему на протяжении многих и многих лет. Но мы не можем покинуть Шалмирейн, поэтому мир должен сам прийти к нам, какого бы времени это ни потребовало...

— Но у меня возникла куда лучшая идея, — живо отозвался Олвин. — Да, это верно, что вы должны оставаться здесь, в озере. Но ведь нет никаких причин к тому, чтобы с нами не отправился ваш компаньон. Он, разумеется, может возвратиться, как только сам этого захочет или же как только понадобится вам. Ведь с тех пор, как умер Мастер, многое изменилось, произошли события, о которых вам следует знать, но о

которых вы никогда не узнаете и которых не поймете, если останетесь здесь...

Робот не шелохнулся, но полип, буквально в агонии нерешительности, полностью ушел под воду и оставался там в течение нескольких минут. Вполне могло быть, что в это время у него происходил беззвучный спор с его коллегой. Несколько раз он принимался, было снова подниматься к поверхности, но видимо, передумывал и опять погружался в воду. Хилвар воспользовался представившейся возможностью, чтобы обменяться с Олвином несколькими словами.

— Хотелось бы мне знать, что это ты намереваешься делать, — мягко произнес он, но в голосе его вместе с улыбкой звучала и озабоченность. — Или ты еще и сам не знаешь?

— Знаешь, я не сомневаюсь, что и тебе жалко этих бедняг, — ответил Олвин. — И разве спасти их — не значит проявить доброту?

— Это, конечно, верно. Но я достаточно тебя узнал, чтобы понять, что — ты уж прости — альтруизм доминантой твоего характера совсем не является. У тебя должен быть и какой-то другой мотив...

Олвин улыбнулся. Даже если Хилвар и не прочел его мысли, — а у Олвина не было ни малейших оснований подозревать, что он это сделал, — то уж характер-то он действительно мог прочувствовать.

— У твоего народа в повиновении замечательные силы разума, — пытаюсь увести разговор с опасного для него направления, сказал он. — Я думаю, вы сможете сделать что-нибудь для робота, если уж не для этого вот животного. — Олвин говорил очень мягко и тихо, опасаясь, что его могут подслушивать. Конечно, эта маленькая предосторожность могла оказаться и тщетной, но если робот и перехватывал их разговор то не подал и виду.

К счастью, прежде чем Хилвар пустился в расспросы, полип снова появился из толщи воды. За последние несколько минут он стал значительно меньше размерами, а движения его приобрели какой-то хаотический характер. Прямо на глазах у Олвина и Хилвара целый кусок этого сложного, полупрозрачного тела оторвался от целого и тотчас же вслед за этим стремительно распался на дюжину комочков, которые столь же быстро рассеялись в воде. Создание начало распадаться прямо на глазах.

Когда оно снова заговорило, голос его оказался неустойчив и понимать его стало куда трудней, чем прежде.

— Начинается следующий цикл, — выдохнуло оно каким-то дрожащим шепотом. — Не ожидали его столь скоро... осталось всего несколько минут... стимулирование слишком сильно... долго нам всем вместе не продержаться...

Во все глаза глядели Олвин и Хилвар на это существо, испытывая нечто вроде восхищения, смешанного с ужасом. Хотя процесс, происходящий на их глазах, и был совершенно естественным, было не слишком-то приятно наблюдать разумное по всей видимости существо, бьющееся в агонии. К тому же их еще и угнетало какое-то смутное ощущение собственной вины. Конечно, это было нелепо — думать так, потому что представлялось не столь уж важным, когда именно начинал полип свой очередной жизненный цикл, но они-то понимали, что причиной этой вот преждевременной метаморфозы явилось необычное волнение, вызванное именно их появлением.

Олвин сообразил, что теперь действовать нужно быстро, иначе представившаяся было возможность пропадет, — быть может, всего на несколько лет, но вполне возможно — и на долгие столетия.

— Так что же вы решили? — с жадным любопытством спросил он. — Что — робот отправится с нами?

Наступила мучительная пауза, в течение которой полип пытался заставить свое расплзающееся тело повиноваться ему. Речевая диафрагма затрепетала было, но никакого явственного звука не последовало. Затем, словно бы в отчаянном жесте прощания, существо слабо шевельнуло своими дрожащими щупальцами и снова уронило их в воду, где они немедленно оторвались и куда-то уплыли. Через какие-то считанные минуты трансформация завершилась. Не осталось ни одного кусочка величиной более дюйма. А вода кишела крохотными зеленоватыми точками, которые, казалось, жили и двигались по своему собственному разумению и быстро исчезали в пространстве озера.

Рябь на поверхности теперь совершенно исчезла и Олвин каким-то образом понял, что пульс, бившийся в глубинах озера, теперь умолк. Озеро снова стало мертво — или, по крайней мере, представлялось таким. Но конечно же это была всего лишь иллюзия: настанет день, неведомые силы, которые безупречно действовали на протяжении всего долгого прошлого, снова проявят себя, и полип возродится. Это был совершенно необычный и исключительно тонкий феномен — но так ли уж он был более странен, чем организованность другой обширнейшей колонии самостоятельных живых клеток — человеческого тела?

Олвин не стал терять времени на раздумья над всем этим. Он был подавлен поражением — даже если и не до конца представлял себе цель, и которой стремился. Им была упущена — и вряд ли теперь она повторится — ошеломляющая возможность... Он печально глядел на озеро, и прошло довольно продолжительное время, прежде чем его сознание восприняло

какой-то сигнал извне — это, оказывается, Хилвар что-то нашептывал ему в ухо:

— Слушай, Олвин, мне кажется, что в этом споре ты выиграл..

Олвин стремительно обернулся. Робот, который до сего момента праздно висел в воздухе, не приближаясь к ним больше чем на два десятка футов, оказывается, беззвучно переместился и теперь парил что-нибудь в ярде у него над головой. Неподвижные глаза, полем зрения которых была, по-видимому, вся передняя полусфера, ничем не выдавали, на что направлен его интерес. Но Олвин не сомневался — почти не сомневался, — что внимание робота сосредоточено теперь именно на нем.

Робот ждал его следующего шага. Наконец-то он был теперь под контролем у Олвина! Он мог последовать за ним в Лиз, а может, и в Диаспар, если только не передумает... Ну а пока именно он, Олвин, был его временным хозяином!

Возвращение в Эрли заняло у них почти три дня — потому отчасти, что Олвин, в силу собственных своих причин, не слишком-то торопился. Физическое исследование страны отступило теперь на второй план вытесненное более важным и куда более волнующим проектом: медленно, но верно он находил общий язык с этим странным, одержимым интеллектом, который стал отныне его спутником.

Олвин подозревал, что робот пытается использовать его в своих собственных целях. Он не мог до конца разгадать мотивы этого аппарата, поскольку робот по-прежнему упорно отказывался разговаривать с ним. По каким-то соображениям — возможно, из опасения, что робот выдаст слишком уж много своих тайн — Мастер предусмотрел эффективную блокировку его речевых цепей, и все попытки Олвина снять эти запреты оказались безуспешными. Даже косвенные вопросы типа: «Если ты ничего мне не ответишь, я буду считать, что ты сказал „да“», — провалились. Робот оказался слишком высокоорганизован, чтобы попасться в такую незатейливую ловушку.

Тем не менее в других сферах он проявил куда большую склонность к сотрудничеству. Он повиновался любым командам, которые не требовали выдачи какой-то информации. Спустя некоторое время Олвин обнаружил, что может повелевать этим устройством с такой же легкостью, как и роботами в Диаспаре, — одними мысленными приказами. Это был огромный шаг вперед. А немного спустя это создание — о нем трудно было думать как о всего лишь машине — еще больше ослабило свою настороженность и позволило Олвину пользоваться своими тремя глазами. Одним словом, оно не возражало против любых пассивных форм общения, но решительно пресекало все попытки Олвина сойтись поближе.

Хилвара оно совершенно игнорировало. Оно не повиновалось ни единой из его команд, и, похоже, мозг его был наглухо заперт для всех попыток Хилвара проникнуть в него. Сначала это было для Олвина своего рода разочарованием — ведь он надеялся, что большая, чем у него самого, способность Хилвара к телепатии поможет ему открыть сундук с сокровищами столь надежно спрятанных воспоминаний. И только позже Олвин осознал, какое это преимущество — иметь слугу, не подчиняющегося больше никому в мире.

Членом экспедиции, который резко воспротивился присутствию

робота, оказался Криф. То ли он вообразил, что теперь у него появился соперник, то ли из каких-то более общих соображений неодобрительно отнесся к существу, которое может летать без крыльев, — это было неясно. Когда никто на него не смотрел, он сделал несколько попыток напасть на робота, но тот привел его в еще большую ярость тем, что не обратил на эти наскоки ни малейшего внимания. В конце концов Хилвару удалось его успокоить, и, когда они уже возвращались в мобиле, Криф, похоже на то, примирился с ситуацией. Робот и насекомое, словно какой-то эскорт, сопровождали мобиль, беззвучно скользящий по лесам и полям, и каждый держался стороны, где сидел его хозяин, делая вид, что соперника просто не существует.

Когда мобиль вплыл в Эрли, Сирэйнис уже ждала их. Этих людей изумить чем-то просто невозможно, подумал Олвин. Взаимопереплетающееся сознание позволяло им знать все, что происходит в Лизе. Ему была интересна их реакция на его поведение в Шалмирейне, о котором, надо полагать, здесь уже знал каждый.

Сирэйнис казалась чем-то обеспокоенной и еще более неуверенной, чем когда-либо, и Олвин тотчас вспомнил выбор, перед которым его поставили. В треволнениях нескольких последних дней он почти забыл о нем. Ему не хотелось тратить силы ни решение проблем, время которых еще не наступило. Но теперь вот срок подошел вплотную: ему предстояло принять решение — в каком из двух миров он хочет жить.

Голос Сирэйнис, когда она заговорила, был исполнен тревоги, и у Олвина внезапно родилось впечатление, что в тех планах, которые Лиз строил в отношении его, что-то не сработало. Что произошло здесь за время его отсутствия? Побывали ли в Диаспаре эмиссары Лиза, чтобы провести манипуляции с мозгом Хедрона? И не постигла ли их неудача?

— Олвин, — начала Сирэйнис, — есть много такого, о чем я вам еще не рассказала, но теперь вам предстоит все это узнать, чтобы понять наши действия.

Вам известна одна из причин изоляции наших двух сообществ друг от друга. Страх перед Пришельцами, эта темная тень в сознании каждого человеческого существа, обратил ваших людей против мира и заставил их забиться в мирке собственных грез. Здесь, у нас, страх этот никогда не был столь велик, хотя это именно мы вынесли бремя последнего нашествия. За всеми нашими действиями были самые лучшие мотивы, и то, что мы сделали, мы сделали с открытыми глазами.

Давным-давно, Олвин, Человек мечтал о бессмертии и наконец добился своего. Но люди как-то забыли, что мир, отринувший смерть,

обязательно должен отринуть и жизнь. Способность продлить свое существование до бесконечности может принести удовлетворение отдельному индивидууму, но она же приносит застой сообществу людей. Много столетий назад мы принесли наше бессмертие в жертву развитию, но Диаспар все еще тешится ложной мечтой. Вот почему наши пути разошлись — и вот почему им никогда уже не соединиться...

Хотя Олвин почти ожидал именно этих слов, удар тем не менее был силен. И все же Олвин отказывался признать крушение своих планов, как бы смутны они ни были, и теперь воспринимал слова Сирэйнис только краешком сознания. Он понимал и фиксировал в памяти все, что она говорила, а сам в это же время мысленно снова возвращался в Диаспар, стараясь представить себе все те препятствия, которые могут оказаться воздвигнутыми на его пути.

Заметно было, что Сирэйнис чувствует себя не в своей тарелке. В голосе у нее звучала едва ли не мольба, и Олвин отлично понимал, что она обращается не только к нему, но и к своему сыну. Она прекрасно отдавала себе отчет в том взаимопонимании, в той приязни, которые выросли между ними за дни им совместного путешествия. Пока мать говорила, Хилвар внимательно глядел на нее, и Олвину казалось, что в этом его взгляде отражалась не только известная обеспокоенность, но и некоторая доля критицизма.

— Мы вовсе не хотим принуждать вас делать что-либо против вашей воли. Но, безусловно, вы должны понимать, что именно произойдет, если Диаспар и Лиз встретятся. Между нашими двумя культурами простирается пропасть столь же бездонная, как и та, что некогда разделяла Землю и ее древние инопланетные колонии. Подумайте хотя бы об одном этом факте, Олвин. Вы с Хилваром теперь одного примерно возраста. Но мы оба — и он и я — будем уже мертвы на протяжении столетий, в то время как вы все еще будете оставаться юношей. И ведь это только первая из бесконечной череды ваших жизней...

В комнате было очень тихо — так тихо, что Олвину слышны были странные жалостные звуки, издаваемые в полях за поселком какими-то неведомыми ему животными. Наконец, почти шепотом, он произнес:

— Чего же вы хотите от меня?

— Мы надеялись, что сможем предоставить вам выбор — остаться здесь или вернуться в Диаспар. Но теперь это уже невозможно. Произошло слишком многое, чтобы мы могли теперь оставить решение в ваших руках. Даже за то короткое время, что вы пробыли здесь, у нас, ваше влияние на умонастроения людей оказалось в высшей степени дестабилизирующим.

Нет-нет, я вас вовсе не упрекаю. Я совершенно уверена, что вы не имели в виду нанести нам какой бы то ни было ущерб. Но было бы куда лучше предоставить создания, которые встретились вам в Шалмирейне, их собственной судьбе...

Ну а что касается Диаспара... — Сирэйнис раздраженно повела плечами. — О том, куда вы отправились, там уже знает слишком много людей. Мы не успели вовремя предпринять необходимые действия. И, что уж совсем серьезно, — человек, который помог вам открыть Лиз, исчез. Ни ваш Совет, ни наши агенты не смогли его обнаружить, так что он остается потенциальной угрозой нашей безопасности. Возможно, вы удивлены, что я все это вам рассказываю, но, видите ли, я делаю это без малейшей опаски. Боюсь, Олвин, что теперь перед вами выбора уже нет: мы просто должны отослать вас в Диаспар с искусственным набором воспоминаний. Эти воспоминания сконструированы для вас с огромной тщательностью, и когда вы возвратитесь домой, то не будете помнить о нас ровно ничего. Вы будете убеждены, что пережили скучные, но довольно опасные приключения в каких-то пещерах, где своды то и дело обрушивались за вашей спиной, и вы остались в живых потому только, что питались какими-то малоаппетитными сорняками, а воду с огромным трудом добывали в каких-то подземных родниках. Всю свою оставшуюся жизнь вы будете убеждены, что это и есть правда, и все в Диаспаре примут эту историю за истинную. Таким образом спрятана тайна, которая могла бы привлечь новых исследователей. Они будут думать, что уже знают о нашей земле все, что только можно узнать.

Сирэйнис умолкла и посмотрела на Олвина с мольбой. Пауза была недлинной:

— Мы очень сожалеем что это необходимо, и просим у вас прощения, пока вы нас еще помните. Вы можете не принять наш вердикт и нашу логику, но ведь нам известно множество фактов, которые вам неведомы... По крайней мере, у вас не будет никаких сожалений, потому что вы будете верить, что открыли все, что только можно было обнаружить.

Так ли это? — подумал Олвин. Он сильно сомневался, что сможет снова погрузиться в рутину городского существования, даже если и убедит себя, что за стенами Диаспара нет ничего достойного внимания. И, более того, у него не было ни малейшего желания подвергаться такого рода эксперименту.

— И когда же вы намереваетесь произвести со мной эту... операцию? — спросил он.

— Немедленно. Вы уже готовы. Откройте мне свое сознание, как вы

уже делали это прежде, и вы ничего не ощутите до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Некоторое время Олвин молчал, а затем тихо произнес:

— Я хотел бы попрощаться с Хилваром.

Сирэйнис кивнула:

— Да, я понимаю. Я оставляю вас здесь на некоторое время и вернусь, когда вы почувствуете, что готовы. — Она прошла к лестнице, что вела вниз, внутрь дома, и оставила их на крыше одних.

Олвин заговорил со своим другом не сразу. Он испытывал огромную грусть и в то же самое время непоколебимую решимость не позволить, чтобы все его надежды пошли прахом... Еще раз взглянул он на поселок, в котором обрел известную толику счастья, на поселок, который ему, возможно, уже не увидеть снова, если те, кто стоит за Сирэйнис, все-таки добьются своего. Мобиль все еще парил под одним из раскидистых деревьев, а бесконечно терпеливый робот висел над ним. Несколько ребятишек сгрудились вокруг этого странного пришельца, но из взрослых никто, казалось, не проявлял ни малейшего любопытства к странному аппарату.

— Хилвар, — внезапно нарушил тишину Олвин, — мне очень жаль, что все так получается...

— И мне тоже, — немедленно отозвался Хилвар, и голос его дрогнул от сдерживаемого чувства. — Я так надеялся, что ты сможешь остаться здесь...

— Ты полагаешь, что то, что собирается сделать Сирэйнис, — это правильно?

— Не вини мать. Она только выполняет то, что ее попросили сделать, — ответил Хилвар. Олвин не получил ответа на свой вопрос, но задать его снова не решился. Было бы непорядочно подвергать преданность друга такому испытанию.

— Тогда ты мне вот что скажи, — продолжал он. — Как твои люди могут меня остановить, если бы я вдруг попытался уйти от вас с нетронутой памятью?

— Это будет совсем нетрудно сделать. Если бы ты сделал попытку уйти, они бы овладели твоим сознанием и заставили бы тебя вернуться...

Именно этого Олвин и ожидал, и это его не обескуражило. Ему страшно хотелось довериться Хилвару, который — это было совершенно ясно — сокрушался по поводу предстоящего расставания, но он не решился подвергнуть свой план риску. Очень тщательно, выверяя каждую деталь, он снова просмотрел единственный путь, который только и мог привести его

обратно в Диаспар — на нужных ему условиях.

Существовал только один рискованный момент, на который нужно было пойти и который он никак не мог устранить, чтобы защитить себя. Если Сирэйнис нарушила обещание и в эти вот минуты читала его мысли, то все его скрупулезные приготовления оказались бы ни к чему.

Он протянул Хилвару руку, тот крепко сжал ее, но не мог, казалось, вымолвить ни слова.

— Пойдем, встретим Сирэйнис, — предложил Олвин. — Я бы хотел еще повидать некоторых жителей поселка, прежде чем уйти от вас...

Хилвар молча последовал за ним в прохладу дома и потом — через входные двери — на улицу, в кольцо из цветного стекла, окружающее дом. Сирэйнис ждала их там, и вид у нее был спокойный и решительный. Она, конечно, знала, что Олвин пытается что-то утаить от нее, и снова мысленно перебрала все предусмотренные ею меры предосторожности. Как человек, разминающий мускулы перед предстоящим ему большим усилием, она произвела смотр всему, что было в ее силах предпринять в случае необходимости.

— Вы готовы, Олвин? — спросила она.

— Совершенно готов, — ответил Олвин, но в голосе у него прозвучало нечто такое, что заставило Сирэйнис внимательно посмотреть на него.

— Тогда лучше всего будет, если вы сейчас отрешитесь от всех мыслей, как вы это уже умеете. После этого вы ничего не будете чувствовать и ничего не будете знать до тех пор, пока снова не окажетесь в Диаспаре.

Олвин повернулся к Хилвару и быстрым Шепотом, который Сирэйнис не могла услышать, произнес:

— До свиданья, Хилвар! Не тревожься... Я еще вернусь...

И снова обратился к Сирэйнис;

— Я не возмущаюсь тем, что вы намереваетесь совершить. Вы, бесспорно, верите, что это — лучший выход из положения, только вот, с моей точки зрения, вы сильно ошибаетесь. Диаспар и Лиз не должны оставаться навечно разобщенными. Надо думать, придет такой день, когда они отчаянно будут нуждаться в помощи друг друга. Вот поэтому-то я и отправляюсь домой со всем тем, что мне удалось здесь узнать, и я совсем не думаю, что вам удастся меня остановить.

Он не стал дожидаться ответа и правильно сделал. Сирэйнис даже не пошевелилась, но он тотчас же почувствовал, что его тело перестает ему повиноваться. Сила, столкнувшаяся с его волей, оказалась куда более могущественной, чем он ожидал, и это навело его на мысль, что Сирэйнис,

возможно, помогало огромное число людей. Беспомощно повлекся он обратно к дому, и на какой-то ужасный момент ему даже подумалось, что великолепный его план провалился.

Но как раз в этот миг брызнуло сверкание металла и кристаллических глаз и руки робота мягко сомкнулись вокруг него. Его тело боролось с ними, и он знал, что оно так и должно себя вести, но борьба эта была бессмысленной. Земля ушла у него из-под ног, и на мгновение он увидел Хилвара, застывшего в совершеннейшем изумлении, с глуповатой улыбкой на лице.

Робот перенес его на несколько десятков футов гораздо быстрее, чем человек мог бы пробежать это расстояние. Сирэйнис потребовалось всего лишь мгновение, чтобы понять его ход, и он перестал извиваться в руках своего робота, когда она сняла контроль над его телом. Но Сирэйнис все еще не была побеждена, и тотчас же наступило то, чего Олвин боялся и с чем приготовился сражаться изо всех сил.

В его мозгу боролись теперь две совершенно различные сущности. Одна из них умоляла робота опустить его на землю. Настоящий Олвин, у которого перехватило дыхание, ждал, лишь вяло сопротивляясь тем силам, которых, он знал, ему не преодолеть. Это был азартный расчет: не существовало никакой возможности заранее предсказать с уверенностью, что робот, этот его ненадежный союзник, станет повиноваться тем сложным приказам, которые он ему отдал. Олвин сказал роботу, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не повиновался его же, Олвина, командам, пока он не очутится в безопасности в Диаспаре. Таков был жесткий приказ. Если он окажется выполнен, то это будет означать, что Олвин вручил свою судьбу силам, которым совершенно не страшно вмешательство человека.

Без малейшего колебания робот устремился вдоль тропы, которую Олвин так тщательно нанес на карту его памяти. Часть сознания юноши все еще гневно умоляла, чтобы его освободили, но он уже понимал, что спасен. И тотчас же это поняла и Сирэйнис, потому что конфликтующие силы в его мозгу прекратили бороться друг с другом. Снова он был спокоен, как был спокоен тысячелетия назад другой путешественник, когда, привязанный к мачте своего корабля, он слышал, как пение Сирен затихает под морем цвета темного вина.

Олвин не успокоился до тех пор, пока вокруг него снова не сомкнулись своды пещеры самодвижущихся дорог. Все еще существовала опасность, что Лиз сможет остановить или даже повернуть вспять вагон, в котором он мчался, и привезти его, беспомощного, в точку старта. Его возвращение, однако, стало ничем не примечательным повторением путешествия в Лиз. Через сорок минут после того, как он покинул станцию отправления, он оказался в усыпальнице Ярлана Зея.

Прокторы Совета, задрапированные в официальные черные одежды, которые были их униформой на протяжении столетий, уже ждали его. При виде этого «комитета по встрече» Олвин ничуть не удивился и почти не испытал никакой тревоги. К этому времени он преодолел такое количество всевозможных препятствий, что еще одно дела не меняло. С тех пор как он оставил Диаспар, он узнал такое количество всего, что с этим огромным знанием пришла и уверенность, граничащая с высокомерием. Кроме того, теперь у него был могущественный, хотя и не совсем надежный союзник. Лучшие умы Лиза не смогли противостоять его планам. Трудно сказать почему, но Олвин был уверен, что у Диаспара дела пойдут не лучше.

Под этой уверенностью были, конечно, и рациональные основания, но в целом она держалась на чем-то таком, что выходило за пределы рационального, — это вера в свое предназначение медленно, но упрямо укреплялась в сознании Олвина. Загадка его происхождения, успехи в достижении такого, что не удавалось еще ни одному человеку, новые перспективы, открывавшиеся перед ним, и то, что его не смогли остановить никакие препятствия, — все это только укрепляло его самоуверенность. Вера в собственную судьбу была одним из наиболее ценных даров, доставшихся Человеку, но Олвин не знал, сколь многих эта вера привела к полной катастрофе.

— Олвин, — обратился к нему предводитель городских прокторов, — у нас есть приказ следовать за тобой, куда бы ты ни направился, — до тех пор пока Совет не заслушает твое дело и не вынесет свой вердикт.

— И в чем же меня обвиняют? — поинтересовался Олвин. Он все еще переживал волнение, связанное с побегом, и никак не мог принимать всерьез этот новый поворот событий. А по поводу того, что Шут выдал его тайну, он испытал лишь мимолетное раздражение.

— Никаких обвинений не выдвинуто, — последовал ответ. — Если это

окажется необходимым, то обвинение будет сформулировано после того, как тебя выслушают.

— И когда же это случится?

— Очень скоро, я полагаю. — Проктор, по всей видимости, испытывал неловкость и не был уверен, как именно следует ему выполнять свою малоприятную миссию. Он разговаривал с Олвином то как со своим товарищем-согражданином, то вдруг вспоминал о долге стража и напускал на себя преувеличенную отчужденность.

— Этот робот, — произнес он вдруг, указывая на спутника Олвина. — Откуда он? Это что — один из наших?

— Да нет, — ответил Олвин. — Я подобрал его в Лизе — ну, в той стране, где я побывал. Я привел его сюда, чтобы он встретился с Центральным Компьютером.

Это спокойное заявление вызвало серьезное замешательство. Нелегко было принять уже тот факт, что существовало что-то и за пределами Диаспара, но то, что Олвин еще и привел с собой одного из обитателей того мира и предполагал познакомить его с мозгом города, было гораздо хуже. Взгляды, которыми обменялись прокторы, были столь беспомощными и тревожными, что Олвин едва удержался от смеха.

Пока они шли через Парк — эскорт при этом держался в почтительном отдалении и переговаривался взволнованным шепотом, — Олвин взвешивал свой следующий шаг. Первое, что он должен сделать, это выяснить в точности, что же произошло здесь за время его отсутствия. Сирэйнис сказала, что Хедрон исчез. В Диаспаре можно было найти бессчетное число мест, где человек мог бы надежно укрыться, а поскольку Шут знал город как никто другой, маловероятно было, что его найдут, если только он сам не решит снова выйти на люди. Олвину пришло в голову, что, возможно, ему удастся оставить записку где-нибудь в таком месте, что Хедрон просто не сможет ее обнаружить, и договориться о встрече. Впрочем, присутствие охраны могло этому и помешать.

Ему пришлось признать, что наблюдение за ним вели весьма деликатно. К тому времени, как он добрался до своей комнаты, он почти забыл о существовании прокторов. Он полагал, что ему не мешают передвигаться свободно до тех пор, пока он не вознамерится снова покинуть Диаспар, но сейчас такого намерения у него не было. В сущности, он был твердо убежден, что возвратиться в Лиз прежним маршрутом станет уже невозможно. Подземная транспортная система уже, без сомнения, выведена из строя Сирэйнис и ее коллегами.

Прокторы не прошли за ним в комнату. Им было известно, что выход

из нее имеется только один, и поэтому они расположились снаружи. Не имея инструкций касательно робота, они позволили ему сопровождать Олвина. У них не было ни малейшего желания связываться с этой машиной, чужеземное происхождение которой представлялось столь очевидным. По поведению ее они не могли судить, является ли она пассивным слугой Олвина или же действует, повинаясь собственным установкам. Принимая во внимание эту неопределенность, они, к полному своему удовлетворению, согласились оставить робота в покое.

Как только стена за ним сомкнулась, Олвин материализовал свой любимый диван и бросился на него. Нежась в знакомой обстановке, он вызвал из памяти города свои последние упражнения в живописи и скульптуре и принялся критически их разглядывать. Если они и прежде его не удовлетворяли, то теперь стали вдвойне неприятны и он уже никак не мог заставить себя ими гордиться. Личности, которая создала их, больше не существовало. Олвину казалось, что несколько дней, проведенных им за пределами Диаспара, вместили в себя впечатления целой жизни.

Все эти многочисленные произведения периода своего отрочества он уничтожил — стер их навсегда, не став возвращать в Хранилища Памяти. Комната снова стала пуста, если не считать этого вот дивана, на котором он развалился, да робота, по-прежнему глядящего на него широко раскрытыми глазами неизмеримой глубины.

Что думал робот о Диаспаре? — мелькнула мысль, Но тут же Олвин припомнил, что робот вовсе не является для города чужаком: ведь он знал город еще во времена его последних контактов со звездами.

Только совершенно освоившись с мыслью, что он снова дома, Олвин начал обзванивать друзей. Начал он с Эристана и Итании, хотя продиктовано это решение было, скорее, чувством долга, чем желанием снова видеть их и говорить с ними. Он не слишком опечалился, когда домашний коммуникатор приемных родителей сообщил ему, что связаться с ними нельзя, но все же оставил обоим коротенькое уведомление, что вернулся. Это было совсем не обязательно, поскольку теперь о его возвращении знал уже весь город. Тем не менее он надеялся, что они оценят его предусмотрительность. Он начал постигать науку осторожности — хотя еще и не осознал, что, как и от множества других добродетелей, от заботливости мало проку, если она не бессознательна.

Затем действуя по внезапному наитию, Олвин вызвал номер, который Хедрон сообщил ему столь давно в башне Лоранна. Ответа он, само собой, не ожидал, но всегда сохранялась вероятность, что Хедрон все-таки оставил для него весточку.

Догадка оказалась справедливой. По вот содержание послания было потрясающе неожиданным.

...Стена растворилась, и перед ним оказался Хедрон. Шут выглядел усталым и нервничающим, это был уже не тот уверенный в себе, слегка циничный человек, что направил Олвина по тропе, ведущей в Лиз. В глазах у него притаилось выражение загнанного зверя, а голос звучал так, словно у него уже не оставалось времени на разговоры.

— Это запись, Олвин, — начал он. — Ее можешь просмотреть только ты, и я разрешаю тебе использовать то, что ты сейчас узнаешь, как только тебе заблагорассудится. Мне уже все равно.

Когда я возвратился в усыпальницу Ярлана Зея, то обнаружил, что Алистра, оказывается, следила за нами. Надо думать, она сообщила Совету, что ты покинул Диаспар и что я тебе в этом помог. Очень скоро прокторы начали меня искать, и я решил уйти в подполье. Я к этому привык, мне уже приходилось поступать точно так же, когда некоторые мои шутки не встречали понимания... («Вот он, старый Хедрон!» — подумал Олвин.) Им бы не найти меня и в тысячу лет, но я чуть не попался кому-то постороннему, В Диаспаре есть чужаки, Олвин! Они могли прийти только из Лиза, и они ищут меня. Не знаю, к чему бы это, только мне все это как-то не нравится. То обстоятельство, что они чуть меня не поймали — это в городе-то, где все для них, казалось бы, необычно и чуждо, — свидетельствует, что они вооружены телепатическими способностями. Я мог бы схватиться с Советом, но тут передо мной какая-то непостижимая угроза, и противостоять ей я не решаюсь.

Вот почему я просто предвосхищаю тот шаг, который мне, как я полагаю, все равно пришлось бы сделать по настоянию Совета, — мне ведь этим уже угрожали. Я отправляюсь туда, где никто уже не может меня настичь и где я пережду любые катаклизмы, какие только могут обрушиться на Диаспар. Быть может, я поступаю глупо. Но докажет это только время. В один прекрасный день я буду знать ответ.

Ты, конечно, уже догадался, что я последовал обратно, в Зал Творения, в безопасный мир Хранилищ Памяти. Что бы ни случилось, я целиком и полностью доверяюсь Центральному Компьютеру и силам, которые подвластны ему во имя процветания Диаспара. Если что-то нарушит работу Центрального Компьютера, то всем нам крышка. Ну а если нет, то мне нечего опасаться.

Мне покажется, что прошел всего какой-то миг до того момента, когда я снова выйду на улицы Диаспара — через пятьдесят, а то и через сто тысяч лет. Интересно, какой город предстанет передо мной?.. Будет занятно, если

я еще найду тебя в нем... И все же, как мне кажется, настанет день, когда мы снова встретимся. Не знаю — жду ли я этой встречи с нетерпением или боюсь ее...

Я никогда не понимал тебя, хотя было время — я оказался достаточно тщеславен тогда, чтобы думать, будто понимаю. Правду знает только Центральный Компьютер, и он же знает всю правду о тех Неповторимых, которые время от времени, на протяжении минувших тысячелетий, появлялись и бесследно исчезали. Интересно, выяснил ты уже или еще нет, что же именно с ними происходило...

Одна из причин того, что я бегу в будущее, состоит, я полагаю, в том, что я нетерпелив. Мне страстно хочется побыстрее увидеть результаты начатого тобой, но мне нож острый — наблюдать все промежуточные стадии, которые — есть у меня такое подозрение — могут оказаться достаточно неприятными. Было бы интересно увидеть — в том мире, который будет вокруг меня через несколько коротких минут относительного времени, — помнят ли тебя как творца или как разрушителя, да и помнят ли вообще.

До свиданья, Олвин. Мне хотелось бы дать тебе несколько советов, но я как-то не думаю, чтобы ты им последовал. Ты пойдешь собственным путем, как ты это всегда и делал, а твои друзья будут для тебя либо инструментами, которые следует использовать, либо ненужным балластом — смотря по сиюминутной ситуации.

Вот и все... Не знаю, что мне еще сказать...

Какое-то мгновение Хедрон — Хедрон, которого больше не существовало, если не принимать во внимание калейдоскоп электрических зарядов в ячейках памяти города — еще смотрел на Олвина — с неприязнью и, похоже, с грустью. После чего экран снова опустел.

Когда изображение Хедрона исчезло, Олвин долго еще оставался недвижим. Ни разу за все прошедшие годы он не вглядывался в себя так, как сейчас, потому что не мог не согласиться с той правдой, что прозвучала в словах Хедрона. Когда это, спрашивается, было, чтобы он остановился, отложил в сторону все свои планы, все свои авантюры, чтобы задуматься — а как все это повлияет на судьбу его друзей? Пока что он доставлял им только беспокойство, но вот вскоре может присовокупить к этому и нечто куда более худшее — и все из-за своей ненасытной любознательности и настойчивого стремления постичь то, что не должно быть постигнуто человеком...

Хедрона он не любил. Эксцентрическая натура Шута как-то не располагала к более теплым отношениям, даже если бы Олвин к ним и

стремился. И все же, размышляя сейчас над прощальными словами Хедрона, он был буквально ошеломлен внезапно пробудившимися угрызениями совести. Ведь Шуту пришлось бежать в будущее именно из-за него, Олвина!..

Но уж, конечно, нетерпеливо возражал самому себе другой Олвин, винить себя в этом просто глупо. Бегство Шута лишь неопровержимо доказало известное — а именно, что Хедрон был трусом. Очень может быть, он в этом отношении и не выделялся из остальных жителей Диаспара, но ему не повезло — у него оказалось слишком уж сильно развитое воображение. Поэтому если Олвин и мог принять на себя некоторую долю ответственности за судьбу Шута, то, действительно, всего лишь некоторую, но уж никак не всю.

Кому еще в Диаспаре он навредил, кого опечалил? Он подумал о Джизираке, своем наставнике, который был так терпелив с ним, своим, должно быть, самым трудным учеником. Он припомнил все самые малейшие знаки доброты, которые проявляли по отношению к нему его родители все эти годы. Теперь это представлялось ему куда более значительным, чем в свое время...

И еще он подумал об Алистре. Она любила его, а он то принимал, то отвергал ее любовь — по своей прихоти. Быть может, откажись он от нее совсем, она стала бы хоть ненамного счастливее?

Теперь он понимал, почему никогда не испытывал по отношению к Алистре ничего похожего на любовь — ни к ней, ни к какой-нибудь другой женщине в Диаспаре. Это был еще один урок из тех, что преподавал ему Лиз. Диаспар многое забыл, и среди забытого оказался и подлинный смысл любви. В Эрли он наблюдал, как матери тетешкали на руках своих малышей, и сам испытал эту нежность сильного, нежность защитника по отношению ко всем маленьким и таким беспомощным существам, которая есть альтруистический близнец любви. А вот в Диаспаре теперь не было уже ни одной женщины, которая знала бы или стремилась бы к тому, что когда-то являлось венцом любви.

В бессмертном городе не было ни сильных чувств, ни глубоких страстей. Вполне возможно, подобные чувства могли расцвести только в силу своей преходящести, ибо не могли длиться вечно и всегда были угнетены той тенью неизбежности, которую Диаспар уничтожил.

Это и был момент — если он вообще когда-нибудь существовал, — такой момент, когда Олвин осознал, какой же должна быть его судьба. До сих пор он выступал как бессознательный исполнитель собственных импульсивных желаний. Будь он знаком со столь архаичной аналогией, он

мог бы сравнить себя со всадником на закусившей удила лошади. Она пронесла его по множеству странных мест и могла бы снова это сделать, но дикий ее галоп показал ему ее силу и научил осознанию собственной цели.

Эти раздумья Олвина внезапно прервал мелодичный звонок стенного экрана. Тембр сигнала подсказал ему, что это не был звонок связи — кто-то лично явился навестить его. Он дал сигнал «впустить» и через несколько мгновений оказался лицом к лицу с Джизираком.

Наставник выглядел суровым, но никакой враждебности в нем не чувствовалось.

— Меня попросили привести тебя в Совет, Олвин, — сказал он. — Совет ждет, он хочет послушать тебя. — В этот момент Джизирак заметил робота и принялся с любопытством его разглядывать. — Так это, значит, и есть тот самый спутник, которого ты привел с собой из путешествия! Я полагаю, будет правильно, если он отправится вместе с нами.

Это как нельзя более устраивало Олвина. Робот однажды уже вызволил его из опасной ситуации, и, возможно, ему, Олвину, придется снова прибегнуть к его помощи... Ему было страшно интересно узнать, что думает эта машина о тех приключениях и сложностях, в которые он ее вовлек, и в тысячный раз пожалел, что от него скрыто все, что происходит внутри этого на крепкие замки запертого разума. У него сложилось впечатление, что робот решил пока просто наблюдать, анализировать и делать собственные выводы, не предпринимая никаких самостоятельных действий до тех пор, пока время, по его мнению, не созрело. А тогда — возможно, совершенно внезапно — он может вознамериться начать действовать. Единственное, что никак не устраивало Олвина, так это то, что поступки робота могут не совпасть с его собственными планами. Его единственный союзник был связан с ним чрезвычайно слабыми ниточками собственного интереса и мог покинуть его в любой момент.

Алистра ждала их на пандусе, сбегавшем к улице. Даже если бы Олвину и захотелось взвалить на нее вину за ту роль, которую она сыграла в обнаружении его тайны, у него не хватило бы на это духу. Ее отчаяние было слишком очевидным, а когда она метнулась ему навстречу, глаза у нее были полны слез.

— Ах, Олвин! — всхлипывала она, — Что им от тебя нужно?..

Олвин взял ее ладошки в руки с нежностью, которая удивила их обоих.

— Да не волнуйся, Алистра, — проговорил он. — Все будет хорошо. Ведь в конце-то концов даже в самом худшем случае Совет может всего-навсего отправить меня в Хранилища Памяти, но знаешь, мне как-то не верится, что они на это пойдут...

Ее красота и очевидное отчаяние были так привлекательны, что даже в эту минуту Олвин почувствовал, что его тело на свой обычный манер откликается на присутствие девушки. Но это был всего лишь физический порыв. Он, конечно, не относился к нему с презрением, но одного его уже было недостаточно. Осторожно высвободив руки, он повернулся и следом за Джизираком отправился в Зал Совета.

Сердце Алистры изнывало от одиночества, однако горечи она уже не испытывала, когда глядела ему вслед. Теперь она знала, что Олвин не потерян для нее, потому что он никогда ей и не принадлежал. И, приняв это, она стала собираться с силами, чтобы уберечь себя от тщетных сожалений.

Олвин едва замечал любопытствующие или испуганные взгляды своих сограждан, когда он и его свита шли по знакомым улицам. Он все повторял в уме аргументы, которые ему, возможно, придется пустить в ход, и облакал свой рассказ в форму, наиболее для себя благоприятную. Время от времени он принимался уверять себя, что ни чуточки не встревожен и что именно он все еще является хозяином положения.

В приемной они прождали всего несколько минут, но Олвину этого хватило, чтобы подивиться — почему это, если ему ничуть не страшно, он ощущает такую вот странную слабость в коленках. Ощущение это было знакомым — по тем временам, когда он с трудом заставлял себя в Лизе взбираться по склону того холма, с вершины которого Хилвар показал ему водопад и откуда они увидели взрыв света, приведший их обоих в Шалмирейн. Что-то сейчас поделявает Хилвар, подумалось ему, и суждено ли им встретиться снова? И тотчас же ему представилось страшно важным, чтобы это оказалось возможным.

Огромные двери разошлись в стороны, и вслед за Джизираком он вошел в Зал Совета. Все двенадцать его членов уже сидели вокруг своего стола, сделанного в виде полумесяца, и Олвину польстило, что он не увидел ни одного незанятого места. Вполне возможно, Совет в полном своем составе собрался впервые за много столетий. Как правило, его редкие заседания были пустой формальностью, поскольку все текущие дела решались через видеосвязь и, в случае необходимости, беседой председателя Совета с Центральным Компьютером.

Большинство из членов Совета Олвин знал в лицо, и присутствие такого числа знакомых придало ему уверенности. Как и Джизирак, эти люди не казались настроенными враждебно, они были всего-навсего изумлены и сгорали от нетерпения. В конце концов, все они были носителями здравого смысла. Они могли испытывать раздражение от того,

что кто-то доказал им, что они ошибаются, но Олвину не верилось, что они затаили против него недоброжелательство. Когда-то такой вот вывод мог оказаться чересчур поспешным, однако человеческая природа в некотором смысле улучшилась.

Они выслушают его безо всякой предвзятости, но вся штука-то была в том, что как раз их мнение и не имело решающего значения. Его, Олвина, судьей будет не Совет. Им станет Центральный Компьютер.

Не было никаких формальностей. Председатель объявил заседание открытым и повернулся к Олвину.

— Мы бы хотели, Олвин, — произнес он достаточно благожелательно, — чтобы ты рассказал нам, что произошло с тобой с того времени, как ты исчез десять дней назад.

Употребление слова «исчез» означает очень многое, подумалось Олвину. Даже и сейчас Совету не хотелось признавать, что Олвин побывал за пределами Диаспара. Он подумал — а знают ли эти люди о том, что в городе бывают чужие, и, в общем, усомнился в этом. Будь это так, они выказали бы куда больше тревоги.

Он рассказал свою историю ясно и ничуть ее не драматизируя. Она и без того была достаточно невероятна для их ушей и никаких украшательств не требовала. Только в одном месте он отошел от строго фактического изложения событий, ни слова не сказав о том, каким образом ему удалось ускользнуть из Лиза. Представлялось более чем вероятно, что к этому методу ему придется прибегнуть снова.

Было очень интересно наблюдать, как отношение членов Совета к его рассказу мало-помалу изменялось. Сначала за столом сидели скептики, отказывающиеся примириться с отрицанием, по сути дела, всего, во что они верили, с разрушением своих сокровеннейших предрассудков. Когда Олвин поведал им о своем страстном желании исследовать мир, лежащий за пределами города, и о своем, ни на чем, в сущности, не основанном убеждении, что такой мир в действительности существует, они смотрели на него, как на какое-то диковинное существо. Но в конце концов им пришлось допустить, что он оказался прав, а они ошибались. По мере того как разворачивалась одиссея Олвина, сомнения, которые еще могли у них оставаться, постепенно рассеивались. Им могло очень и очень не нравиться то, что он им рассказывал, но они более не в состоянии были закрывать глаза на факты. Если у них и появлялось такое искушение, то стоило только кинуть взгляд на молчащего спутника Олвина, чтобы тотчас избавиться от него.

Лишь один аспект всей этой истории привел их в раздражение, да и то направлено оно оказалось не на него. Гул недовольства пронесся над столом, когда Олвин рассказал о страстном желании Лиза избежать нечистого контакта с Диаспаром и о шагах, которые предприняла

Сирэйнис, чтобы избежать этой, с ее точки зрения, катастрофы. Город гордился своей культурой, и к этому у него были все основания. И то обстоятельство, что кто-то позволял себе рассматривать жителей Диаспара как какие-то существа низшего порядка, было для членов Совета просто невыносимо.

Олвин очень старался, чтобы ничем не задеть слушателей. Ему хотелось завоевать Совет на свою сторону. Он все время пытался создать впечатление, что не видит ничего плохого в том, что совершил, и что за свои открытия он, скорее, надеется получить похвалу, а не порицание. Это была самая лучшая из всех возможных тактик, ибо она заранее обезоруживала возможных критиков. Кроме того, она до некоторой степени возлагала всю вину на скрывшегося Хедрона. Слушателям было ясно, что сам Олвин — существо слишком уж юное — не мог усмотреть в том, что он совершает, какой-то опасности. Шуту же, напротив, следовало бы отдавать себе отчет в том что он действует исключительно безответственно. Они еще не знали, насколько сам Хедрон был с ними согласен.

Наставник Олвина тоже заслуживал некоторого порицания, и время от времени кое-кто из советников бросал на него задумчивые взоры. Джизирак, казалось, не обращал на это никакого внимания, хотя, конечно, великолепно понимал, какие именно мысли бродят в этих головах. В том, чтобы быть наставником этого самого оригинального ума из всех появлявшихся в Диаспаре со времен Рассвета, была известная честь, и в этом-то никто Джизираку не мог отказать.

Олвин не стал ни в чем убеждать членов Совета, пока не закончил рассказ о своих приключениях. В общем, ему нужно было как-то уверить этих людей в истинности всего увиденного им в Лизе, но как он, спрашивается, мог заставить их сейчас понять и представить себе то, чего они никогда не видели и едва ли могли себе вообще вообразить?

— Мне представляется большой трагедией, — говорил Олвин, — что две сохранившиеся ветви человечества оказались разобщенными на такой невообразимо огромный отрезок времени. Возможно, он и наступит, тот день, когда мы узнаем, почему так произошло, но сейчас куда более важно поправить дело и принять все меры к тому, чтобы впредь такого не случилось. Когда я был в Лизе, то протестовал против мнения, что они превосходят нас. У них может оказаться много такого, чему они в состоянии нас научить, но ведь и мы можем дать им многое. Если же мы станем считать, что нам нечего почерпнуть друг у друга, то разве не очевидно, что не правы будут и те и другие?

Он выжидательно посмотрел на полукольцо лиц и с воодушевлением

продолжил:

— Наши предки построили общество, которое достигло звезд. Люди перемещались между этими мирами, как им заблагорассудится, а теперь их потомки носа не высунут за стены своего города. Хотите, я скажу вам — почему? — Он сделал паузу. В огромном пустом помещении никто не шелохнулся. — Да потому, что мы боимся — боимся чего-то, что случилось на самой заре истории. В Лизе мне сказали правду, хотя я и сам давно уже об этом догадался. Неужели же мы должны вечно, как сущие трусы, отсиживаться в Диаспаре, делая вид, что, кроме него, ничего больше не существует, и только потому, что миллиард лет назад Пришельцы загнали нас на Землю?

Он затронул их потаенный страх — страх, которого он никогда не разделял и всей глубины которого он никогда полностью не мог оценить, Пусть-ка теперь поступают, как хотят Он высказал им правду, как он ее понимал.

Председатель Совета, нахмурившись, посмотрел на него:

— У тебя есть еще что-нибудь, что ты хотел бы сказать? Прежде чем мы начнем обсуждение, что же следует предпринять...

— Только одно. Я бы хотел отвести этого робота к Центальному Компьютеру.

— Но зачем? Ты же знаешь, что Компьютеру уже известно все, что произошло в этом зале...

И все-таки я считаю это необходимым, — вежливо, но упрямо проговорил Олвин. — Я прошу разрешения у Совета и у Компьютера.

Раньше, чем председатель смог ответить, в тишине зала раздался голос — ясный и спокойный. Никогда прежде за всю свою жизнь Олвин не слышал его, но он знал, чей это голос. Информационные машины — не более чем периферийные устройства этого гигантского разума — тоже умели разговаривать с человеком, но в их голосах не было этого безошибочного оттенка мудрости и властности.

— Пусть он придет ко мне, — произнес Центальный Компьютер.

Олвин перевел взгляд на председателя. Надо отдать ему должное, он не пытался торжествовать свою победу. Он просто спросил:

— Вы разрешите мне покинуть вас?

Председатель оглядел Зал Совета, не увидел ни малейшего движения несогласия и ответил — несколько беспомощно:

— Очень хорошо... Прокторы пойдут с тобой, а когда мы закончим обсуждение, то приведут тебя обратно...

Олвин слегка поклонился в знак признательности, огромные двери

снова раздвинулись перед ним, и он медленно вышел из зала. Джизирак последовал за ним и, когда створки дверей снова сомкнулись, повернулся к своему воспитаннику.

— Как ты думаешь, что теперь сделает Совет? — нетерпеливо спросил тот.

Джизирак улыбнулся.

— Нетерпелив, как всегда? Верно? — сказал он. — Не знаю, чего стоит моя догадка, но полагаю — они постановят запечатать усыпальницу Ярлана Зея, чтобы никто никогда не смог повторить твоего путешествия.... И Диаспар сможет продолжать жить прежней жизнью, не тревожимый внешним миром...

— Этого-то я и боюсь, — горько проговорил Олвин.

— А ты все еще надеешься не допустить до этого?

Олвин ответил не сразу. Он понимал, что Джизирак разгадал его намерения, но уж конкретные-то планы его он никак не мог предугадать, поскольку никаких таких планов не существовало. Он вступил в полосу, когда на каждую новую ситуацию он мог откликаться всего-навсего импровизацией.

— Ты винишь меня? — наконец произнес он, и Джизирак удивился новой нотке, прозвучавшей в голосе юноши. Он услышал в нем какой-то намек на униженность и едва заметное напоминание о том, что впервые за все время Олвину понадобилось словечко одобрения от товарища. Джизирака это тронуло, но он был достаточно мудр, чтобы не принимать всерьез эту слабость. Олвин сейчас находился в состоянии огромного напряжения, и было бы опрометчиво думать, что это вот внезапное исправление его характера может вдруг обернуться чем-то постоянным.

— На этот вопрос ответить очень нелегко, — медленно проговорил Джизирак. — Меня так и подмывает напомнить тебе, что любое знание ценно, и просто глупо было бы отрицать, что ты очень многое добавил к нашему знанию. Но ведь ты также умножил и число подстерегающих нас опасностей... А в конечном счете — что окажется важнее? Как часто ты задумывался над этим?

Несколько секунд учитель и ученик пристально смотрели друг на друга, и каждый, возможно, понимал другого яснее, чем когда-либо прежде. Затем, повинувшись одному и тому же импульсу, они направились по длиннейшему коридору прочь от Зала Совета, а их молчаливый эскорт терпеливо последовал за ними — в некотором отдалении.

...Эти пространства — Олвин хорошо это понимал — не были предназначены для Человека. Под пронзительным сиянием голубых огней

— настолько ослепительных, что от них больно было глазам — длинные и широкие коридоры простирались, казалось, в бесконечность. Роботы Диаспара, должно быть, скользили по этим переходам с незапамятных времен, но стены здесь еще ни разу не отзывались эхом на звук человеческих шагов.

Здесь раскинулся подземный город — город машин, без которых Диаспар не мог существовать. В нескольких сотнях ярдов впереди коридор открывался в круглое помещение диаметром более чем в милю, свод которого поддерживали огромные колонны, — там, на поверхности, на нем опирался фундамент и весь неизмеримо огромный вес центральной Энергетической.

Это и было помещение Центрального Компьютера. Именно здесь он каждый мельчайший миг размышлял над судьбой Диаспара.

Олвин разглядывал помещение. Оно оказалось даже более обширным, чем он решался себе представить, но где же был сам Компьютер? Почему-то Олвин ожидал увидеть одну исполинскую машину, хотя в то же самое время и понимал, что такое представление достаточно наивно. Величественная и лишенная всякого видимого смысла панорама, распахнувшаяся перед ним, заставила его застыть в изумлении, сдобренном значительной долей неуверенности.

Коридор, по которому они пришли сюда, обрывался высоко в стене, замыкающей это огромное пространство — самую гигантскую из всех пещер, когда-либо вырытых человеком. По обе стороны устья коридора длиннейшие пандусы полого спускались вниз, к далекому полу. И все это залитое нестерпимым светом место покрывали сотни гигантских белых структур, настолько порой неожиданных по форме, что какое-то мгновение Олвину чудилось, будто он видит необыкновенный подземный город. Это впечатление было поразительно живым и осталось в памяти Олвина на всю жизнь. И нигде глаз его не встречал того, что он так ожидал увидеть, — не было знакомого блеска металла, этой от века непрременной принадлежности любого машинного слуги человека.

Здесь находились продукты конечной стадии эволюционного процесса — почти столь же долгого, кик и эволюция самого человечества. Его начало терялось в тумане Веков Рассвета, когда люди впервые научились сознательно использовать энергию и пустили по городам и весям свои лязгающие машины. Пар, воду, ветер — все запрягли они в свою упряжку на некоторое время, а затем отказались от них. На протяжении столетий энергия горения давала жизнь миру, но и она оказалась превзойдена, и с каждой такой переменой старые машины предавались забвению, а их место

занимали новые. Очень медленно, в течение тысячелетий, люди приближались к идеальному воплощению машины — воплощению, которое когда-то было всего лишь мечтой, затем — отдаленной перспективой и, наконец, стало реальностью:

НИ ОДНА МАШИНА НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДВИЖУЩИХСЯ ЧАСТЕЙ

Это был идеал. Чтобы достичь его, человеку, возможно, потребовалось сто миллионов лет, и в момент своего триумфа он навсегда отвернулся от машины. Она достигла своего логического завершения и отныне уже сама могла вечно поддерживать свое собственное существование, верно служа Человеку.

Олвин больше не спрашивал себя, какие же из этих не издающих ни звука белых сооружений были Центральным Компьютером. Он знал, что гигантская машина вбирает их все, а сама простирается далеко за пределы этого вот помещения, ибо включает в себя и все остальные машины, имеющиеся в Диаспаре, — движущиеся и неподвижные. Его собственный мозг был суммой многих миллиардов отдельных клеток, собранных в пространстве размерами всего в несколько дюймов, а физические элементы Центрального Компьютера были рассеяны по всему пространству Диаспара. В этом же зале могла располагаться не более чем коммутационная система, с помощью которой мириады отдельных частей Компьютера подключались друг к другу.

Не очень представляя себе, куда же теперь направиться, Олвин смотрел вниз, на огромные пологие дуги пандусов и на все, что простиралось за ними. Центральный Компьютер должен знать, что он уже здесь, как он знает обо всем, что происходит в Диаспаре. Олвину оставалось только ждать от него инструкций.

Уже знакомый, но по-прежнему вызывающий благоговение голос был так тих и раздался так близко от Олвина, что тому даже показалось, что Джизирак вряд ли его слышит.

— Спуститесь по левому пандусу, — сказал голос. — Там я дам вам новые инструкции.

Олвин медленно двинулся вниз по покатой плоскости, и робот по-прежнему реял над ним. И Джизирак и прокторы остались на своих местах. Интересно, подумалось Олвину, получили ли они приказание оставаться наверху или же решили, что им и отсюда все будет отлично видно и поэтому нет никаких причин к тому, чтобы утомлять себя долгим спуском?

Или, возможно, они до такой степени приблизились к святой святых Диаспара, что просто не могли найти в себе решимости двинуться дальше?

Пандус кончился, и тихий голос дал Олвину новое направление. Он выслушал и двинулся по широкой улице между спящими титаническими структурами. Голос еще трижды говорил с ним, и наконец он понял, что достиг цели.

Машина, перед которой он теперь стоял, была размерами поменьше, чем все остальные вокруг, но все равно, стоя перед ней, Олвин ощущал себя каким-то карликом. Пять уровней с их стремительно льющимися горизонтальными линиями отдаленно напоминали какое-то затаившееся перед прыжком животное, и, переведя взгляд с этого сооружения на своего собственного робота, Олвин едва мог поверить, что обе эти машины — продукт одной и той же эволюции и что суть их — одна и та же.

Примерно в трех футах от пола по всему фасаду сооружения шла прозрачная панель. Олвин прижался лицом к гладкому, странно теплomu материалу и стал вглядываться внутрь. Сначала он ничего не мог разобрать. Затем, загородив глаза ладонями, чтобы унять льющийся с боков ослепительный свет, он различил тысячи и тысячи слабенько светящихся точек, висящих в пустоте. Они образовывали решетку — столь же непостижимую для него и лишенную всякого смысла, какими для древний людей были звезды. Он неотрывно смотрел на этот рисунок в течение нескольких минут и не заметил, чтобы цветные эти огоньки меняли свои места или яркость.

Впрочем, подумал Олвин, загляни он в свой собственный мозг, то понял бы не больше. Машина представлялась инертной и неподвижной, потому что он не мог наблюдать сам процесс ее мышления.

Только теперь он начал смутно догадываться о силах и энергии, обеспечивающих существование города. Всю свою жизнь он, как нечто само собой разумеющееся, воспринимал, скажем, чудо синтеза, которое из века в век обеспечивало все нужды Диаспара. Тысячи раз наблюдал он этот акт творения, редко отдавая себе отчет в том, что где-то должны существовать прототипы всего, что он видит входящим в его мир.

Подобно тому, как человеческий мозг может в течение некоторого времени задержаться на одной-единственной мысли, так и бесконечно более сложные мыслительные устройства, являющиеся всего лишь частью Центрального Компьютера, тоже могли зафиксировать и удерживать — вечно — самые хитроумные идеи. Матрицы всех без исключения синтезируемых предметов были заморожены в этом вечном сознании, и требовалось только выражение человеческой воли, чтобы они стали

вещной реальностью.

Мир и в самом деле далеко ушел с той поры, как первые пещерные люди час за часом терпеливо оббивали куски неподатливого камня, излаживая себе наконечники для стрел и ножи...

Олвин ждал, не решаясь заговорить, знака, что его присутствие замечено. Ему было любопытно — каким образом Центральный Компьютер знает, что он здесь, как он видит его и слышит его голос. Нигде не было заметно ни малейших признаков каких-либо органов чувств, ни одного из тех бесстрастных кристаллических глаз, акустическим решеток и экранов, через которые роботы обычно получали сведения об окружающем.

— Изложите вашу проблему, — раздался вдруг у самого уха все тот же тихий голос. Было странно, что это гигантское скопление машин может выражать свои мысли столь негромко. Затем до Олвина дошло, что он себе льстит: очень могло быть, что с ним имеет дело едва ли миллионная часть Центрального Компьютера. Олвин был не более чем одним из неисчислимых инцидентов, одновременно занимающих внимание Компьютера, следящего за жизнью Диаспара.

Было совсем нелегко разговаривать в присутствии чего-то, что заполняет все пространство вокруг тебя, Слова, казалось, умирали, едва Олвин их произносил.

— Что я такое? — спросил он.

Если бы он задал этот вопрос одной из информационных машин города, он бы заранее знал, каков будет ответ. В общем-то, он частенько так поступал, и они всегда отвечали: «Вы — человек». Но теперь он имел дело с разумом совершенно иного порядка и не было никакой необходимости в семантической тщательности. Центральный Компьютер должен был знать, что именно имеет в виду вопрошающий, но это, правда, вовсе еще не означало, что он обязательно ответит на вопрос.

И в самом деле, ответ оказался именно таким, какого и опасался Олвин:

— На этот вопрос я не могу отвечать. Поступить так — значило бы открыть цель моих создателей и тем самым аннулировать возможность ее достижения.

— Выходит, моя роль была запланирована, еще когда город только создавался?

— Это можно сказать о каждом.

Такой ответ заставил Олвина задуматься. Сам по себе ответ был достаточно корректен: человеческий компонент Диаспара создавали так же тщательно, как и всю машинерию города. То обстоятельство, что Олвин

оказался Неповторимым, просто выделяло его из остальных как нечто достаточно редкостное, однако было совершенно необязательно считать, что в этой его особенности заключалось какое-то достоинство.

Он понял, что относительно тайны своего рождения ему здесь больше ничего не узнать. Бессмысленным было даже пытаться заманить в ловушку это гигантское сознание или надеяться, что оно само выдаст вдруг информацию, которую ему приказано было сохранять в глубочайшей тайне. Олвин, однако, не стал убиваться от разочарования по этому поводу. В глубине души он чувствовал, что ему уже удастся приблизиться к истине, да и в любом случае цель его прихода сюда состояла вовсе не в этом.

Он взглянул на робота, которого привел из Лиза, и задумался, как же построить свой следующий шаг. Знай робот, что именно он планирует сделать, он вполне мог бы прореагировать весьма бурно. Именно поэтому представлялось таким существенным, чтобы он никоим образом не подслушал то, что Олвин намеревался сейчас сообщить Центральному Компьютеру.

— Можешь ты создать Зону Тишины? — обратился он к Компьютеру.

В тот же самый миг он испытал то самое безошибочное «мертвое» ощущение — результат полнейшего исчезновения даже самых слабых звуков, которое наступало, когда человек оказывался в такой зоне. Голос Компьютера, теперь странно тусклый и даже какой-то зловещий, обратился к нему;

— Сейчас нас никто не слышит. Что вы хотели мне сообщить?

Олвин кинул взгляд на своего робота, Тот даже не шелохнулся. Вполне возможно, что он ничего и не подозревал и Олвин просто-напросто ошибался, полагая, что у робота есть какие-то свои планы. Вполне вероятно, что робот последовал за ним в Диаспар просто как верный, вполне послушный слуга, В таком случае то, что Олвин сейчас намеревался проделать, представлялось в особенности коварным трюком.

— Ты слышал, при каких обстоятельствах я повстречал этого робота, — начал Олвин. — Как мне представляется, он должен обладать бесценными знаниями о прошлом, которое восходит еще к тем дням, когда наш город — в том виде, каким мы его знаем теперь — просто не существовал. Робот, вполне может быть, даже способен рассказать нам о других, кроме Земли, мирах, поскольку он сопровождал Мастера в его странствиях. Но вот, к сожалению, его речевой канал заблокирован. Не знаю, насколько эффективен этот блок, но я прошу тебя снять его.

Голос его звучал безжизненно и сухо, потому что Зона вбирала каждый звук, прежде чем он мог вызвать эхо. Стоя внутри этого невидимого,

душного кокона, Олвин ждал, чтобы его просьбу либо отвергли, либо исполнили.

— Просьба порождает две проблемы, — отозвался Компьютер. — Одна из них нравственная, другая — техническая. Этот робот был сконструирован с тем, чтобы повиноваться приказам совершенно определенного человека. Какое право я имею отменить эту установку, даже если бы и был в состоянии сделать это?

Олвин предвидел такой вопрос, и у него уже было припасено несколько ответов.

— Нам неизвестно, какую конкретно форму приняли запреты Мастера, — сказал он — Если ты сумеешь заговорить с роботом, то, вероятно, сможешь убедить его, что обстоятельства, при которых был поставлен блок, теперь переменились..

Это, разумеется, был самый очевидный подход. Олвин и сам пытался прибегнуть к такой вот стратегии — безо всякого, впрочем, успеха, — и надеялся, что Центральный Компьютер с его бесконечно более обширными интеллектуальными ресурсами сможет совершить то, что не удалось ему.

— Все это полностью зависит от характера блокировки, — последовал ответ. — Вполне мыслимое дело — создать такую блокировку, которая, если попытаться ее снять, сотрет содержимое всех цепей памяти. Я, впрочем, не думаю, что этот самый Мастер обладал достаточными навыками, чтобы сделать это, — здесь требуется довольно-таки специфическая техника. Я спрошу твою машину, была ли установлена стирающая цепь в ее блоках памяти.

— Но предположим, — быстро сказал Олвин с внезапной тревогой, — что даже вопрос о существовании стирающих цепей приведет к ликвидации памяти...

— Для таких случаев существует стандартная процедура, и я буду ей следовать. Я выставлю вторичные условия, приказав роботу игнорировать мой вопрос, если такая мера предосторожности была в него встроена. После этого уже весьма несложно обеспечить ситуацию, в которой машина будет вовлечена в логический парадокс, когда, и отвечая мне, и отказываясь отвечать, она будет вынуждена нарушить данные ей инструкции. В таких случаях все роботы действуют одинаково, стремясь к самозащите. Они освобождают входные цепи, по которым к ним извне поступают сигналы, и ведут себя так, словно им вообще не задавали никакого вопроса.

Олвин уже испытывал угрызения совести, что затронул эту тему, и после некоторой внутренней борьбы признал, что на месте робота принял бы именно эту тактику и сделал бы вид, что просто не расслышал вопроса.

В одном, по крайней мере, он был теперь уверен: Центральный Компьютер оказался совершенно готов иметь дело с любыми ловушками, какие только могут быть установлены в блоках памяти робота. У Олвина не было ни малейшего желания видеть своего слугу превращенным в груды лома. Он скорее бы добровольно вернул его в Шалмирейн со всеми его тайнами.

Собрав все свое терпение, он ждал, пока два молчаливых интеллекта общались друг с другом неощутимо для всего остального мира. Это был диалог двух сознаний, каждое из которых было создано человеческим гением в давным-давно минувший золотой век его самых замечательных достижений. А теперь ни тот, ни другой разум не могли быть полностью поняты кем бы то ни было из живущих на Земле людей.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем пустой, незвучный голос Центрального Компьютера не раздался снова.

— Я установил частичный контакт произнес голос. — По крайней мере, теперь мне известен характер блокировки и я думаю, что знаю, по какой причине она была предусмотрена. Снять ее можно только одним способом: этот робот не заговорит снова до тех пор, пока на Землю не придут какие-то «Великие»...

— Но ведь это же нелепость! — запротестовал Олвин. — Адепты Мастера верили в них, и один даже пытался объяснить нам, что такое эти «Великие»... По большей части это было что-то совершенно невразумительное. Эти самые «Великие» никогда не существовали и никогда не будут существовать!..

Поражение представлялось полным, и Олвин испытал горькое и какое-то еще и беспомощное разочарование. Между ним и Истиной встал человек, который, помимо того, что был сумасшедшим, еще и умер миллиард лет назад...

Возможно, вы в правы, — откликнулся Центральный Компьютер, — когда говорите, что «Великих» не было. Но это совсем не означает, что они не появятся...

Наступила долгая пауза, во время которой Олвин раздумывал над смыслом этого замечания, и две мыслящие машины снова вошли в контакт друг с другом.

И внезапно, безо всякого предупреждения, он снова очутился в Шалмирейне.

Все здесь оставалось в точности по-прежнему. Огромная аспидно-черная чаша пила солнечный свет и ни крупницы его не отражала в глаз человека. Олвин стоял среди руин крепости и глядел на озеро, чьи спокойные воды свидетельствовали о том, что гигантский полип стал теперь не более чем рассеянным облаком живых клеток, не имеющих ничего общего с организованным в определенные формы разумным существом.

Робот по-прежнему находился рядом, но Хилвара не было и в помине. Олвину некогда было размышлять, что бы все это значило, или проявлять беспокойство по поводу отсутствия друга, потому что почти тотчас же произошло нечто столь фантастическое, что оно напрочь выбило из его головы все посторонние мысли.

Небо стало раскалываться надвое: Тонкая полоска черноты протянулась от горизонта к зениту и стала медленно расширяться, как если бы тьма и хаос обрушивались на Вселенную. Неумолимо эта полоса становилась все шире и шире, пока не охватила четверть небесной сферы. Несмотря на все свои познания в области реальных астрономических фактов, Олвин никак не мог отделаться от ошеломляющего впечатления, что кто-то извне вламывается в его мир через щель в огромном голубом куполе неба...

Крыло ночи перестало расти. Силы, породившие его, теперь смотрели вниз, на этот игрушечный мир, который они обнаружили здесь, и, быть может, советовались между собой — стоит ли этот мир их внимания. Олвин не испытывал ни тревоги, ни страха. Он почему-то знал, что находится лицом к лицу с такой силой и с такой мудростью, перед которыми человек должен испытывать не страх, а только благоговение.

И теперь силы эти пришли к решению: да, они потратят несколько ничтожно малых частиц вечности на Землю и ее обитателей. Они стали спускаться вниз через это окно, проделанное в небесах.

Словно искры от какого-то небесного горна, они падали вниз, на Землю. Все гуще и гуще становился этот поток, пока с высоты не полилась целая река огня, растекающаяся по поверхности земли озерами жидкого света. Олвин не нуждался в словах, которые теперь звучали в его ушах как благословение:

«Великие пришли...»

Пламя достигло и его, но оно не обжигало. Повсюду пылало оно, наполняя циклопическую чашу Шалмирейна золотым сиянием. В изумлении глядя на все это великолепие, Олвин отметил, что поток света вовсе не аморфен, он обладал и формой и структурой. — Жидкий огонь стал принимать определенные очертания, собираясь в отдельные яростные пламявороты. Вихри эти принялись вращаться все быстрее и быстрее вокруг своих осей, а центры их стали подниматься, образуя колонны, внутри которых Олвин мог разглядеть какие-то загадочные образования. От этих сверкающих тотемных столбов исходила едва слышная музыка, бесконечно далекая и бесконечно чарующая.

«Великие пришли...»

На этот раз последовал и ответ. Когда Олвин услышал слова: «Слуги Мастера приветствуют вас. Мы вас ждали», — он понял, что все барьеры рухнули. Но в этот же самый миг и Шалмирейн, и его странные гости исчезли, и он снова очутился перед Центральным Компьютером в глубинах своего Диаспара.

Все это оказалось иллюзией — не более реальной, чем фантастический мир саг, в котором в юности он провел так много часов. Но как она была создана? Откуда взялись эти странные видения, так явственно представившиеся ему?

— Проблема оказалась не совсем обычной, — прозвучал тихий голос Центрального Компьютера. — Я предположил, что у вашего робота должна быть какая-то зрительная концепция «Великих». Если бы я смог убедить его, что чувственные представления, получаемые им, совпадают с этими зрительными образами, остальное было бы уже просто.

— И как же ты этого достиг?

— В основном, расспрашивая робота, на что были похожи эти «Великие», и затем перехватив образ, сформированный его сознанием. Рисунок оказался весьма неполным, и многое мне пришлось вложить от себя, импровизируя на ходу. Раз или два картина, которую я создавал, начинала было резко расходиться с концепцией робота, но уже в самые первые мгновения я успевал отметить нарастающее недоумение робота и изменял образ, прежде, чем он становился подозрительно непохожим. Вам, конечно, понятно, что я в состоянии задействовать сотни своих вычислительных цепей, тогда как в его распоряжении лишь одна, и могу

переключаться с одной на другую настолько быстро, что этот процесс не может быть воспринят. Это был своего рода фокус: я смог насытить сенсорные цепи робота и в то же время подавить его способность к критическому восприятию. То, что вы увидели, оказалось лишь окончательной — самой правильной — картиной, наиболее полно приближающейся к тому, что представлял себе этот Мастер. Но она не отличалась особой тонкостью, хотя и оказалась вполне достаточной. Робот был убежден в ее подлинности достаточно долгое время, чтобы снять блокировку, и в этот-то момент я и обеспечил абсолютный контакт с его сознанием. Он более не сумасшедший. Он ответит теперь на любой вопрос, какой вы только пожелаете ему задать.

Голова у Олвина все еще шла кругом. Яркое зрительное эхо внезапного апокалипсиса еще горело перед его внутренним взором, и он и вида не делал, что полностью понимает объяснения Центрального Компьютера. Но это все не имело уже никакого значения. Чудо исцеления свершилось, и врата в храм знания широко распахнулись перед ним, маня войти в них.

Но он тут же припомнил предостережение Центрального Компьютера и спросил тревожно:

— А как насчет моральных возражений, которые были у тебя по поводу отмены приказа Мастера?

— Я выяснил, почему он был отдан. Когда вы в деталях узнаете его жизнь — а теперь вы сможете это сделать, — то увидите, что ему приписывали массу чудес. Его паства верила в него, и эта вера многое добавила к его силе. Но, разумеется, все эти чудеса имели простое объяснение — если они вообще происходили. Мне представляется удивительным, что люди, во всех остальных отношениях вполне разумные, позволяли надувать себя подобным образом...

— Выходит, этот самый Мастер был шарлатаном?

— Нет, все не так просто. Будь он всего лишь плутом, ему бы никогда не добиться такого успеха, а его учение не продержалось бы так долго. Человек он был неплохой, и многое из того, чему он учил окружающих, было истинным и неглупым. В конце концов он сам уверовал в свои «чудеса», но он понимал и то, что есть один свидетель, который способен его разоблачить. Все его тайны знал робот... Через робота он обращался к своим последователям, и если бы этого робота подвергли тщательному допросу, его ответы разрушили бы сами основания силы и власти Мастера. Вот он и приказал ему никогда, ни под каким видом никого не допускать к своей памяти — вплоть до последнего дня Вселенной, когда придут «Великие». Трудно, конечно, поверить, что такой странный конгломерат

лжи и искренности мог уживаться в одном человеке, но так оно и было...

Олвин был бы не прочь узнать, что испытывает сейчас его робот, освободившийся от столь древнего ига. Он, безусловно, был достаточно высокоорганизованной машиной, чтобы ему было известно такое чувство, как негодование. Он мог бы сердиться на своего Мастера за то, что тот поработил его, — и равно быть недовольным Олвином и Центральным Компьютером, которые обманом вернули его в мир правды.

Зона Тишины была снята — в секретности больше не было никакой нужды. Наступил, наконец, момент, которого Олвин ждал так долго. Он повернулся к роботу и задал ему вопрос, преследующий его с тех самых пор, как он услышал историю о похождениях Мастера.

И робот ответил.

Джизирак и прокторы все еще терпеливо ждали, когда он снова присоединится к ним. На верхней части пандуса, прежде чем войти в коридор, Олвин оглянулся, чтобы опять оглядеть помещение Центрального Компьютера, и впечатление оказалось еще более сильным. Под ним простирался мертвый город, состоящий из странных белых зданий, город, залитый яростным светом, не предназначенным для человеческих глаз. Быть может, он и действительно был мертв, этот город, поскольку он никогда и не жил, но в нем билась энергия более могущественная, чем та, что когда-то привела в движение живую материю. До тех пор пока мир будет существовать, эти молчащие машины останутся здесь, ничем не отвлекаясь от размышлений и мыслей, вложенных в них гениями человечества столь непомерное время назад.

Хотя Джизирак и пытался спрашивать что-то у Олвина, когда они возвращались в Зал Совета, узнать что-нибудь о беседе с Центральным Компьютером ему не удалось. Со стороны Олвина это было не просто благоразумие. Он был еще слишком погружен в свои думы об увиденном, был еще слишком опьянен успехом, чтобы поддержать какой-либо более или менее содержательный разговор. Джизираку пришлось призвать на помощь все свое терпение и только надеяться, что Олвин наконец выйдет из транса.

...Улицы Диаспара купались в свете, но после сияния машинного города он казался бледным и каким-то даже беспомощным. Олвин едва замечал окружающее. Он не обращал теперь ровно никакого внимания на знакомую красоту огромных башен, проплывающих мимо, и на любопытствующие взгляды своих сограждан. Как странно, думалось ему, что все, что с ним произошло, подвело его к этому вот моменту. С тех пор как он повстречал Хедрона, события, казалось, развивались автоматически

и вели к какой-то predetermined цели. Мониторы... Лиз... Шалмирейн... И ведь на каждой из этих стадий он мог просто отвести в сторону невидящий взгляд... Но что-то продолжало продвигать его — вперед и вперед... Был ли он сам творцом собственной судьбы или же судьба как-то по-особенному возлюбила его? Возможно, все это было лишь производным теории вероятностей, действия законов случая... Ведь любой мог обнаружить путь, по которому он уже прошел, и бессчетное количество раз за минувшие тысячелетия другие, должно быть, заходили почти так же далеко. Те, ранние Неповторимые, к примеру, — что случилось с ними? Очень — может быть, что он просто оказался первым, кому повезло.

На протяжении всего пути по улицам Олвин устанавливал все более тесный контакт с роботом, которого он сегодня освободил от векового наваждения. Робот уже давно мог принимать его мысли, но прежде Олвин никогда не мог быть уверен, что он станет повиноваться всем его приказам. Теперь эта неуверенность исчезла. Он мог беседовать с роботом, как беседовал бы с любым человеком, хотя, поскольку они были не одни, он велел роботу не пользоваться речью, а обходиться простыми зрительными образами. Раньше ему, бывало, не нравилось, что роботы могли свободно общаться между собой на телепатическом уровне, в то время как человеку это было недоступно — если, конечно, не считать жителей Лиза. Что ж, это была еще одна способность, которую Диаспар утратил, — если не намеренно отказался от нее.

Он все еще продолжал этот неслышимый и несколько односторонний разговор, пока они ждали в приемной перед Залом Совета. Нельзя было не сравнить его нынешнее положение с тем, в котором он оказался в Лизе, когда Сирэйнис с коллегами пытались подчинить его своей воле. Он надеялся, что не будет никакой необходимости еще в одном конфликте, но если бы такой конфликт и возник, он был теперь подготовлен к нему несравненно лучше.

Уже самый первый взгляд на лица членов Совета подсказал Олвину, каково их решение. Он не был ни удивлен, ни особенно разочарован и не выказал никаких чувств, которые могли бы ожидать от него советники, когда слушал, как председатель подводит итоги обсуждения.

— Мы всесторонне рассмотрели ситуацию, которая порождена твоим открытием, Олвин, — начал председатель, — и пришли к следующему единогласному решению. Поскольку никто не желает каких-либо изменений в нашем образе жизни и поскольку только раз в несколько миллионов лет рождается кто-то, кто способен покинуть Диаспар, даже если средства к этому существуют для каждого из нас, то туннельная

система, ведущая в Лиз, не является необходимой и, очень возможно, даже опасна. Вот почему вход в нее отныне закрыт.

Более того, поскольку не исключена возможность, что могут найтись и другие пути, ведущие из города, будет начат им поиск посредством блоков памяти в мониторах. Этот поиск уже начался.

Мы обсудили также, какие меры должны быть предприняты — если они вообще необходимы — в отношении тебя. Принимая во внимание твою юность и своеобразные обстоятельства твоего появления на свет, существует всеобщее ощущение, что порицать тебя за то, что ты сделал, нельзя. В сущности, раскрыв потенциальную опасность для нашего образа жизни, ты даже оказал городу услугу, и мы зафиксируем наше одобрение этого...

Раздались тихие, шелестящие аплодисменты, и на лицах советников появилось удовлетворенное выражение. Они быстро справились с трудной ситуацией, избежали необходимости наказывать Олвина и теперь могли снова приняться за привычные свои занятия, радуясь, что они, влиятельные граждане Диаспара, исполнили свой долг. Если им достаточно повезет, пройдут еще целые столетия, прежде чем подобная необходимость возникнет снова.

Председатель выжидательно посмотрел на Олвина. Возможно, он надеялся, что тот выразит ответное понимание и воздаст благодарностью Совету за то, что с ним обошлись столь милостиво. Он, однако, был разочарован.

— Можно мне задать вам всего один вопрос? — обратился к нему Олвин.

— Конечно.

— Насколько я понимаю, Центральный Компьютер одобрил ваши действия?

В обычных условиях спрашивать такое не полагалось. Было не принято признавать, что Совет должен как-то оправдывать свои решения или же объяснять, каким образом он к ним пришел. Но Олвин сам был облечен доверием Центрального Компьютера — по причинам, известным только тому. И оказался в привилегированном положении.

Было совершенно очевидно, что вопрос вызвал известную неловкость, и поэтому ответ последовал несколько неохотно:

— Естественно, мы проконсультировались с Центральным Компьютером... Он сказал, чтобы мы поступали так, как сочтем нужным...

Олвин этого и ожидал. В те самые минуты, когда машинное сознание города разговаривало с ним, оно, должно быть, обменивалось мнениями и с

Советом — в тот же, в сущности, момент, когда заботилось еще о миллионе самых разных вещей в Диаспаре. Компьютер, как в Олвин, понимал, что, какое бы решение ни принял сейчас Совет, оно не будет иметь ровно никакого значения. Будущее совершенно ускользнуло из-под контроля Совета в тот самый миг, когда он, в своем неведении, решил, что благополучно справился с кризисом, порожденным ненасытной любознательностью Олвина.

И Олвин совсем не испытывал чувства превосходства и блаженного предвкушения приближающегося триумфа, когда глядел на этих не слишком умных, стареющих мужчин, считающих себя правителями Диаспара. Ведь он-то видел реального хозяина города и даже беседовал с ним в торжественной тишине его блистающего подземного мира. Эта встреча выжгла из его души едва ли не все высокомерие, хотя все же какая-то его часть еще сохранилась — для окончательного предприятия, признанного затмить все, что произошло до сих пор.

Покидая Совет, Олвин размышлял о том, были ли они удивлены его покорностью и отсутствием раздражения по поводу того, что дорога в Лиз теперь закрыта. Прокторы теперь не сопровождали его, он уже не находился под наблюдением — в открытую, по крайней мере. Вместе с ним из Зала Совета на улицы, сияющие красками и заполненные народом, вышел только Джизирак.

— Ну что же, Олвин, — сказал он. — Ты вел себя как нельзя лучше, но меня-то тебе не провести! Что это ты теперь задумал?

Олвин улыбнулся:

— Так я и знал, что ты что-нибудь да заподозришь. Если ты пойдешь со мной, то я покажу тебе, почему подземный путь в Лиз не имеет больше никакого значения. Есть и еще один эксперимент, который мне хотелось бы провести. Он не причинит тебе никакого вреда; но может не прийтись по вкусу...

— Отлично. Подразумевается, что я все еще твой наставник, но похоже на то, что роли-то теперь переменились?.. И куда это ты меня поведешь?

— В башню Лоранна — я хочу показать тебе мир за стенами Диаспара. Джизирак побледнел, но остался верен своему решению. Словно опасаясь, что слова могут выдать его состояние, он коротко и сдержанно кивнул и вслед за Олвином ступил на плавно плывущий тротуар.

Джизирак не проявил ни малейших признаков страха, когда они шли по туннелю, через который вечно дул холодный ветер. Туннель теперь был уже совсем не тот: каменная решетка, преграждавшая доступ во внешний

мир, исчезла. Она не служила никакой конструктивной цели, и Центральный Компьютер по просьбе Олвина убрал ее, не задавая вопросов. Позже он может дать инструкции снова вспомнить про эту решетку и восстановить ее. Но сейчас жерло туннеля, ничем не огражденное и никем не охраняемое, зияющим отверстием выходило прямо на внешнюю стену города.

Джизирак почти подошел к краю пропасти, когда наконец осознал, что внешний мир — вот он, прямо перед ним. Он смотрел на расширяющийся круг неба, и шаги его становились все более и более неуверенными, пока в конце концов ноги не отказались ему служить. Олвин вспомнил, что на этом вот самом месте Алистра просто повернулась и убежала, и подумал — сможет ли он побудить Джизирака пройти немного дальше?

Я прошу тебя только лишь взглянуть, — умолял он наставника, — а не выходить из города. Уж, конечно, это-то ты можешь!

В Эрли, во время своего недолгого пребывания там, Олвин наблюдал однажды, как мать учила своего малыша ходить. Увлекая Джизирака по коридору, он не мог не увидеть аналогии и делал поощряющие замечания по мере того, как его наставник, одну за другой переставлял не повинующиеся ему ноги, помаленьку все-таки продвигаясь вперед. В отличие от Хедрона Джизирак не был трусом. Он был готов бороться со своим предубеждением, но это была борьба отчаяния. Когда Олвину удалось-таки привести Джизирака к той точке, откуда он мог видеть всю ширь пустыни безо всякой помехи, Олвин был измучен едва ли не так же, как и его пожилой спутник.

Тем не менее, оказавшись у самого края, Джизирак был захвачен необычайной красотой пейзажа, так непохожего на все, что ему приходилось видеть на протяжении всем его жизни. Огромное это пространство, покрытое перекатывающимися дюнами, ограниченное по горизонту древними холмами, покорило его.

— Я попросил тебя прийти сюда, поскольку понимаю — у тебя больше, чем у кого-либо другого, прав увидеть, куда привели меня мои блуждания, — сказал Олвин, проговаривая слова быстро, как если бы он был не в силах сдержать нетерпения — Мне хотелось, чтобы ты увидел пустыню, а кроме того, я хочу, чтобы ты стал свидетелем — пусть Совет узнает, что я сделал!

Как я и сказал Совету, этого робота я привел из Лиза в надежде, что Центральный Компьютер будет в состоянии убрать блокировку, установленную на его память человеком, известным под прозвищем Мастер. С помощью какой-то уловки, которой я и до сих пор не понимаю,

Компьютер это сделал. Теперь у меня есть доступ ко всему объему памяти этого робота и ко всем способностям, которые были в него встроены. И вот сейчас одну из этих способностей я и хочу использовать. Гляди!

По беззвучному приказу, о характере которого Джизирак мог только гадать, робот выплыл из отверстия туннеля, набрал скорость и через несколько секунд превратился в далекий, отсвечивающий металлом солнечный блик. Он летел низко над пустыней — над ее песчаными дюнами, которые, словно застывшие волны, заштриховали пустыню косой сеткой гребней... У Джизирака возникло безошибочное впечатление, что робот что-то ищет но вот что именно, он, конечно, и представить себе не мог.

И вдруг с пугающей внезапностью сверкающая крупинка метнулась вверх и замерла в тысяче футов над поверхностью пустыни. Олвин испустил шумный вздох удовлетворения. Он кинул на Джизирака быстрый взгляд, как бы говоря: «Вот оно!»

Не понимая, чего же, собственно, ожидать, Джизирак поначалу не заметил никаких перемен. Но затем, едва веря своим глазам, увидел, как с поверхности пустыни начинает медленно подниматься облако пыли...

Нет ничего более ужасного, чем внезапное движение там, где, как предполагается, движения уже не может быть никогда. И тем не менее ни страх, ни изумление не поразили громом Джизирака, когда дюны стали расступаться. Что-то ворочалось под поверхностью пустыни, неведомый исполин просыпался ото сна, и почти тотчас же до слуха Джизирака донесся гром низвергающейся земли и пронзительный вопль скал, раздираемых неодолимой, исполинской силой. Внезапно гигантский песчаный гейзер взметнулся на тысячу футов и скрыл пустыню из виду...

Медленно пыль стала оседать в рваную рану, зияющую теперь на лице пустыни. Но Джизирак и Олвин по-прежнему пристально всматривались в небо, в пустоте которого только что сиял маленький робот. Лишь теперь Джизирак понял, почему Олвин остался столь безразличным к решению Совета и почему он не выказал ровно никаких чувств, когда его поставили в известность, что подземный путь в Лиз отныне закрыт.

Кора приставшей земли и камней лишь отчасти скрывала гордые очертания корабля, который все еще величественно вздымался из недр разодранной пустыни. Джизирак, не отрывая глаз, наблюдал, как корабль неспешно развернулся в их сторону, мало-помалу превратившись в аккуратный кружок. Затем, столь же неторопливо, кружок этот стал увеличиваться в размерах.

Олвин заговорил — стремительно, словно времени у него уже не

оставалось:

— Этот робот разработали так, чтобы он стал компаньоном и еще и слугой этого самого Мастера. И кроме того, он должен был пилотировать его корабль. Прежде чем сесть в Лизе, он тогда опустился в космопорту Диаспара, который сейчас лежит там, погребенный среди этих песков. Даже в то время порт, в сущности, был уже заброшен. Я думаю, что корабль Мастера был одним из последних, прилетевших тогда на Землю. Перед тем как отправиться в Шалмирейн, Мастер некоторое время жил в Диаспаре — в те времена путь, наверное, был еще открыт для всех. Но корабль ему никогда уже больше не понадобился и все эти тысячелетия ждал, погребенный под песками. Как сам Диаспар, как этот робот, как все, что строители прошлого считали действительно важным, он сохранялся с помощью своих собственных схем Вечности. До тех пор пока у него есть источник энергии, он не может износиться или быть уничтожен. Образ конструкции, во всех ее мельчайших деталях хранящийся в его блоках памяти, никогда не потускнеет, а ведь именно этот образ и контролирует его физическую структуру...

Теперь корабль, направляемый роботом к башне, был уже совсем близко. Джизирак прикинул, что он около ста футов длиной. На заостренном с обоих концов корпусе не видно было ни окон, ни каких-либо других отверстий, хотя, в общем-то, толстый слой земли на обшивке и не позволял утверждать это с полной уверенностью.

Внезапно их обдало пылью, посыпались камешки — это одна из секций корпуса откинулась наружу, и Джизираку удалось бросить взгляд на маленькую, голую каморку шлюза, в дальнем конце которой виднелась дверь. Корабль висел в воздухе в каком-нибудь футе от жерла воздушного туннеля, к которому он приблизился с крайней осторожностью — будто чувствующее, живое существо.

— До свидания, Джизирак, — проговорил Олвин. — Я не могу вернуться в Диаспар, чтобы попрощаться с друзьями. Сделай это за меня, пожалуйста. Передай Эристону и Итании, что я надеюсь скоро вернуться. Если же не вернусь, то пусть знают — я благодарен им за все, что они для меня сделали. И тебе я благодарен, если ты и не одобряешь того, каким образом я воспользовался твоими уроками... Ну а что касается Совета — скажи им, что пути, которые когда-то были открыты, нельзя закрыть, приняв резолюцию!..

Корабль был теперь только темным пятном на фоне неба, а мгновение спустя Джизирак и вообще потерял его из виду. Он не заметил никакого движения, но внезапно с неба обрушилась лавина самых потрясающих

звуков из всех, когда-либо сотворенных человеком, — это был долгий гром падающего воздуха: миля за милей он обрушивался в туннель вакуума, в мгновение ока просверленный в атмосфере.

Джизирак не в силах был сдвинуться с места, даже когда последние отголоски этого грома замерли, потерявшись в пустыне. Он все думал и думал о мальчике, который ушел от него, — ведь для Джизирака Олвин навсегда остался ребенком, да к тому же — единственным, впервые пришедшим в мир Диаспара с тех пор, как был разрушен цикл рождения и смерти — тогда, в незапамятные времена. Олвин не может вырасти. Вся Вселенная была для него просто детской площадкой для игр, увлекательной загадкой, которую надо разгадать ради собственного развлечения. И вот, играя, он нашел себе теперь совершенную смертоносную игрушку, которая в состоянии разрушить все, что еще сохранилось от человеческой цивилизации... Но, каков бы ни был исход, для Олвина это по-прежнему будет только игра...

Солнце уже склонилось низко к горизонту, и над пустыней потянуло ледящим ветром. Но Джизирак все еще ждал, перебарывая страх. И внезапно — впервые в жизни — увидел звезды.

Даже в Диаспаре Олвин не видел такой роскоши, которая открылась его взору, когда внутренняя дверь воздушного шлюза скользнула в сторону. Что бы он там ни представлял из себя на самом деле, уж аскетом-то Мастер явно не был. Лишь несколько позже Олвину пришло в голову, что весь этот комфорт мог и не быть пустой экстравагантностью: маленький мирок корабля был единственным домом Мастера во время его продолжительных скитаний среди звезд.

Нигде не было видно никаких приборов управления, но огромный овальный экран, полностью занимающий дальнюю переборку, указывал, что это помещение — не просто жилая комната. Дугой перед экраном расположились три низких кресла. Остальное пространство комнаты занимали два столика и несколько мягких стульев — некоторые из них, совершенно очевидно, предназначались совсем не для гуманоидов.

Удобно устроившись перед экраном, Олвин огляделся в поисках своего робота. К его изумлению, тот исчез. Но затем он все-таки обнаружил его — в маленьком углублении под закругляющимся потолком: робот уютно устроился в этой нише. Он привел Мастера через пространства космоса на Землю, а затем в качестве слуги проследовал за ним в Лиз. Теперь же, словно и не было всех этих минувших эпох, он изготовился снова выполнять свои старые пилотские обязанности.

Для пробы Олвин подал ему команду, и огромный экран, затрепетав, ожил. Перед ним появилась башня Лоранна, странным образом укороченная и даже, судя по всему, лежащая на боку. Еще несколько команд — и он увидел небо, город и бескрайнее пространство пустыни. Четкость изображения была безупречна, почти ненатурально хороша, хотя, казалось, никакого увеличения и не было. Олвин поэкспериментировал еще некоторое время, пока не наловчился получать именно то изображение, которое ему хотелось бы увидеть. И теперь он готов был начать.

— Перенеси меня в Лиз! — Это, конечно, была команда из простых, но как мог корабль повиноваться ей, если он и сам не имел ни малейшего представления о том, в каком именно направлении лететь? Олвин сначала просто не подумал об этом, а когда сообразил, то корабль уже мчался над пустыней на головокружительной скорости. Олвин пожал плечами, с благодарностью принимая то обстоятельство, что теперь в его распоряжении находится слуга куда более знающий, чем он сам.

Определить масштаб изображения, которое скользило сейчас по экрану, было нелегко, но, судя по всему, ежеминутно они, должно быть, покрывали пространство во много миль. Вскоре после района города цвет поверхности внезапно переменялся на скучно-серый, и Олвин догадался, что теперь они пролетают над ложем древнего океана. Когда-то, видимо, Диаспар стоял совсем рядом с морем, хотя даже в самых древних хрониках об этом не было ни малейшего упоминания. Как ни древен был город, океаны Земли, видимо, безвозвратно высохли еще задолго до его основания.

Через несколько сот миль поверхность резко поднялась и внизу снова потянулась пустыня. В какой-то момент Олвин остановил корабль над странным рисунком из пересекающихся линий, которые неясно прорисовывались сквозь песчаное покрывало. Некоторое время его мучило недоумение, но затем он понял, что под кораблем лежат руины какого-то забытого города. Он не стал здесь задерживаться: было больно думать, что миллиарды людей не оставили никаких следов своего существования, кроме этих вот борозд на песке...

Ровная линия горизонта вскоре стала изламываться, и прорисовались горы, которые, едва он их увидел, уже замелькали под ним. Корабль стал замедляться, опускаясь к земле по огромной пологой дуге длиной в сотни миль. И затем — под ним оказался Лиз, его леса и бесконечные реки, образующие ландшафт такой несравненной красоты, что некоторое время Олвин был просто не в состоянии двигаться дальше. На востоке земля была затенена, и огромные озера стояли лужами еще более темной ночи. Но в направлении на запад воды плясали, струились, сверкали острыми бликами, посылая глазу цвета такой яркости и чистоты, о существовании которых Олвин и не подозревал.

Найти Эрли оказалось нетрудно — и это было к счастью, потому что дальше робот уже не мог вести корабль. Олвин ожидал этого и был даже несколько обрадован тем, что обнаружил хоть какой-то изъян во всемогуществе своего слуги. Было маловероятно, что роботу когда-то приходилось пилотировать корабль с Мастером в Эрли, и поэтому месторасположение деревни и не было зафиксировано в его памяти.

С нескольких попыток Олвин приземлил свой корабль на склоне того самого холма, с которого впервые увидел Лиз. Управлять кораблем оказалось совсем просто — требовалось лишь в самых общих чертах сформулировать желание, а уж робот сам прорабатывал все детали. Олвин подумал, что, по-видимому, робот станет игнорировать опасные или невыполнимые приказы, хотя у него-то не было ни малейшего намерения

отдавать их без особой к тому необходимости.

Олвин был абсолютно уверен, что никто не мог видеть его прибытия. Он считал это обстоятельство достаточно важным, поскольку не испытывал ни малейшего желания снова вступать в телепатическую схватку с Сирэйнис. Планы его все еще были несколько туманны, но он не подвергался никакому риску, пока у него сохранялись дружественные отношения с обитателями Лиза. Робот мог действовать в качестве посла, в то время как сам он оставался бы в безопасности на корабле.

По дороге к Эрли роботу не повстречалось ни одной живой души. Странно это было — сидеть в неподвижном космическом корабле, в то время, как его взгляд без малейших усилий с его стороны скользил по знакомой тропе, а в ушах звучал шепот леса. Он все еще не мог полностью отождествить себя с роботом, и поэтому усилия по управлению им еще приходилось затрачивать немалые.

Почти стемнело, когда он «достиг» Эрли, маленькие домики которого словно бы плавали в озерах света. Робот держался затененных мест и уже почти доплыл до дома Сирэйнис, когда его обнаружили. Внезапно раздался сердитый, высокий жужжащий звук, и поле зрения оказалось закрытым мельтешением крыльев. Олвин невольно отпрянул, но тотчас понял, что произошло. Это Криф снова выражал свою неприязнь ко всему, что летает, не будучи крылатым.

Не желая причинять вреда прекрасному, хотя и безмозглому существу, Олвин остановил робота и, как мог, терпел удары, которые градом сыпались на него. Несмотря на то что он в полном комфорте сидел в миле от места происшествия, он все-таки поеживался и очень обрадовался, когда из дома вышел Хилвар, чтобы выяснить, что тут происходит.

Увидев приближающегося хозяина, Криф отступил, но все еще угрожающе жужжал. Хилвар постоял некоторое время, глядя на робота. А затем улыбнулся.

— Привет, Олвин, — сказал он. — Рад, что ты вернулся. Или ты еще в Диаспаре?

Уже не в первый раз Олвин с некоторой завистью подивился быстроте и точности мышления Хилвара.

— Да нет, — ответил он, отметив при этом, до чего же здорово робот воспроизводит его голос. — Я здесь неподалеку. Но пока останусь на месте.

Хилвар засмеялся:

— Полагаю, что это правильно, Сирэйнис-то тебя простила, но вот Ассамблея... Впрочем, это совсем другая история. Тут, знаешь, сейчас

происходит конференция... первая, которая созвана в Эрли...

— Ты хочешь сказать, что ваши советники лично сюда пожаловали? — удивился Олвин. — А я-то полагал, что личные встречи — с вашими-то телепатическими способностями — совсем необязательны...

— Они происходят — только редко. Бывают случаи, когда общее мнение склоняется к тому, что, пожалуй, стоит и собраться. Точная природа нынешнего кризиса мне неизвестна, но три сенатора уже здесь, а остальные вот-вот прибудут.

Олвин не мог не улыбнуться тому, до какой степени события в Диаспаре и Лизе приняли один и тот же оборот. Куда бы он ни направился, он, похоже, везде теперь оставлял за собой след озабоченности и тревоги.

— Мне представляется, что будет совсем неплохо, если я смогу обратиться к этой вашей Ассамблее... Если только я смогу это сделать, не подвергая себя опасности.

Даже если ты пожелуешь сюда во плоти, это будет вполне безопасно, коли Ассамблея даст обещание не пытаться снова овладеть твоим сознанием, — ответил Хилвар. — А нет — так я бы на твоём месте оставался там, где ты сейчас. Я отведу твоего робота к сенаторам... Ох и расстроятся они, когда его увидят!

Олвин испытал острое чувство возбуждения и радости, когда за Хилваром проследовал в дом. Теперь он встречался с правителями Лиза куда более на равных, нежели прежде. И хотя он и не испытывал к ним никаких мстительных поползновений, все равно приятно было сознавать, что теперь он — хозяин положения, располагающий силами, истинной мощи которых не представлял себе и сам.

Двери комнаты, где происходила конференция, оказались запертыми, и прошло некоторое время, прежде чем Хилвару удалось привлечь внимание находящихся внутри. Сенаторы, казалось, были настолько поглощены своими проблемами, что пробиться в их раздумья представлялось едва ли не безнадежным делом. Но вот стены словно бы неохотно скользнули в стороны, и Олвин быстро вдвинул своего робота в комнату.

Трое сенаторов так и застыли в своих креслах, когда робот подплыл к ним, но на лице у Сирэйнис просквозил лишь едва уловимый след удивления. Возможно, Хилвар уже послал ей предупреждение, а может быть, она и сама ожидала, что рано или поздно Олвин возвратится.

— Добрый вечер, — вежливо произнес Олвин с такой интонацией, будто столь неожиданное и необычное его появление было самым что ни на есть привычным пустяком. — Я решил все-таки вернуться.

Нечего и говорить — их изумление превзошло все его ожидания. Олин

из сенаторов, молодой человек с седеющими волосами, первым пришел в себя.

— Как вы сюда попали? — Он едва мог двигать языком — так был поражен.

Причина такой реакции на появление Олвина представлялась совершенно очевидной. Как и Диаспар, Лиз, должно быть, вывел из строя свою сторону подземной дороги.

— Да, знаете, я и на этот раз прибыл сюда точно так же, как и тогда, — ответил Олвин, не в силах удержаться от соблазна немного повеселиться за их счет.

Двое сенаторов не отрывали глаз от третьего, который развел руками в полном отчаянии, непонимании и беспомощности. Тот самый молодой человек, который заговорил с Олвином, снова восторгался:

— И вы не встретили... никаких... м-м... трудностей?

— Ровно никаких, — ответил Олвин, решивший еще больше усугубить их замешательство. И понял, что своего добился.

— Я вернулся, — продолжал он, — по своей доброй воле и в связи с тем, что у меня есть для вас кое-какие важные новости. Тем не менее, помня о наших былых расхождениях, я в настоящий момент нахожусь вне досягаемости. Если я появлюсь здесь лично — обещаете ли вы не пытаться снова задержать меня?

Некоторое время все молчали, и Олвину было страшно интересно, какими мыслями они обменивались сейчас в этой тишине. Затем от имени всех заговорила Сирэйнис:

— Мы не станем снова пытаться контролировать вас... впрочем, я не думаю, что в прошлый раз мы добились в этом больших успехов...

— Вот и хорошо, — ответил Олвин. — Я прибуду в Эрли как можно быстрее.

Он дождался возвращения робота. Затем тщательнейшим образом проинструктировал его. и даже заставил все повторить. В том, что Сирэйнис не нарушит данного ею слова, он был убежден, но тем не менее хотел обеспечить себе путь к отступлению.

Воздушный шлюз беззвучно закрылся за ним, когда он покинул корабль. Секундой позже раздалось едва слышное шипение — будто кто-то изумленно вздохнул. Несколько мгновений темная тень еще закрывала звезды, и корабль исчез.

И только теперь Олвин с неудовольствием подумал, что все-таки допустил небольшой, но досадный просчет, причем просчет такого рода, что он мог повлечь за собой катастрофическое крушение всех его

замечательных планов. Он упустил из виду, что чувства у робота куда более остры, чем у него самого, а ночь оказалась темнее, чем он ожидал. Не раз и не два он совершенно сбивался с тропы и едва не расшибал себе лоб о стволы деревьев. В лесу царила крошечная тьма, и в один из моментов что-то большое двинулось к нему по кустарнику. Он услышал едва различимое потрескивание сучьев под осторожной лапой, и вот уже на уровне его живота на него уставились два изумрудных глаза. Он негромко окликнул животное, и чей-то невероятно длинный язык лизнул ему руку. Секунду спустя могучее тело уже доверчиво и нежно терлось об него и вдруг беззвучно исчезло. Он и понятия не имел, кто бы это мог быть.

Наконец между деревьями впереди заискрились огни поселка, но их блеск уже не был ему нужен, потому что тропа у него под ногами превратилась теперь в ручеек неяркого голубого огня. Мох, по которому он ступал, светился, а каждый шаг Олвина оставлял темные отпечатки, которые медленно становились неразличимыми. Это было завораживающе красивое зрелище, и, когда Олвин нагнулся, чтобы сорвать пригоршню странного мха, тот еще долго пылал в его ладонях, постепенно угасая.

И снова Хилвар встретил его за порогом дома, и опять представил Сирэйнис и сенаторам. Они приветствовали его с вымученным уважением. И если их и интересовало, куда делся робот, они, во всяком случае, ни словом об этом не обмолвились.

Я искренне сожалею, что мне пришлось покинуть ваш край столь экстравагантным образом, — начал Олвин. — Быть может, вам будет интересно услышать, что вырваться из Диаспара оказалось не легче. — Он сделал паузу, чтобы они смогли в полной мере осознать смысл его слов, а затем быстро добавил: — Я рассказал своим согражданам все о вашей стране и очень старался, чтобы создать у них о вас самое благоприятное впечатление. Но... Диаспар не хочет иметь с вами ничего общего. Что бы я им ни говорил, они просто одержимы своим стремлением избежать осквернения низшей культурой...

Ах, как приятно было ему наблюдать реакцию сенаторов! Даже сдержанная, всегда такая воспитанная Сирэйнис при этих его словах слегка порозовела. Если бы он только смог добиться, подумал Олвин, того, чтобы Лиз и Диаспар преисполнились раздражением друг против друга, то проблема была бы решена больше чем наполовину. Каждый бы так старался доказать превосходство своего образа жизни, что барьерам, разделяющим их, осталось бы жить совсем недолго...

— Почему вы вернулись в Лиз? — спросила Сирэйнис.

— Потому, что мне хочется убедить вас — так же как и Диаспар, —

что вы совершаете ошибку. — Он не стал распространяться о другой причине: здесь у него жил единственный друг, в котором он мог быть уверен и на помощь которого рассчитывал.

Сенаторы пребывали в молчании, ожидая продолжения, и Олвин отлично сознавал, что, слушая их ушами и видя их глазами, за всем, что происходит в этой комнате, сейчас следит огромное число людей. Он был представителем Диаспара, и весь Лиз судит теперь о таинственном городе по тому, что он, Олвин, говорит, по тому, как он ведет себя, по тому, как он мыслит. Это была невероятная ответственность, и он чувствовал себя перед нею таким маленьким... Он собрался с мыслями и заговорил.

Его темой был Диаспар. Он рисовал им город таким, каким увидел его в последний раз. Он описывал город, дремлющий на груди пустыни, возводил его башни, подобно словленным радугам, сверкающие на фоне неба. Из волшебного сундучка памяти он извлекал песни, написанные в честь Диаспара поэтами прошлого, он рассказывал о легионе людей, потратившим долгие жизни, чтобы приумножить красоту города... Никто, говорил он своим слушателям, не в состоянии исчерпать все сокровища города за любой — даже немыслимо долгий — срок. Некоторое время он подробно живописал чудеса, созданные жителями Диаспара. Он старался заставить своих слушателей хотя бы чуть-чуть проникнуться теми красотами, которые были сотворены художниками прошлого к вечному поклонению человека. И сам спрашивал себя — не без некоторого тоскливого чувства, — правда ли, что музыка Диаспара оказалась последним звуком, который человечество послало в звездные дали?

Они дослушали его до конца — не перебивая и не задавая вопросов. Было уже очень поздно, когда он закончил свой рассказ, и он испытывал такую усталость, что хоть с ног вались, Напряжение и все тревожнения долгого дня наконец сказались, и совершенно неожиданно для себя Олвин уснул.

Проснувшись, он обнаружил, что лежит в какой-то незнакомой ему комнате. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что находится не в Диаспаре. По мере того как сознание возвращалось, свет в комнате становился все ярче и ярче и в конце концов все вокруг оказалось залитым мягким сиянием еще по-утреннему прохладного солнца, струящего свои лучи сквозь ставшие теперь прозрачными стены. Олвин нежился в блаженной полудреме, вспоминая события минувшего дня, и размышлял над тем, какие же силы он привел теперь в движение.

С тихим мелодичным звуком одна из стен стала подниматься, сворачиваясь при этом настолько сложным образом, что сознание было не в

силах схватить его. Через образовавшийся проем в комнату ступил Хилвар. Он глядел на Олвина с выражением удовольствия и вместе с тем озабоченности.

— Ну, раз уж ты проснулся, — начал он, — то, может, ты хоть мне наконец скажешь, как это тебе удалось вернуться сюда и что ты собираешься делать дальше? Сенаторы как раз отправляются посмотреть на подземку. Они никак не могут взять в толк, как это тебе удалось использовать ее для возвращения... Ты что, и в самом деле приехал на ней?

Олвин спрыгнул с постели и сладко потянулся.

— Наверное, их лучше перехватить, — сказал он. — Мне не хочется, чтобы они тратили время попусту. Ну а что касается твоего вопроса, то скоро я покажу тебе... м-м... ответ.

Они дошли почти до самого озера, прежде чем догнали троих сенаторов. Обе стороны обменялись натянутыми приветствиями. Депутация расследователей поняла, что Олвину известна цель их похода, и неожиданная эта встреча, совершенно очевидно, несколько смутила сенаторов.

— Боюсь, что вчера вечером я до некоторой степени ввел вас в заблуждение, — весело обратился к ним Олвин. — В Лиз я возвратился вовсе не старым маршрутом, так что ваши старания запечатать его оказались совершенно ненужными. Откровенно говоря, Совет в Диаспаре тоже закрыл этот путь со своего конца — и с таким же успехом...

По лицам сенаторов — по мере того как они перебирали в уме один за другим варианты решения этой загадки — можно было бы изучать, что это такое — полное, до онемения, изумление.

— Но как же тогда... как же вы здесь очутились? — задал вопрос предводитель. Внезапно во взгляде у него пробудилась догадка, и Олвин понял, что он начинает подбираться к истине. Уж не перехватил ли сенатор ту мысленную команду, которую я послал туда, к горной гряде? — подумалось Олвину. Он, однако, не произнес ни слова и только молча указал рукой на северную часть неба.

Глаз едва мог уследить за тем, как серебряная стрела света прочертила дугу над вершинами гор, оставив за собой многомильный след инверсии. В двадцати тысячах футов над Лизом она остановилась. Ей вовсе не понадобилось торможением гасить свою колоссальную скорость. Она остановилась мгновенно, и глаз, следовавший за ней, по инерции прочертил дугу еще до четверти небосклона, прежде чем сознание ненужности этого смогло остановить его движение. С высоты обрушился чудовищный удар грома — это взревел воздух, смятый движением корабля.

Прошло еще немного времени, и сам корабль, празднично сверкая в солнечном свете, опустился на склон холма в какой-нибудь сотне футов от них.

Трудно было сказать, кого это поразило больше, но Олвин первым пришел в себя. Когда они шли — почти бежали — к кораблю, он все думал: всегда ли это создание рук человеческих движется с такой метеоритной скоростью? Мысль эта его тревожил хотя, когда он сам летел в корабле, быстрота его движения вообще не ощущалась. Значительно более загадочным, однако, было то, что еще позавчера это блистательное создание человеческого гения лежало, скрытое под мощным слоем твердой, как сталь, скальной породы, остатки которой оно еще сохраняло на себе, когда вырвалось из объятий пустыни. Возле кормы и сейчас еще налипли следы земли, спекшиеся в лавовую корку. Все остальное было снесено движением, и обнажился упрямый корпус, который не поддался ни времени, ни разрушительным силам природы.

Вместе с Хилваром Олвин ступил в раскрывшийся шлюз и обернулся к застывшим, потерявшим дар речи сенаторам. Его очень интересовало, о чем они сейчас думают, о чем, в сущности, думает сейчас весь Лиз. Выражение на лицах сенаторов, однако, было таким, что казалось — им в этот момент вообще не до того, чтобы над чем-то размышлять.

— Я отправляюсь в Шалмирейн и возвращусь в Эрли что-нибудь через часок, — сказал Олвин. — Но это только начало, и, пока я буду там, мне хотелось бы, чтобы вы поразмыслили над одним обстоятельством.

Дело в том, что это — не какой-то обычный флайер, на которых люди когда-то путешествовали в пределах своей планеты. Это — космический корабль, один из самых быстрых, которые когда-либо были построены. Если вам интересно узнать, где, я его обнаружил, то вы можете найти ответ в Диаспаре. Но для этого вам придется отправиться туда самим, потому что Диаспар никогда не придет к вам первым.

Он повернулся к Хилвару и подтолкнул его к внутренней двери. Тот колебался всего какое-то мгновение. Полуобернувшись, он кинул прощальный взгляд на холм, на траву, на небо — все это такое знакомое — и прошел внутрь.

Сенаторы глаз не отрывали от корабля, пока он — на этот раз достаточно медленно, поскольку путь предстоял близкий — не исчез на юге. Затем седеющий молодой человек, который предводительствовал группе, с видом философского смирения пожал плечами и повернулся к одному из своих коллег:

— Вы всегда были против того, чтобы мы стремились к каким-то

переменам, И до сих пор последнее слово всегда оставалось за вами. Но теперь... я не думаю, что будущее — за какой-то одной из наших фракций. И Лиз и Диаспар — они оба завершили некий этап своего развития, и вопрос заключается в том, как наилучшим образом воспользоваться создавшейся ситуацией.

— Боюсь, вы правы, — последовал угрюмый ответ. — Мы вступили в полосу кризиса, и Олвин знал, что говорит, когда настаивал, чтобы мы отправились в Диаспар. Они теперь знают о нашем существовании, так что таиться больше нет никакого смысла. Мне представляется, что нам лучше все-таки войти в контакт с нашими двоюродными братьями. Весьма возможно, что мы найдем их стремящимися к сотрудничеству в куда большей степени, чем прежде...

— Но ведь подземка закрыта с обоих концов...

— Мы можем распечатать наш. И пройдет не так уж много времени, прежде чем Диаспар сделает то же самое...

Сенаторы — и те, что находились в Эрли, и остальные, рассеянные по всей территории Лиза — взвесили это предложение и всей душой невзлюбили его. Но иного выхода, похоже, просто не было.

Росток, высаженный Олвином, начал расцветать быстрее, чем можно было надеяться.

Горы еще зябли в тени, когда корабль достиг Шалмирейна. С высоты, на которой они находились, огромная чаша крепости выглядела совсем крохотной. Казалось просто невероятным, что когда-то от этого вот черного как ночь кружка зависели судьбы Земли.

Как только Олвин приземлил корабль среди развалин на берегу озера, леденящая душу атмосфера одиночества и заброшенности охватила его. Он открыл шлюз, и тотчас же мертвая тишина этого странного места просочилась внутрь корабля. Хилвар, который за все время этого короткого путешествия едва ли вымолвил больше дюжины слов, негромко обратился к Олвину: «Почему ты снова пришел сюда?»

Олвин молчал, пока они не добрались до кромки воды. И только тут он отозвался:

— Мне хотелось показать тебе, что это за корабль... И еще я надеялся, что полип, возможно, снова существует... У меня такое ощущение, что я перед ним в долгу, и мне очень хочется рассказать ему о том, что я открыл.

— В таком случае тебе придется подождать, — сказал Хилвар — Ты возвратился слишком рано.

Олвин был готов к такому повороту дела. Возможность того, что полип жив, была слишком уж слаба, и Олвин не особенно огорчился тем,

что его ожидания обмануты. Воды озера лежали совершенно спокойно, в них больше уже не бился тот напряженный пульс, что так поразил их в первое посещение. Олвин опустил на колени возле воды и стал вглядываться в холодную, темную глубину.

Крохотные полупрозрачные колокольчики, за которыми тянулись почти невидимые хвостики, медленно перемещались в разных направлениях под самой поверхностью. Он опустил ладонь в воду и зачерпнул один такой колокольчик, И тотчас же выплеснул его обратно, ойкнув: колокольчик его стрекнул.

Придет день — возможно, через несколько лет, а то и столетий, — и эти вот безмозглые кусочки протоплазмы снова соберутся вместе, я снова народится огромный полип, его сознание пробудится к существованию, и память возвратится к нему. Было бы интересно узнать, как примет это существо все, что ему, Олвину, удалось узнать... Быть может, ему будет не слишком приятно услышать правду о Мастере... В сущности, оно, возможно, даже не захочет признаться самому себе в том, что все эти столетия и столетия терпеливого ожидания прошли совершенно бесцельно...

Но — бесцельно ли? Хотя полип и был обманут, но ведь его столь долгое бдительное терпение оказалось теперь вознаграждено. Чуть ли не чудом он спас из забвения прошлого знание, которое иначе было бы безвозвратно утрачено... Теперь это существо, распавшееся на клетки, сможет, наконец, отдохнуть, а его символ веры отправится туда, где почтили миллионы других верований, полагавших себя вечными...

В задумчивом молчании шли Хилвар с Олвином обратно, к ожидавшему их кораблю. Как только они взлетели, крепость стала темной тенью среди холмов, она быстро сокращалась в размерах, пока не превратилась в странный черный глаз без век, обреченный на пристальный, вечный взгляд вверх, в пространство, — и вскоре они потеряли его в огромной панораме Лиза.

Олвин ровным счетом ничего не делал для управления кораблем. И все же они поднимались и поднимались, пока весь Лиз не распростерся под ними — зеленым островом в охряном море. Никогда прежде Олвин не забирался так высоко. Когда наконец корабль замер, внизу под ними полумесяцем лежала теперь вся Земля, Лиз отсюда выглядел совсем крошечным — изумрудное пятнышко на ржавом лине пустыни. А далеко, у самого закругления этого полуосвещенного шара, что-то сверкало, будто рукотворный драгоценный камень. Таким Хилвар впервые увидел Диаспар.

Они долго сидели, наблюдая, как Земля проворачивается под ними. Из всех древних способностей человека любопытство, без сомнения, было тем, что он меньше всего мог позволить себе утратить. Олвину хотелось бы показать властителям в Лизе и Диаспаре весь этот мир — таким, каким он видел его сейчас.

— Хилвар, — наконец проговорил он, — а ты уверен, что то, что я делаю, — правильно?

Вопрос этот удивил Хилвара, который и понятия не имел о тех внезапных сомнениях, что временами накатывали на его друга, да и, кроме того, он еще не знал о встрече Олвина с Центральным Компьютером и о том впечатлении, который эта встреча наложила на его сознание. Не такой это был легкий вопрос, чтобы ответить на него бесстрастно. Как и Хедрон, хотя и с меньшим основанием, Хилвар чувствовал, что его собственное «я» тонет в личности Олвина. Его безнадежно засасывало в водоворот, который Олвин оставлял за собой на своем пути по пространству и времени.

— На мой взгляд, ты прав, — медленно проговорил Хилвар. — Наши два народа были разделены слишком долгое время... — Это ведь правда, подумалось ему, хотя он и понимал, что личные его ощущения все еще противоречат такому ответу. Но Олвин не успокоился.

— Есть еще одна проблема, которая меня волнует, — обеспокоенно сказал он. — Различие в длительности наших жизней. — Он не добавил

больше ни слова, но оба они в этот момент знали, о чем именно думает сейчас друг.

— Меня это тоже тревожит, — признался Хилвар. — Но мне кажется, что к тому времени, как наши народы смогут снова хорошо узнать друг друга, проблема эта разрешится сама собой. Мы оба можем оказаться правы: пусть наши жизненные циклы слишком коротки, но зато ваши, без сомнения, чересчур уж длинны. В конце концов будет найден какой-то компромисс...

Олвин задумался над этим. В самом деле, единственную надежду следовало искать только в этом направлении, однако столетия переходного периода конечно же будут очень сложными. Он снова припомнил горькие слова Сирэйнис: «И он и я будем мертвы уже целые столетия, в то время как вы будете еще молодым человеком...» Что ж, хорошо: он примет эти условия. Даже в Диаспаре все дружеские связи развивались в тени того же самого — сотня ли лет, миллион ли, в конце концов это не имело значения.

С уверенностью, которая выходила за пределы логики, Олвин знал, что благополучие народа требовало сосуществования двух культур. В этом случае индивидуальное счастье окажется на втором плане. На момент человечество представилось Олвину чем-то куда более драгоценным, нежели как просто фон его собственного бытия. И он без колебаний принял ту долю личных потерь, которую, наступит день, принесет ему сделанный им выбор.

Мир пол ними продолжал свое бесконечное вращение. Чувствуя настроение друга, Хилвар молчал, пока наконец Олвин сам не нарушил устоявшуюся тишину.

— Когда я в первый раз ушел из Диаспара, я и понятия не имел — а что же я надеюсь найти? — сказал он. — Тогда меня вполне мог удовлетворить Лиз, и он меня и удовлетворил, но теперь все на Земле кажется таким маленьким... Каждое сделанное мною открытие вызывало все более серьезные вопросы, открывало более широкие горизонты... Где, где все это кончится?..

Никогда еще Хилвар не видел своего друга таким задумчивым, и ему не хотелось мешать этой погруженности в самого себя. За последние несколько минут он очень многое узнал о друге.

— Робот сказал мне, что этот корабль может достичь Семи Солнц меньше чем за день, — сказал Олвин. — Как ты считаешь — отправиться мне туда?

— А ты что же — полагаешь, что мне удастся тебя отговорить? — вопросом же негромко ответил Хилвар.

Олвин улыбнулся:

— Это не ответ. Кто знает, что именно лежит там, в пространстве? Может, Пришельцы и покинули Вселенную, но в ней могут найтись и другие разумные существа, враждебные Человеку...

— Да с какой же стати им быть враждебными? — поразился Хилвар — Эту проблему наши философы обсуждали на протяжении веков. По-настоящему разумная раса просто не может быть враждебной разуму.

— Но Пришельцы...

— Они — загадка, я согласен, Если они действительно были злобны, то к настоящему времени наверняка уже уничтожили сами себя. Но даже если этого и не произошло... — Хилвар указал на бесконечные пустыни под кораблем: — Когда-то у нас была Галактическая Империя. Что есть у нас теперь такое, что им хотелось бы захватить?

Олвин был несколько удивлен, что вот нашелся и еще один человек, исповедующий точку зрения, так близко подходящую к его собственной.

И что — весь ваш народ думает так же? — поинтересовался он.

— Да нет, только меньшинство... Средний человек над всем этим просто не задумывается. Но спроси такого — и он наверняка скажет, что если бы Пришельцы и в самом деле хотели уничтожить Землю, они сделали бы это уже давным-давно... Мне как-то не кажется, что хотя бы кто-то боится их и на самом деле...

— В Диаспаре все совсем по-другому, — вздохнул Олвин. — Мои сограждане — безумные трусы. Они ужасаются при одной мысли о том, что можно выйти за пределы городских стен, и я просто не представляю себе, что с ними станет, когда они проведуют о моем космическом корабле. Джизирак сейчас уже, конечно, обо всем рассказал Совету... Хотелось бы мне знать, что они предпринимают...

— Это-то я могу тебе сказать! Сейчас они готовятся принять первую делегацию из Лиза. Мне только что сказала об этом Сирэйнис.

Олвин снова посмотрел на экран. Сам он мог в мгновение ока покрыть расстояние между Лизом и Диаспаром. Одна из целей. была достигнута, но теперь это уже не казалось таким уж важным. И все же он был очень рад. Уж теперь-то окончатся долгие века стерильной изоляции...

Сознание, что он добился успеха в том, что когда-то было его главной миссией, выветрило из головы последние сомнения. Здесь, на Земле, он исполнил свое дело быстрее и тщательнее, чем мог надеяться поначалу. Был открыт путь к тому, что могло бы стать его последним и уж конечно самым выдающимся предприятием.

— Отправишься со мной? — спросил он, отлично сознавая, чего

именно просит.

Хилвар пристально посмотрел на него.

— Мог бы и не спрашивать, — ответил он. — Я сообщил маме и всем друзьям, что улетаю с тобой, — и было это добрый час назад!

— Они находились очень высоко, когда Олвин закончил отдавать роботу последние распоряжения. Корабль к этому времени почти остановился, и Земля лежала в тысяче миль под ним, едва не закрывая все небо. Вид у нее был какой-то неуютный. Олвину подумалось о том, сколько кораблей в прошлом висели вот тут некоторое время, прежде чем продолжить свой путь...

Пауза затянулась, как если бы робот тщательнейшим образом проверял все органы управления и многочисленные электрические цепи, которыми не пользовались на протяжении целых геологических эпох. Затем раздался какой-то очень слабый звук — первый, который услышал Олвин от этой машины. Это было едва различимое пение, оно быстро меняло тональность — от октавы к октаве, забираясь все выше и выше, и вот уже ухо было не в силах его воспринимать. Они не ощутили никакого изменения в движении корабля, но внезапно Олвин обратил внимание, что звезды поплыли по экрану. Снова появилась Земля — и откатилась назад... появилась опять, но уже в другом ракурсе. Корабль охотился за своим курсом, крутясь в космосе, как крутится стрелка компаса, когда она ищет север. В течение нескольких минут небеса рыскали вокруг них, пока, наконец, корабль не остановился — гигантский снаряд, нацелившийся на звезды.

В самом центре экрана во всем своем радужном великолепии лежали теперь Семь Солнц. От Земли остался лишь самый краешек — темный серпик месяца, отороченный золотом и пурпуром заката. Олвин понимал, что сейчас происходит что-то, выходящее за пределы его опыта. Он ждал, вцепившись в подлокотники кресла. Секунды капали одна за другой, а на экране сияли Семь Солнц.

Ни звука не раздалось, когда произошел этот внезапный рывок, который на миг замутил зрение, но Земля исчезла, словно бы чья-то гигантская рука просто смела ее с небосвода. Они оказались одни в космосе — только они и звезды, да странно съезжившееся Солнце. Земля пропала, будто ее никогда и не было. Снова такой же рывок, но на этот раз послышался и едва уловимый звук, как будто бы только вот сейчас генераторы корабля отдали движению более или менее заметную долю своей энергии. И все же какую-то секунду еще казалось, что ничего не произошло. Но почти тотчас же Олвин осознал, что исчезло и Солнце, а звезды медленно ползут назад вдоль корпуса корабля. Он обернулся на

мгновение и — ничего не увидел. Все небо в задней полусфере просто исчезло, сметенное тьмой. Он успел заметить, как звезды срываются в эту тьму и гаснут, будто искры, падающие в воду. Корабль двигался теперь со скоростью, куда большей, чем скорость света, и Олвин понял, что родной мир Земли и Солнца им с Хилваром уже не принадлежит.

Когда этот внезапный, головокружительный рывок произошел в третий раз, сердце у него почти остановилось. Странное затемнение зрения теперь стало очевидно: на какой-то момент все окружающее, казалось, до неузнаваемости изменило свои очертания. Откуда оно — это искажение, Олвин понял в каком-то озарении, происхождение которого он не мог бы объяснить. Мир искривился на самом деле, это не были шутки зрения. Пронизывая тонкую пленку настоящего, Олвин каким-то образом схватывал основные черты перемен, происходящим вокруг него в пространстве.

И в этот миг шепот генераторов превратился в рев потрясающей силы. Звук этот был в особенности страшен, потому что генераторы корабля зашлись в протесте в первый раз за все это время. Почти тотчас же все и кончилось, и внезапно наступившая тишина, казалось, зазвенела в ушах. Устройства, приводящие корабль в движение, сделали свое дело: теперь они уже не понадобятся до самого конца путешествия. Звезды впереди сияли бело-голубым огнем и пропадали в ультрафиолете. И все же, благодаря какому-то чуду природы или науки, Семь Солнц видны были по-прежнему, хотя теперь их расположение и цвет все-таки слегка изменились. Корабль стремглав неся к ним сквозь туннель черноты, за пределами пространства, за пределами времени, и скорость его была слишком громадной, чтобы человеческий разум мог ее оценить.

Было трудно поверить, что их вышвырнуло из Солнечной системы со стремительностью, которая, если ее не обуздать, скоро пронесет корабль через самое сердце Галактики и выбросит в неимоверно пустынные и темные пространства за ее пределами. Ни Олвин, ни Хилвар ни могли оценить всей громадности своего путешествия; величественные саги о межзвездных странствиях совершенно переменили взгляд Человека на Вселенную, и даже сейчас, спустя миллионы столетий, древние мифы еще не совсем умерли. Существовал когда-то корабль, шептала легенда, который совершил кругосветное путешествие по космосу за время от восхода до заката Солнца. Все эти миллиарды миль, разделяющие звезды, не значили ровно ничего перед такой скоростью. Вот почему для Олвина этот полет был лишь чуть-чуть более грандиозным, чем его первая поездка в Лиз.

Именно Хилвар вслух выразил их общую мысль при виде того, как Семь Солнц впереди исподволь набирают яркость.

— А ведь такое вот их расположение не может быть естественным, — задумчиво проговорил он.

Олвин кивнул:

— Я думал над этим на протяжении многих лет, но даже сама мысль о такой возможности все еще представляется мне фантастической...

— Возможно, эту систему создали и не люди, — согласился Хилвар, — но все же она должна быть творением разума. Природе никогда бы не сотворить такое вот совершенное кольцо из звезд равной яркости. И в видимой части Вселенной нет ничего похожего на Центральное Солнце.

— Но... зачем же это понадобилось?..

— О, можно придумывать сколько угодно причин! Вдруг это сигнал, чтобы любой корабль, проникающий в нашу Вселенную, знал, где искать жизнь... Или — указание на расположение центра галактической администрации... Или, может быть, — и я почему-то склоняюсь к тому, что так оно и есть, — это просто самое величественное из всех произведений искусства. Но что толку-то — размышлять об этом сейчас? Мы же через несколько часов все равно узнаем истину...

«Узнаем истину»... Очень может быть, подумалось Олвину, но вот — какую часть ее? Казалось странным, что сейчас, когда он покидал Диаспар — а в сущности, и самую Землю — со скоростью, выходящей далеко за пределы самого смелого воображения, его разум обращался ни к чему-нибудь, а к самой тайне его собственного происхождения. Но, возможно, это было и не столь уж удивительно... Ведь с тех самых пор, как впервые попал в Лиз, он действительно узнал очень многое, но до сих пор у него и минутки свободной не было, чтобы спокойно предаться размышлениям.

А сейчас ему не оставалось ничего другого, кроме как сидеть и ждать. Его непосредственным будущим управляла чудесная машина — без сомнения, одно из самых высоких достижений инженерной мысли во все времена, — которая несла его в самый центр Вселенной. Момент для размышлений и анализа, хотел он того или нет, наступил именно теперь. Но сначала он расскажет Хилвару обо всем, что произошло с ним с момента его торопливого отбытия двумя днями прежде...

Хилвар выслушал одиссею безо всяких комментариев и не требуя разъяснений. Казалось, он тотчас схватывает все, что говорит ему Олвин, и он не выказал ни малейшего удивления даже тогда, когда друг рассказал о своей встрече с Центральным Компьютером и о той операции, которую мозг города произвел с сознанием робота. Это, конечно, вовсе не означало,

что он был не способен удивляться. Просто известная ему история прошлого изобиловала чудесами, вполне сравнимыми с любым эпизодом из истории Олвина.

— Мне совершенно ясно, что Центральный Компьютер получил насчет тебя какие-то специальные инструкции — еще когда его только построили, — сказал Хилвар, едва Олвин завершил свое повествование. — Теперь-то ты должен бы уже догадаться почему.

— Мне кажется, я знаю... Часть ответа сообщил мне Хедрон, когда объяснил, каким образом люди, разработавшие концепцию Диаспара, предусмотрели все, чтобы предотвратить его упадок...

— Выходит, по-твоему, что и ты сам, и другие Неповторимые, которые были еще до тебя, все вы — часть какого-то социального механизма, который предотвращает полный застой? Так что, если Шуты — это только кратковременные корректирующие факторы, то ты и тебе подобные должны работать на долгую перспективу?

Хилвар выразил эту мысль лучше, чем мог бы и сам Олвин, и все же это было совсем не то, что пришло ему в голову.

— Да нет, я убежден, что истина-то куда более сложна. Очень уж похоже на то, что, когда город еще только строился, произошло столкновение мнений между теми, кто хотел совершенно отгородить его от остального мира, и теми, кто выступал за некоторые контакты Диаспара с этим миром. Победила первая группировка, но те, другие, не захотели признать своего поражения. И вот, мне кажется, Ярлан Зей был, должно быть, одним из их лидеров, только он был недостаточно могущественным, чтобы выступить в открытую. Он сделал все, что мог, оставив под земку в рабочем состоянии и предусмотрев, чтобы через долгие интервалы времени кто-то выходил из Зала Творения с психологией человека, ни в малейшей степени не разделяющего страхов своих сограждан. В сущности-то мне вот что интересно... — Олвин остановился, и глаза его затуманились мыслью до такой степени, что какое-то время он, похоже, просто не отдавал себе отчета в окружающем.

— Ты о чем задумался? — спросил Хилвар.

— Мне просто пришло в голову... может быть, я и есть Ярлан Зей? Это, знаешь, вполне возможно... Он мог внести матрицу своей личности в Хранилища Памяти и возложить на нее задачу взломать форму Диаспара, прежде чем она закостенеет. Придет день, когда я должен буду выяснить, что же случилось с теми, предыдущими Неповторимыми. Это ведь помогло бы стереть множество белых пятен в общей картине...

— И Ярлан Зей — или кто бы это ни был — также проинструктировал

Центральный Компьютер оказывать Неповторимым помощь, когда бы они ни появлялись, — задумчиво произнес Хилвар, следуя линии его логики.

Вот именно! Ирония же заключается в том, что я мог получить всю необходимую информацию прямо от Центрального Компьютера и мне не нужно было бы потрошить беднягу Хедрона. Мне-то Центральный сообщил бы гораздо больше, чем то, что он когда-либо рассказывал Шуту. Но все-таки Хедрон сэкономил для меня бездну времени и научил многому, до чего я сам никогда бы не додумался...

— Твоя гипотеза вроде бы и объясняет все известные факты, — осторожно сказал Хилвар. — К несчастью, она все еще оставляет открытой самую глубокую проблему из всех — изначальную цель создания Диаспара. Почему вот ваши люди склонны считать, что внешнего мира просто не существует? Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

— Я как раз и собираюсь на него ответить, — сказал Олвин. — Только вот не знаю — когда и как...

И так они спорили и мечтали, в то время как час за часом Семь Солнц расплывались в стороны, пока кольцо их не обрисовало внешние обводы этого странного туннеля ночи, в котором мчался корабль. Затем одна за другой наружные звезды исчезли на грани черноты, и, наконец, в центре экрана осталось только среднее солнце Семерки. Хотя корабль все еще пронизывал не его пространство, среднее светило уже сияло тем жемчужным огнем, который выделял его из всех остальных звезд. Яркость его увеличивалась с каждой минутой, пока, наконец, оно из точки не превратилось в крохотный жемчужный диск... И этот диск принялся увеличиваться в размерах.

Раздалось кратчайшее из кратких предупреждение: на какое-то мгновение в корабле завибрировала глубокая, колокольного тона нота. Олвин стиснул подлокотники кресла — движение это было достаточно бессмысленным.

И снова взорвались жизнью гигантские генераторы, и с внезапностью, которая почти ослепила, на небе появились все его звезды. Корабль снова выпал в пространство, снова появился во Вселенной солнц и планет, в естественном мире, где ничто не может двигаться быстрее света.

Они оказались уже внутри системы Семи Солнц — огромное кольцо разноцветных шаров теперь явно доминировало в черноте космоса. Но разве можно было назвать это чернотой! Звезды, которые были им знакомы, все привычные созвездия куда-то пропали. А Млечный Путь теперь уже не рисовался слабой полоской тумана на одной стороне небосвода. Он гордо пролегал теперь в самом центре Мироздания, и широкое его полотно

делило Вселенную надвое.

Корабль все еще очень быстро двигался в направлении Центрального Солнца, а шесть остальных звезд системы были словно разноцветные маяки, расставленные кем-то по небу. Неподалеку от ближайшей из них просматривались крохотные искорки планет — должно быть, планеты эти были неимоверных размеров, если их было видно с такого расстояния.

Причина туманного, а потому и жемчужного свечения Центрального Солнца была теперь очевидна: гигантскую звезду окутывала газовая оболочка, она смягчала излучение и придавала ему характерный цвет. Глаз едва различал эту газовую туманность, и вся она была словно бы изломана, но как именно — невозможно было решить. Но оболочка была, и чем дольше на нее смотреть, тем протяженнее она представлялась.

— Ну, Олвин, у нас с тобой теперь достаточно миров, чтобы сделать выбор, — засмеялся Хилвар. — А может, ты нацелился исследовать их все?

— К счастью, в этом нет необходимости. Если мы только сможем где-то войти в контакт, то получим всю нужную нам информацию. Знаешь, логично, наверное, будет направиться к самой большой планете Центрального Солнца...

— Если только она не слишком уж велика. Я слышал, что некоторые планеты так огромны, что человек просто не может на них ступить — его собственный вес раздавит...

— Да навряд ли здесь есть что-нибудь подобное. Понимаешь, я уверен, что вся эта система полностью искусственная. Во всяком случае, мы же еще с орбиты сможем увидеть, есть ли на планете города и деревни.

Хилвар кивнул в сторону робота:

— Эта проблема решена. Проводник-то наш здесь ведь уже бывал... Он ведет нас домой, и мне хотелось бы узнать, о чем он в связи с этим думает.

Олвину это тоже пришло в голову. Но возможно ли, не бессмыслица ли, чтобы робот испытывал хоть что-нибудь, напоминающее человеческие чувства, пусть даже он и возвращался — после столь долгого отсутствия — к древнему дому своего хозяина?

Ни разу за все время с тех пор, как Центральный Компьютер снял блокировку, делавшую робота немым, машина не выказала ни малейшего признака эмоциональности. Робот отвечал на вопросы и повиновался командам, но истинное его «я» было для Олвина за семью печатями. А в том, что робот все-таки был личностью, Олвин был уверен. Иначе он не испытывал бы того туманного ощущения вины, которое охватывало его всякий раз, когда он вспоминал уловку, на которую попался робот.

Этот интеллект по-прежнему верил во все, чему научил его Мастер, хотя и видел, как тот «ставил» свои «чудеса» и лгал пастве. Странно, что эти неудобные факты не поколебали его преданности. По-видимому, он был способен — как и многие человеческие существа до него — примирять два противоречащих друг другу ряда фактов.

Теперь он прослеживал свои воспоминания в обратном направлении — к источнику их происхождения.

...Почти потерявшись в сиянии Центрального Солнца, лежала бледная искорка, вокруг которой поблескивали уж совсем крохотные миры. Необъятное по масштабам путешествие приближалось к концу. Через короткое время Олвину и Хилвару станет известно, не проделали ли они его впустую.

Планета, к которой они приближались, находилась теперь от них всего в нескольких миллионах миль — красивый шар, испещренный многоцветными пятнами света. На ее поверхности нигде не могло быть темноты, потому что, по мере того как планета поворачивалась под Центральным Солнцем, по ее небу чередой проходили все другие светила системы. И теперь Олвин с предельной ясностью понял значение слов умирающего Мастера: «Как славно смотреть на цветные тени на планетах Вечного Света!»

Они были уже так близко, что различали континенты, океаны и слабую вуаль атмосферы. В очертаниях суши и водоемов тревожило что-то загадочное, и они тотчас же уловили, что границы тверди слишком уж правильны. Континенты этой планеты были теперь совсем не такими, какими создала их природа, — но сколь ничтожной задачей было это преобразование мира для тех, кто построил его солнца!

— Да ведь это вовсе и не океаны! — внезапно воскликнул Хилвар. — Гляди, на них видны какие-то отметины...

Только когда планета совсем приблизилась, смог Олвин ясно рассмотреть, что именно имел в виду его друг. Он заметил слабые полоски, какие-то штрихи вдоль границ континентов — далеко в глубине того, что он принял за океаны. Он, приглядевшись и тотчас же исполнился сомнением, потому что значение таких же вот линий было ему слишком хорошо известно. Он уже видел такие же раньше — в пустыне за пределами Диаспара, и они теперь сказали ему, что путешествие к планете оказалось напрасным...

— Она такая же сухая, как и Земля! — упавшим голосом выдохнул Олвин. — Вся ее вода исчезла... вон те черточки — это полосы соли, там испарялись моря...

— Они никогда бы этого не допустили, — отозвался Хилвар. — Полагаю, что в конце концов мы опоздали...

Разочарование было таким горьким, что Олвин просто не решался заговорить снова, боясь, что голос выдаст его, и только молча смотрел на огромный мир под собой. С поражающей воображение величиестью проворачивалась планета под кораблем, ее поверхность медленно поднималась им навстречу. Теперь были уже видны и здания — крохотные белые инкрустации всюду, кроме дна океанов...

Когда-то этот мир был центром Вселенной. Ныне же он замер, его воздушное пространство пустовало, и на поверхности не было видно спешащих точек, свидетельствующих о том, что здесь кипит жизнь... И все же корабль по-прежнему неуклонно скользил над этим застывшим каменным морем, которое то там, то здесь собиралось в огромные волны, бросающие вызов небу.

В конце концов корабль остановился, как если бы робот внезапно отыскал в памяти то, что нужно, добравшись до самых ее глубин. Под ними высилась колонна из снежно-белого камня, вздымающаяся из самого центра невероятных размеров амфитеатра. Олвин немного подождал. Корабль оставался неподвижным, и тогда он приказал роботу приземлить его у подножия колонны.

Даже до этого вот момента Олвин втайне еще надеялся обнаружить на планете жизнь. Надежда исчезла, едва был открыт воздушный шлюз. Никогда прежде, даже в уединении Шалмирейна, не обволакивала их такал вот всепоглощающая тишина. На Земле всегда можно было уловить шорох голосов, шевеление живых существ или же, на худой конец, хотя бы вздохи ветра. Здесь ничего этого не было и уже не будет никогда.

— Почему ты привел нас именно на это место? — спросил Олвин у робота. Сам по себе ответ мало его интересовал — просто инерция исследования все еще несла его, хотя он и потерял всякое желание продолжать поиск.

— Мастер покинул планету именно отсюда, — ответил робот.

— Такого вот объяснения я и ожидал, — удовлетворенно сказал Хилвар. — Неужели до тебя не доходит ирония происходящего? Он бежал с этого мира всеми оплеванный — а теперь посмотри только на этот вот мемориал, который воздвигли в его честь!

Каменная колонна, возможно, в сотню раз превышала рост человека и стояла в центре металлического кольца, слегка приподнятого над уровнем равнины. Она была совершенно гладкая и без каких бы то ни было надписей. Сколько же времени, подумалось Олвину, собирались здесь околпаченные этим Мастером, воздавая ему почести? И узнали ли они, что он умер в изгнании на далекой Земле?

Все это теперь не имело никакого значения. И сам Мастер, и его паства были погребены вечностью.

— Выйди, — настойчиво приглашал Хилвар, пытающийся вывести Олвина из этого подавленного состояния. — Ведь мы же половину Вселенной пересекли, чтобы увидеть это место. Уж по крайней мере, ты мог бы сделать над собой усилие и выйти наружу.

Против своего желания Олвин улыбнулся и вслед за Хилваром прошел воздушный шлюз. Но когда он оказался снаружи, настроение его стало мало-помалу подниматься. Даже если этот мир и оказался мертв, в нем должно найтись немало интересного, такого, что позволит ему раскрыть некоторые загадки прошлого.

Воздух был какой-то спертый, но им вполне можно было дышать. Несмотря на множество солнц на небе, жара не чувствовалась, Заметное тепло источал только белый диск Центрального Солнца, но и оно, это тепло, казалось, теряло свою силу, просачиваясь сквозь туманную дымку вокруг звезды. Другие же солнца давали свою долю цвета, но никак не тепло.

Им понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что этот обелиск ни о чем им не поведает. Упрямый материал, из которого он был сделан, ясно демонстрировал отметины, оставленные временем. Кромки его округлились, а металл, на котором он покоился, был исшаркан миллионами ног целых поколений пилигримов и просто любопытствующих. Странно было думать, что вот они двое, возможно, и есть последние из миллиардов человеческих существ, когда-либо стоявших на этом месте.

Хилвар уже хотел было предложить возвратиться на корабль и перелететь к ближайшему из расположенных в окрестностях обелиска зданий, когда Олвин обратил внимание на длинную, узкую трещину в мраморном полу амфитеатра. Они прошли вдоль нее на довольно значительное расстояние, и трещина эта все время расширялась, пока, наконец, она не стала настолько широка, что-уже нельзя было стать, поставив ноги на ее края.

Еще несколько секунд ходьбы — и они оказались возле того, что эту трещину породило. Поверхность амфитеатра в этом месте была расколота и разворочена, и образовалось гигантское углубление — длиной более чем в милю. Не требовалось ни какой-то особой догадливости, ни сильного воображения, чтобы установить причину всего этого. Столетия назад — хотя, несомненно, уже много времени спустя после того, как этот мир был покинут — какая-то огромная цилиндрическая форма некоторое время покоилась здесь, а затем снова ушла в пространство, оставив планету наедине с ее воспоминаниями.

Кто они были? Откуда пришли? Олвин мог только глядеть и гадать. Ответа ему не узнать, поскольку он разминутся с этими более ранними посетителями на тысячу, а то и на миллион лет...

В молчании двинулись они обратно к своему кораблю. Каким бы

малюткой выглядел он рядом с тем, чудовищных размеров, межзвездным — скитальцем, который когда-то лежал здесь! Поднявшись, они медленно полетели над всей этой местностью, пока не приблизились к самому удивительному из зданий, рассеянных по ней. Когда они приземлились перед изукрашенным входом, Хилвар указал на то, что Олвин заметил и сам:

— Не больно-то эти здания безопасны! Погляди, сколько тут нападало камней, — да это просто чудо, что они еще держатся! Будь на этой планете бури, здания-то уж столетия назад сровнялись бы с землей... Не думаю, что это будет мудро — войти в одно из них...

— А я и не собираюсь. Давай пошлем робота — он же передвигается куда быстрее, чем мы, ни за что там не зацепится и не обрушит на себя перекрытия...

Хилвар такую предосторожность одобрил, но настаивал и еще на одной, которую Олвин не предусмотрел. Прежде чем робот отправился в разведку, Олвин приказал ему записать в память искусственного мозга корабля — почти столь же развитого, как и у самого робота — подробный набор команд для возвращения на Землю, что бы ни случилось с их пилотом.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что этот мир ничего не в силах им предложить. Сидя перед экраном в корабле, они миля за милей наблюдали пустынные, покрытые слоем пыли коридоры и проходы, которые проплывали перед ними, по мере того как робот исследовал эти безлюдные лабиринты.

Все здания, построенные разумными существами, какой бы формы ни были их тела, должны соответствовать определенным основным законам, и спустя некоторое время даже самые, казалось бы, чужеродные архитектурные формы перестают вызывать удивление, мозг словно бы гипнотизируется бесконечным повторением одного и того же и теряет способность воспринимать новые впечатления. Здания на этой планете, похоже, предназначались исключительно для жилья, и существа, некогда обитавшие в них, по своим размерам приблизительно соотносились с человеком. Очень может быть, что они и были людьми. Верно, что в этом здании было очень много комнат и помещений, проникнуть в которые могли только летающие существа, но это вовсе не означало, что строители зданий и сами были крылаты. Они могли, скажем, пользоваться индивидуальными гравитационными устройствами, которые когда-то были широко распространены, но от которых в Диаспаре сейчас не осталось и следа.

— Да мы можем потратить миллионы лет, исследуя все эти здания, — очнулся наконец Хилвар. — Ясно же, что их не просто бросили — их тщательно освободили от всего ценного, что они могли содержать. Мы только зря тратим время.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Хорошо бы осмотреть еще два или три района планеты, да и убедиться, что все они — один к одному, как я ожидаю. Потом нам следует так же быстро ознакомиться с другими планетами, а приземляться только в тех случаях, если какая-то покажется нам сильно отличающейся от всех предыдущих или же если мы заметим что-нибудь необычное. И это все, на что мы можем надеяться, если только не собираемся торчать тут до конца своих дней...

Это было достаточно справедливо. Они собирались войти в контакт с разумными существами, а вовсе не археологическими раскопками заниматься. Первую задачу можно было бы выполнить за какие-то несколько дней — если выполнить вообще. Вторая потребовала бы столетий труда целых армий людей и роботов.

Двумя часами позже они покинули планету и были рады, что так поступили. Олвин решил, что даже в те времена, когда она еще цвела жизнью, мир этих бесконечных зданий был достаточно гнетущ. Они не встретили ни следа парков или каких-нибудь открытых пространств, на которых могла произрастать какая-нибудь растительность. Это был абсолютно бесплодный мир, и им трудно было представить себе психологический склад существ, которые его населяли. Олвин решил для себя, что если и следующая планета очень похожа на эту, то он, скорее всего, тут же свернет поиски.

Она не была очень похожей. Более того — контраст разительнее трудно было бы и представить.

Эта планета находилась ближе к солнцу и даже из космоса выглядела знойной. Частью ее закрывали низкие облака, что указывало на обилие воды, но океанов не было и следа. Не было заметно и никаких признаков разумной жизни: они дважды облетели планету и так и не увидели ни единого создания рук человеческих. Весь ее шар — от полюсов до экватора — был покрыт ковром ярчайшей зелени.

— Вот кажется мне, что здесь нам надо быть очень и очень осторожными, — заметил Хилвар. — Это живой мир, и мне как-то совсем не нравится цвет здешней растительности. Наверное, разумнее всего будет оставаться в корабле и совсем не открывать шлюз.

— И что — даже и работа на разведку не посылать?

— Вот именно. Ты ведь просто не знаешь, что такое болезни, и, хотя мой народ и умеет с ними бороться, мы уж больно далеко от дома. Кроме того, здесь ведь могут встретиться и такие опасности, о которых мы с тобой просто и не подозреваем... Знаешь, мне кажется, что это — мир, который как бы сошел с ума... Когда-то, возможно, он весь был большим таким садом или парком, но потом его забросили, и природа снова взяла свое. Когда вся эта звездная система была обитаема, он просто не мог быть таким, как сейчас.

Олвин ничуть не сомневался в правоте Хилвара. Действительно, чувствовалось что-то зловещее и враждебное тому порядку и всей той правильности, на которых зиждились Лиз и Диаспар, в этой вот биологической анархии внизу, под ними. Миллиард лет здесь бушевала непрекращающаяся битва. И конечно, было бы проявлением мудрости опасаться тех, кто в ней выжил.

Сторожко пробирались они в своем корабле вдоль обширного, ровного плато — такого однообразного, что уже само это немедленно поставило их перед загадкой. Плато оказалось обрамлено более высокой местностью, сплошь заросшей деревьями, о высоте которых можно было только догадываться — стояли они так тесно и были так погружены в подлесок, что стволов просто не было видно. В верхней части крон летало неисчислимое количество каких-то крылатых существ. Но они мелькали слишком уж быстро, и определить, что это — птицы или насекомые или же не то и не другое, — было просто невозможно.

То тут, то там какой-нибудь лесной исполин ухитрялся вскарабкаться на несколько десятков футов над соперничающими с ним соседями, которые немедленно образовывали короткое содружество, с тем, чтобы свалить его и ликвидировать набранное нахалом преимущество. Это была молчаливая война, и велась она слишком медленно, чтобы быть заметной глазу, но впечатление безжалостного, жестокого конфликта было просто ошеломляющим.

Плато же по сравнению с лесом казалось скучным и не обремененным никакими событиями. Оно было плоским, если не считать нескольких дюймов перепада по высоте между одним его краем и другим, и простиралось далеко, до самого горизонта. Было похоже, что оно заросло редкой, похожей на проволоку травой. Они опустились над ним до высоты в пятьдесят футов, но так и не разглядели никаких признаков животной жизни, что, по мнению Хилвара, было несколько странно. Он решил, что, возможно, приближение корабля загнало обитателей плато под землю.

Они висели над самой поверхностью, пока Олвин пытался убедить

Хилвара, что открыть воздушный шлюз — совсем безопасно, а Хилвар, со своей стороны, терпеливо объяснял ему, что такое вирусы, бактерии и грибки, и Олвин не мог их себе вообразить и еще меньше был способен понять, какое они имеют к нему отношение. Спор длился уже несколько минут, когда они не без любопытства заметили, что экран, который лишь минуту назад исправно показывал им панораму леса, стеной стоящего впереди, погас...

— Это ты его выключил? — спросил Хилвар, на мгновение, как обычно, опередив Олвина.

— Да нет, — ответил Олвин, и ледяные мурашки побежали у него по спине, как только в голову ему пришло единственное иное объяснение. — А ты не выключил его? — обратился он к роботу.

— Нет, — эхом его собственных слов прозвучал ответ.

Со вздохом облегчения Олвин отбросил мысль о том, что робот мог начать действовать по собственному разумению, что на борту вспыхнул мятеж машин.

— Тогда почему же экран не работает? — спросил он.

— Рецепторы Изображения оказались закрыты.

— Не понимаю, — бросил Олвин, забыв в эти мгновения, что робот способен действовать только по прямому указанию к отвечать только строго в рамках заданного ему вопроса. Он быстро поправился:

— Чем закрыты?

— Мне неизвестно.

Краткая точность робота порой может привести в отчаяние, ничуть не менее глубокое, чем многословие некоторых людей. Прежде чем Олвин собрался с силами, чтобы продолжить допрос, в бесплодный этот диалог вмешался Хилвар.

— Скажи ему, чтобы он поднял корабль, но только медленно, — сказал он, и в голосе у него прозвучала нотка настойчивости.

Олвин повторил команду. Как всегда, они не ощутили движения. Затем изображение снова медленно появилось на экране, хотя некоторое время еще и продолжало оставаться каким-то размытым и искаженным. Но они увидели достаточно, чтобы похоронить спор о воздушном шлюзе.

Ровное плато уже не было ровным. Прямо под ними сформировалась огромная выпуклость, разорванная на самой вершине — в том месте, где корабль выпрастался из цепких объятий. Гигантские ложноножки в ярости беспорядочно хлестали во всех направлениях над образовавшимся провалом, будто пытаясь вновь ухватить добычу, которая только что ускользнула из их объятий. Глядя на все это с изумлением, к которому

примешивалась и немалая доля страха, Олвин успел заметить какое-то пульсирующее алое отверстие — возможно, ротовое, обрамленное хлыстообразными щупальцами, которые бились в унисон, отправляя все, что к ним попадало, в зияющую пасть.

Лишившись своей жертвы, неведомое существо медленно погружалось в землю, и только теперь Олвин понял, что плато внизу оказалось всего лишь тонкой ряской на поверхности загнившего моря.

— Что это за штука? — едва вымолвил он.

— Мне пришлось бы спуститься и изучить ее, а уж тогда я тебе отвечу, — деловито сказал Хилвар. — Может статься, что это какая-то примитивная форма жизни, ну что-нибудь вроде родственника нашего друга там, в Шалмирейне. Ничуть не сомневаюсь, что это совершенно безмозглая тварь, иначе бы она не решилась сожрать космический корабль...

Олвина чуть ли не трясло, хотя умом он и понимал, что никакая опасность им не угрожала. Некоторое время он фантазировал о том, кто же еще может жить там, внизу, под этой невинной с виду ряской, которая так и звала опуститься на нее и пробежаться по ее упругой поверхности.

— Я мог бы провести здесь время с немалой пользой, — заявил ему Хилвар, который, судя по всему, был совершенно зачарован тем, что он только что увидел. — Надо думать, эволюция в этих вот условиях пришла к очень интересным результатам. Да и не только эволюция, но и обратный ей процесс деволюции — это когда высшие формы жизни начали деградировать после того, как планета была покинута разумными обитателями. Сейчас здесь, надо думать, достигнуто какое-то равновесие и... ты ведь не собираешься улетать немедленно? — голос его, по мере того как ландшафт внизу становился все мельче и мельче, звучал как-то особенно жалобно.

— Вот именно — собираюсь, — ответил Олвин. — Я видел мир, на котором не было никакой жизни, и мир, на котором ее слишком как-то много, и я не знаю, какой из них не понравился мне больше...

В пяти тысячах футов над поверхностью плато планета преподнесла им свой последний сюрприз. Они вдруг встретили целую флотилию огромных мешковатых пузырей, плывших по ветру. Из каждого этого полупрозрачного мешка свешивались ветви, образуя своего рода перевернутый лес. Некоторые растения в попытке избежать смертоубийственных конфликтов на поверхности планеты приноровились, оказывается, жить в воздухе! Благодаря какому-то чуду адаптации они научились производить водород и запасать его в пузырях, что позволило им

подняться в сравнительно безопасные слои нижней части атмосферы.

И все же безопасность эта полной не была. Их перевернутые стволы и ветви буквально кишели целыми выводками каких-то паукообразных животных, которые, должно быть, всю свою жизнь проводили в воздухоплавании над поверхностью планеты, продолжая вести эту всеобщую битву за существование на своих изолированных островах. Весьма вероятно, что время от времени контакт с землей у них все же случался. Олвин увидел, как один огромный пузырь внезапно схлопнулся и стал падать, причем лопнувшая оболочка действовала как какое-то грубое подобие парашюта. Мимолетно он еще задался вопросом — случайность ли это или же какая-то стадия жизненного цикла этих странных созданий.

...На пути к следующей планете Хилвар немного вздремнул. По какой-то причине, которую робот никак не мог им объяснить, корабль на этот раз двигался медленно — по крайней мере, по сравнению с той скоростью, с которой он мчался по Вселенной. Им понадобилось почти два часа, чтобы добраться до того мира, который Олвин выбрал для третьей остановки, и он был несказанно удивлен, что простое межпланетное путешествие потребовало такого срока.

Хилвара он разбудил, когда они уже погрузились в атмосферу.

— Ну и как тебе нравится вот это? — Он указал на экран.

Под ними простирался унылый пейзаж, окрашенный в серые и черные тона, нигде не видно было ни малейших признаков растительности или каких-нибудь других свидетельств существования здесь жизни. Если они и были, то только косвенными: низкие холмы и неглубокие долины несли на себе прекрасно сформированные полусферы, многие из которых располагались по сложным симметричным линиям.

Предыдущая планета научила их осторожности. Поэтому, тщательно взвесив все возможные последствия, они остались висеть в атмосфере, а вниз, на обследование, послали робота. Его-то глазами они и увидели, как одна из этих полусфер стала приближаться, пока робот не завис всего в нескольких футах над ее абсолютно гладкой поверхностью, на которой глазу не за что было зацепиться.

Не виделось и следа чего-либо похожего на вход, ничто и не намекало даже на цель, которой должно было служить это сооружение. Оно оказалось достаточно велико — более сотни футов в высоту. Иные из этих полусфер были еще выше.

После некоторого колебания Олвин приказал роботу двинуться вперед и притронуться к куполу. К его несказанному изумлению, робот отказался повиноваться приказу. И уж это-то действительно был мятеж — по крайней

мере, так показалось сначала.

— Почему ты не выполняешь того, что я тебе приказываю? — спросил Олвин, когда немного опомнился от изумления.

— Запрещено, — последовал ответ.

— Кем это запрещено?

— Я не знаю.

— Тогда как же. Нет, можешь не отвечать. Был ли этот приказ встроен в тебя?

— Нет.

Это устраняло одну из возможностей. Строители этих вот куполов вполне могли оказаться создателями робота и включить свое табу в число фундаментальным принципов работы машины.

— Когда ты получил этот приказ?

— Когда приземлился.

Олвин повернулся к Хилвару. Свет новой надежды блистал в его глазах:

— Здесь есть разум! Ты его не чувствуешь?

— Нет, — ответил Хилвар. — Эта планета представляется мне такой же мертвой, как и первая.

— Я сейчас выйду и присоединюсь к роботу! Что бы это ни было — ну, то, что говорит там с ним, оно ведь могло бы поговорить и со мной?..

Хилвар не стал спорить, хотя на лице у него не отразилось ни малейшего энтузиазма. Они посадили корабль в сотне футов от купола, поближе к роботу, и открыли воздушный шлюз.

Олвин отлично сознавал, что шлюз не может быть открыт до тех пор, пока мозг корабля не убедится в том, что атмосфера за бортом пригодна для дыхания. Какое-то мгновение ему казалось, что на этот раз мозг ошибся: слишком уж разрежен был здесь воздух, слишком мало кислорода доносил он до легких. Затем, вздохнув поглубже, Олвин обнаружил, что кислорода вполне достаточно, чтобы выжить несколько минут, по меньшей мере, хотя дольше ему и не выдержать.

Тяжело дыша, они подошли к роботу и к закругляющейся стенке таинственного купола Шаг... еще шаг — и оба они разом остановились, словно настигнутые внезапным ударом. В мозгу у каждого, будто гулкий гром гигантского колокола, прозвучала одна единственная фраза:

«Опасно! Ближе не подходить!»

И все. Это были не какие-то слова, а чистая мысль. Олвин был уверен,

что любое существо, каков бы ни был уровень его развития, получит здесь то же самое предупреждение в том же самом неизменном виде — прямо в сознание.

При всем при том, это было именно предупреждение, а не угроза. И Хилвар и Олвин каким-то образом поняли, что оно вовсе не направлено против них и, более того, что оно служит их защите. Оно как бы говорило: здесь находится нечто невообразимо опасное, и мы, его создатели, исполнены желания никому не причинить вреда...

Молодые люди отошли на несколько шагов и поглядели друг на друга: каждый ждал, чтобы именно другой первым сказал, о чем же он сейчас думает.

Подытожил Хилвар:

— Слушай, а ведь прав-то я оказался. Никакой разумной жизни здесь и в помине нет. А предупреждение это — оно автоматическое: оно включилось самым нашим с тобой присутствием, когда мы приблизились к дозволенной границе...

Олвин кивнул, соглашаясь:

— Но вот интересно, а что же это они пытаются защитить? Ну, скажем, под этими куполами могут оказаться дома, все что угодно...

— Нам никак этого не узнать, если каждый купол будет просить нас отойти... Но ведь как интересно — я про все эти различия между тремя планетами! Они все забрали с самой нашей первой... Оставили вторую, не позаботившись о ней ни на вот столько... А тут вот они озаботились прямо сверх всякой меры!.. Может и так статься, что они надеялись в один прекрасный день возвратиться и поэтому хотели, чтобы к их возвращению все было готово...

— Но ведь они же так и не возвратились, а было это все так давно...

— А может, они передумали?..

Странно, пришло в голову Олвину, как оба они — и Хилвар, и он сам — бессознательно стали пользоваться этим словом... Кто бы и что бы «они» ни были, их присутствие явственно ощущалось на той, первой планете и еще более сильно — сейчас. Перед ними находился мир, который был тщательнейшим образом упакован и, так сказать, отложен про запас, пока он не понадобится снова...

— Пошли к кораблю, — предложил Олвин. — Я даже дышать-то здесь толком не могу!

Как только шлюз за ними закрылся и они снова почувствовали себя в своей тарелке, наступило время обсудить дальнейшие свои шаги. Детальное исследование планеты предполагало проверку огромного числа

куполов в надежде, что удастся найти такой, который не станет предупреждать об опасности и в который можно будет проникнуть. Если же и эта попытка провалится, то тогда... Впрочем, Олвин и думать не хотел о такой возможности, пока обстоятельства не заставят его смириться с неизбежным.

С этими самыми обстоятельствами он столкнулся менее чем через час и куда более драматическим образом, чем ему могло представиться. Они посылали робота более чем к десятку куполов — и каждый раз все с тем же результатом, — пока не натолкнулись на сцену, которая в этом аккуратном, тщательно упакованном мире буквально ни в какие ворота не лезла.

Перед ними предстала широкая долина, там и сям испятнанная этими дразнящими, непроницаемыми куполами. В центре ее был виден — перепутать это было невозможно ни с чем — шрам от огромного взрыва, разметавшего обломки во всех направлениях на многие мили и проплавившего в поверхности планеты глубокий кратер.

И рядом с этим кратером валялись останки космического корабля...

Они приземлились совсем близко от места этой древней трагедии и медленно, щадя дыхание, двинулись к гигантскому остоу, возвышающемуся над ними. Лишь одна короткая секция — может быть, это была корма — осталась от корабля, все же остальное, надо полагать, было уничтожено взрывом. Когда они вплотную приблизились к тому, что осталось от катастрофы, у Олвина сформировалась догадка, постепенно перешедшая в уверенность.

— Слушай-ка, Хилвар, — сказал он, думая о том, как же это трудно здесь — двигаться и говорить в одно и то же время, — мне кажется, что это тот самый корабль, который приземлялся на той, первой планете, у обелиска...

Не желая тратить дыхание, Хилвар только кивнул в ответ. Ему в голову уже пришла та же самая мысль. Это был превосходный предметный урок для неосторожных посетителей, подумалось ему. Он очень надеялся, что Олвин этот урок усвоит.

Они совсем близко подошли к корпусу корабля и стали разглядывать его обнаженные внутренности. Это было все равно что смотреть внутрь какого-то огромного здания, грубо разваленного надвое. Полы, стены, потолки, срезанные взрывом, являли глазу своего рода смятый чертеж поперечного сечения. Какие же странные существа, печально подумал Олвин, лежат в этих обломках — там, где застигла их смерть?

Непонятно... — внезапно произнес Хилвар. — Эта вот часть страшно повреждена, но где же все остальное? Он что — переломился надвое еще в космосе и эта часть рухнула сюда?

Ответ на этот вопрос стал им ясен не прежде, чем они послали робота снова заняться исследованиями, да и сами внимательно изучили местность вокруг обломков. Не оставалось и тени сомнения: на небольшой возвышенности неподалеку от корпуса корабля Олвин обнаружил линию холмиков, каждый из которых был в длину не более десяти футов.

— Выходит, они опустили и пренебрегли предупреждением, — задумчиво произнес Хилвар — Их распирало любопытство, как и тебя. И они попытались вскрыть один из куполов...

Он указал на противоположную стену кратера, на гладкую, по-прежнему ничем не отмеченную скорлупу купола, внутри которой создатели этого мира запечатали свои сокровища. Но то, что они увидели,

куполом уже не было: теперь это была уже почти полная сфера, потому что грунт из-под нее вымело взрывом.

— Они погубили свой корабль, и многие из них были убиты. И все же, несмотря на это, они как-то умудрились подремонтироваться и снова улететь, отрезав эту вот секцию и забрав из нее все более или менее ценное. Какой же это был, должно быть, труд!

Олвин почти не слышал друга. Он пристально разглядывал какое-то странное сооружение, которое, собственно, и привлекло его сюда. Это был высокий столб, пронзавший горизонтальный круг, вознесенный на треть его высоты, считая от вершины. Как ни странно, как ни незнакомо было это устройство, что-то в Олвине отзывалось на него.

Под этими камнями, если бы он решился потревожить покой спящих там, находился ответ, по меньшей мере, на один его вопрос. Но ему предстояло так и остаться без ответа. Кто бы ни были эти существа, они заслужили право покоиться в мире.

Хилвар едва расслышал слова, которые Олвин прошептал, когда они медленно направились к своему кораблю.

— Надеюсь, они все-таки добрались до дома, — сказал он.

— И куда же мы теперь? — спросил Хилвар, когда они снова оказались в космосе.

Прежде чем ответить, Олвин довольно долго в задумчивости смотрел на экран.

— Ты что — считаешь, что надо возвращаться? — вопросом на вопрос ответил он.

— Это было бы только разумно. Удача может нам теперь изменить, и кто знает, какие еще сюрпризы подготовили для нас другие планеты?

Это был голос рассудка и осторожности, и Олвин теперь был склонен придавать ему куда больше значения, чем несколькими днями раньше. Но слишком уж длинный путь лежал у него за спиной, и он всю жизнь ждал этого момента. Он не мог повернуть вспять, когда оставалось увидеть еще столь многое...

— Отныне мы будем оставаться в корабле. И нигде не будем приземляться, — сказал он. — Уж этого-то будет вполне достаточно для обеспечения безопасности, тут и говорить нечего...

Хилвар пожал плечами, словно отказываясь принимать какую бы то ни было ответственность за все, что может произойти в следующий раз. Теперь, когда Олвин выказал известную долю благоразумия и осторожности, Хилвар не считал нужным признаваться, что он и сам в равной степени сгорает от нетерпеливого желания продолжить их

исследования, хотя, по правде сказать, он уже и оставил всякую надежду повстречать на какой-то из всех этих планет разумную жизнь.

На этот раз перед ними лежал двойной мир — колоссальных размеров планета со спутником, обращающимся вокруг нее. Сама планета, похоже, была двойняшкой той, второй, на которой они уже побывали, — ее покрывала все та же самая ядовитая зелень. Садиться здесь не было никакого смысла — все это они уже извели.

Олвин опустил корабль пониже к поверхности спутника планеты. Ему не потребовалось предупреждения от сложной системы защиты, чтобы понять, что атмосферы здесь нет. Все тени обрисовывались резко, и не было никакого постепенного перехода от ночи к дню. Кстати сказать, это оказался первый мир, на котором они увидели какое-то подобие ночи, потому что в том месте, где они легли на круговую орбиту, над горизонтом стояло только одно из наиболее удаленных солнц. Пейзаж был залит его унылым красным светом, и впечатление было такое, будто все сущее здесь окунули в кровь.

Миля за милей летели они над вершинами гор, которые и по сию пору оставались все такими же островерхими, как и в далекие времена своего рождения. Это был мир, в котором такие понятия, как эрозия и перемены, не существовали, который никогда не подвергался разрушительной работе ветров или потоков дождевой воды. Здесь не требовалось Хранилищ Памяти, чтобы оставить в неизменности все элементы этой первозданной планетки.

Но если здесь не было воздуха, то, значит, не могло быть и жизни? Или же она все-таки могла существовать?

— Конечно, в этой идее с точки зрения биологии нет ничего абсурдного, — сказал Хилвар, когда Олвин задал ему этот вопрос. — Жизнь, конечно, не может изначально возникнуть в безвоздушном пространстве, но она вполне в состоянии развиться в формы, способные в нем выжить. Надо полагать, во Вселенной такое происходило многие миллионы раз — когда обитаемые планеты теряли вдруг свою атмосферу.

— Значит, по-твоему, в вакууме могут существовать и разумные формы жизни? Но разве они не смогли бы обезопасить свою планету от потери воздуха?

— Если это произойдет — я имею в виду катастрофу с атмосферой — уже после того, как они достигнут достаточно высокой стадии развития, чтобы предотвратить такое. Но вот если атмосфера улетучится, когда они еще находятся на примитивной стадии развития, им придется либо приспособиться, либо исчезнуть. После же адаптации они вполне могут

достигнуть весьма высокого уровня интеллектуального развития. В сущности, это даже неизбежно: их изобретательность будет исключительно велика...

Ну если говорить об этой вот планете, то рассуждения Хилвара — не более чем абстракция, решил Олвин. Не видно было ни малейшего доказательства того, что когда-то здесь существовала жизнь — разумная или какая-то иная. Но в таком случае каково же предназначение этого мира? Ведь вся многообразная система Семи Солнц — теперь он был в этом совершенно уверен — была искусственного происхождения, и этот вот мир тоже должен был быть составной частью великого замысла.

Хотя, по правде сказать, эта планетка могла служить и каким-то чисто украшательским целям — скажем, просто, чтобы красоваться луной на небе своего гигантского «хозяина», Но даже в этом случае представлялось вполне вероятным, что ей придумали бы и еще какую-то дополнительную функцию.

— Гляди-ка! — воскликнул вдруг Хилвар, указывая на экран. — Вон там, справа...

Олвин изменил курс корабля, и пейзаж тотчас наклонился. Скалы, освещенные красным, словно бы размывались скоростью их Движения. Затем изображение стабилизировалось. И они увидели, что внизу под ними проносится неопровержимое свидетельство чьей-то разумной деятельности.

Да, неопровержимое — и в то же время какое-то сомнительное. На этот раз оно явилось им в виде редкого ряда стройных колонн, каждая из которых располагалась в сотне футов от соседней, а высотой была футов в двести. Колонны эти уходили вдаль, перспектива гипнотически уменьшала их все больше и больше, пока, наконец, горизонт не поглощал их совершенно.

Олвин бросил корабль вправо, и они помчались вдоль линии этих колонн. Он напряженно размышлял, для какой же цели могли они предназначаться. Все колонны были абсолютно одинаковы и непрерывной линией шагали через нагромождения скал и долины, и не было видно никаких признаков того, чтобы они когда-то что-нибудь поддерживали. Все они были совершенно гладкими и скучными, а к вершине чуть сужались.

Неожиданно череда этих колонн вдруг изменила свое направление под безупречным прямым углом. Олвин по инерции проскочил несколько миль, прежде чем среагировал и смог положить корабль на новый курс.

И снова колонны продолжали тянуться все тем же непрерывным забором, разрезая пейзаж, — все на том же расстоянии одна от другой.

Затем, милях в пятидесяти от первого поворота, они снова резко свернули — и опять-таки под прямым углом. «Если дело и дальше так пойдет, подумал Олвин, то мы скоро очутимся там, откуда начали»...

Бесконечная череда этих колонн так заворожила их, что, когда ей наступил конец, они оказались уже во многих милях от этой последовательности. Только тогда Хилвар закричал и заставил Олвина, который ничего не заметил, повернуть назад. Они медленно снизились и, пока кружили над тем, что обнаружил Хилвар, у каждого в сознании стала оформляться фантастическая догадка. Но поначалу ни тот, ни другой не решались ею поделиться.

Пара колонн оказалась сломана у самого основания. Обе лежали там же, где упали. Но и это еще было не все: две колонны, обрамляющие образовавшийся прогал, оказались согнуты в наружном направлении какой-то неодолимой силой...

Было просто некуда деться от внушающего трепет вывода. Теперь Олвин понял, над чем это они летели. Такие вещи он видел в Лизе достаточно часто, но до сего момента поразительная разница в масштабах мешала ему узнать очевидное.

— Хилвар... да ты знаешь, что это такое? — спросил он, все еще испытывая затруднения в формулировании своей мысли.

— В это, конечно, трудно поверить, — отозвался Хилвар, — но... мы летели по периметру загона... Эти колонны — загородка, которая вот в этом месте не оказалась достаточно надежной...

— Люди, которые держат домашних животных, должны заботиться о том, чтобы загоны были крепкими, — назидательно проговорил Олвин, стараясь нервным смешком скрыть замешательство.

Хилвар никак не отозвался на вымученную шутку. Насупив в раздумье брови, он глядел на сломанную ограду.

— Нет, не понимаю! — очнулся он наконец. — Откуда, спрашивается, на такой вот планете, как эта, оно могло добывать себе пищу? И почему оно вырвалось на свободу? Эх, я бы многое отдал, чтобы только узнать, что же это за животное такое...

— А может, его здесь просто забыли и оно вырвалось, потому что проголодалось, — предположил Олвин. Или что-то могло вывести его из себя...

— Давай-ка снизимся, — предложил Хилвар. — Мне хочется хотя бы одним глазком взглянуть на грунт...

Они снижались до тех пор, пока корабль едва не коснулся голых скал, — и только тогда заметили, что плато испятнано бесчисленным

множеством маленьких дырочек, диаметром не более дюйма или двух. С наружной стороны загона, однако, поверхность была свободна от этих загадочных отметин. Они пропадали сразу же за линией колонн.

— Ты прав. Оно было голодно, — признал Хилвар. — Но это было не животное. Правильнее будет назвать его растением. Оно выело все питательное в своем загоне, и ему понадобилось подыскать себе новое пастбище. Наверное, оно двигалось очень медленно. Вполне может быть, что ему потребовались годы, чтобы сломать эти столбы...

Воображение Олвина быстро дополнило эту картину деталями, которых он доподлинно знать конечно же не мог. Он не сомневался, что анализ Хилвара в основном был правильным и что этот ботанический монстр, двигавшийся, возможно, слишком медленно, чтобы его перемещения могли быть отмечены глазом, все-таки выиграл медленную, но бескомпромиссную сватку с барьером, который встал на его пути.

Он и сейчас еще мог быть жив — после всех этих столетий, блуждая, как ему заблагорассудится, по поверхности планеты. Искать его, впрочем, было бы задачей безнадежной, потому что в его распоряжении были многие миллионы квадратных миль. Безо всякой надежды на успех они прочесали поверхность в пределах нескольких квадратных миль поблизости от проема в загородке и обнаружили всего-навсего одно огромное круглое пятно, где это существо, по всей видимости, останавливалось покормиться — если только можно было приложить это выражение к организму, который извлекал необходимые ему питательные вещества из монолитной скалы.

Когда они снова поднялись в пространство, Олвин почувствовал, как его охватывает какая-то странная усталость. Увидеть столь многое, а узнать так мало... На всех этих планетах изобилие чудес, но то, поисками чего он занимался, покинуло их еще в незапамятные времена. Он понимал, что лететь к другим мирам Семи Солнц — дело вполне безнадежное. Даже если во Вселенной разумная жизнь еще и существовала, где теперь было ее искать? Он глядел на звезды, пылью рассыпанные по экрану корабля, и его мучила мысль, что время, оставшееся в его распоряжении, не позволяет ему исследовать их все.

Чувство одиночества и подавленности — такое, какого он до сих пор еще не испытывал — затопило ему душу. Только теперь стал ему понятен ужас Диаспара перед непомерными просторами Вселенной, ужас, заставлявший его сограждан тесниться в микрокосме их города. Трудно было смириться с тем, что в конечном счете правы оказались все-таки они...

Он повернулся было к Хилвару, ища поддержки. Но Хилвар стоял, крепко сжав кулаки, и в глазах у него застыло какое-то неживое выражение. Голова была склонена на сторону: казалось, будто он прислушивается к чему-то, напрягая все свои чувства, пытаясь разумом проникнуть в пустоту, простирающуюся вокруг них.

— Что это с тобой? — с тревогой в голосе спросил Олвин. Ему пришлось повторить свой вопрос, прежде чем Хилвар выказал признаки того, что услышал друга. Но даже отвечая ему, он все еще смотрел в никуда.

— Что-то приближается, — медленно выговорил он. — Что-то такое, чего я никак не могу постигнуть...

Олвину почудилось, будто в корабле внезапно похолодало. Ужас перед Пришельцами вдруг вынырнул откуда-то из глубин мозга и на какой-то миг затуманил сознание. С усилием воли, на которое потребовалась вся его энергия, он подавил в себе горячую волну паники.

— Оно... дружественное? — спросил он. — Или же нам следует немедленно бежать на Землю?

Хилвар не ответил на первый вопрос — только на второй. Голос его был очень слаб, но в нем не звучало и малой тревоги или страха. В тоне его, скорее, были любопытство и изумление, как если бы ему встретилось нечто столь удивительное, что теперь ему просто недосуг было откликаться на тревогу Олвина.

— Ты опоздал, — проговорил он. — Это уже здесь...

...Не раз и не два повернулась Галактика вокруг своей оси с тех пор, как Вэйнамонд впервые осознал себя. Он мало что помнил о тех давних-предавних временах и о созданиях, которые пестовали его, но до сих пор в памяти у него осталось то горькое чувство безутешности, которое он испытал, когда они ушли и оставили его одного среди звезд... И вот на протяжении веков и веков, минувших с тех пор, он блуждал от звезды к звезде, исподволь развивая и обогащая свои способности. Когда-то он мечтал о том, чтобы снова отыскать тех, кто позаботился о нем при его рождении. И хотя сейчас эта мечта и потускнела, он все еще не хотел отказываться от нее совсем.

На бесчисленных планетах нашел он останки, в которые обращалась жизнь, но вот разум обнаружил только однажды. От Черного солнца он в ужасе бежал... А Вселенная была громадна, и поиск его едва начался...

И хотя и далеко это было — и в пространстве и во времени, — но гигантский поток энергии, истекающий из самого сердца Галактики, взывал к Вэйнамонду через пропасти световых лет. Он резко отличался от

иррадиации звезд и появился в поле его сознания так же неожиданно, как неожиданно прочерчивает небо планеты внезапный метеор. По пространству и по времени двигался Вэйнамонд навстречу ему, к последнему моменту его существования, снимая с него — а он знал, как это делать — мертвый, уже неизменяемый рисунок прошлого.

Длинная металлическая форма со страшно сложной структурой, которую он никак не мог постигнуть, потому что она была столь же чужда ему, как почти все объекты физического мира... Вокруг нее еще витал призрак силы, которая влекла его через всю Вселенную, но теперь это было ему неинтересно. Осторожно, с оглядкой дикого зверя, который в случае опасности готов немедленно обратиться в бегство, он потянулся к двум созданиям, которых тут обнаружил.

И тотчас же понял, что долгие его поиски окончились.

Олвин ухватил Хилвара за плечи и бешено затряс, пытаясь пробудить друга к действительности.

— Да что там такое, скажи же мне! — умолял он. — Что я должен делать?

Потустороннее, отрешенное выражение постепенно уплывало из глаз Хилвара.

— Я все еще не совсем понимаю... — проговорил он. — Но вот пугаться не надо — уж в этом-то я совершенно убежден. Что бы это ни было, оно не причинит нам никакого вреда. Похоже, что оно просто... ну, заинтересовалось...

Олвин уже собрался было сказать еще что-то, когда его внезапно охватило ощущение, совершенно непохожее ни на что, что ему приходилось испытывать прежде. Теплая, слегка покалывающая волна пролилась по всему его телу. Странное ощущение это длилось всего несколько секунд, но, когда оно ушло, он был уже не просто Олвином. Что-то еще, что-то новое разделяло его сознание, накладываясь на него, как один круг может лечь на другой. Он отдавал себе отчет и в том, что вот рядом — сознание Хилвара, и тоже как-то связанное с тем самым созданием, которое им только что повстречалось. Ощущение это не было неприятным, скорее — просто новым, и оно-то и позволило Олвину впервые испытать, что это такое — настоящая телепатия, способность, которая в его народе ослабла настолько, что теперь ею можно было пользоваться только для того, чтобы отдавать команды машинам.

Когда Сирэйнис пыталась овладеть его сознанием, Олвин немедленно взбунтовался, но вот этому вторжению в свой разум он сопротивляться не стал. Во-первых, он почувствовал, что это было бы просто бесполезно. А

во-вторых, это вот создание, чем бы оно там ни было, никак не представлялось недружественным, Он расслабился, безо всякого сопротивления воспринимая вторжение интеллекта, бесконечно более высокого, чем его собственный, исследующего сейчас его мозг. Но тем не менее он был не совсем прав.

Вэйнамонд сразу же увидел, что одно из этих двух существ значительно более восприимчиво и относится к нему с большей теплотой, чем другое. Он чувствовал изумление обоих по поводу его присутствия, что его самого несказанно поразило. Трудно было поверить в то, что они все позабыли. Забывчивость, как и смертность, находилась за пределами разума Вэйнамонда.

Общаться было очень нелегко. Многие из мысленных представлений этих разумных существ были ему в новинку настолько, что он едва мог их осознавать. Он был поражен и немного испуган отголосками страха перед Пришельцами. Этот их страх напомнил ему о его собственных эмоциях, когда Черное солнце впервые появилось в поле его внимания.

Но эти вот двое ничего не знали о Черном солнце, и теперь он уже слышал их вопрос, обращенный к нему:

«Что ты такое?»

Он дал единственный ответ, на который был способен:

«Я — Вэйнамонд».

Последовала пауза (как много времени требовалось этим существам, чтобы сформировать мысль!), и после нее вопрос — что было странно — повторили! Это было так удивительно... ведь это такие же, как они, дали ему его имя, которое и сохранилось в памяти о его появлении в этом мире... Первых этих воспоминаний было очень немного, и все они странным образом начинались лишь в какой-то строго определенный момент времени, но зато были кристально ясны.

И снова их крохотные мысли пробились в его сознание:

«Где те люди, которые создали Семь Солнц?»

Этого он не знал. Они едва могли ему поверить, и их разочарование донеслось до него во всей своей ясности — через пропасть, отделяющую их от него. Но существа эти оказались терпеливы, и он был рад помочь им,

потому что их поиск был сродни его собственному, а они оказались первыми его товарищами за всю его жизнь.

Олвин был убежден, что, сколько бы он ни прожил, никогда уже ему не испытать ничего более странного, нежели этот вот беззвучный разговор. Трудно было поверить в то, что он может стать чем-то большим, чем просто наблюдателем, а все потому, что ему никак не хотелось допустить, даже в глубине души, что мозг у Хилвара во многих отношениях куда более развит, чем его собственный. Он мог только ждать и изумляться, и у него голова чуть ли не кругом шла от этого потока мыслей, который находился далеко за пределами его понимания.

Наконец Хилвар, напряженный и бледный, прервал контакт и повернулся к своему другу:

— Тут что-то странное, Олвин, — устало сказал он. — Ну, ничего не могу понять...

Эта новость конечно же совсем не способствовала сохранению самообладания. По лицу Олвина Хилвар, должно быть, понял, что тот сейчас переживает, потому что внезапно понимающе улыбнулся:

— Я не могу понять, что те он такое — этот... Вэйнамонд. Это какое-то живое создание, обладающее непостижимо громадными знаниями, но, знаешь, похоже, что разума-то у него просто кот наплакал. Разумеется, — сейчас же добавил он, — его разум может быть настолько отличен от нашего, что мы просто не в состоянии его оценить... и все-таки мне кажется, что правильное — первое объяснение...

— Ну, ладно, а что же все-таки ты узнал? — несколько нетерпеливо спросил Олвин. — Известно ли ему что-нибудь о Семи Солнцах?

Мысли Хилвара, казалось, витали где-то очень и очень далеко.

— Они были созданы множеством рас, включая и человеческую, — рассеянно сказал он. — Вэйнамонд в состоянии сообщить мне такие вот факты, но, понимаешь, как-то непохоже, чтобы он сам ясно понимал их значение, И мне кажется, что хоть он и отдает себе отчет в происходящем, но вот интерпретировать его совершенно не способен. В его сознании как-то ужасно переплетено все, что когда-либо происходило...

Секунду-другую он размышлял, а затем лицо его осветилось:

— Нам остается только одно: как уж это выйдет — не знаю, только мы должны доставить Вэйнамонда на Землю, чтобы наши философы могли его изучить.

— А это не будет... опасно? — осторожно спросил Олвин.

— Нет, — ответил Хилвар, подумав при этом, насколько не характерна для Олвина такая ремарка. — Вэйнамонд — друг. Даже более того, он,

похоже, относится к нам прямо-таки с нежностью...

И тут мысль, которая все это время блуждала где-то на задворках сознания Олвина, выкристаллизовалась со всей ясностью. Он припомнил Крифа и всех тех мелких животных, которые все время убегали — к неудовольствию или тревоге Хилвара. И припомнил еще — как же давно, казалось, это было! — зоологическую цель их путешествия к Шалмирейну.

Хилвар просто нашел себе нового любимчика.

Насколько же немыслимой, рассуждал про себя Джизирак, была бы эта конференция всего каких-то несколько дней назад. Шестеро гостей из Лиза сидели лицом к лицу с членами Совета, разместившись вдоль еще одного стола, поставленного у разомкнутой части подковы в Зале Совета. Какая же ирония окрашивала воспоминание о том, как совсем недавно Олвин стоял на этом же самом месте и внимал постановлению Совета о том, что Диаспар должен быть закрыт и будет закрыт для всего остального мира. Теперь же этот самый остальной мир вломился к ним с местью — и не только мир Земли, но и вся Вселенная.

Да и сам Совет был уже вовсе не тот, что прежде. Не хватало, по крайней мере, пяти его членов. Они оказались не в состоянии взять на себя ответственность и приняться за решение проблем, которые встали перед ними, и поэтому последовали по пути Хедрона. Это, пожалуй, служит убедительным доказательством того, что Диаспар не выдержал испытания, если так много его граждан не сумели принять первый — за многие миллионы лет — реальный вызов жизни, подумал Джизирак. Тысячи и тысячи их уже бежали в короткое забытие Хранилищ Памяти в надежде, что, когда они снова пробудятся, нынешний кризис будет уже преодолен и Диаспар снова станет самим собой, таким знакомым и привычным. Что поделать — их ожидало разочарование.

Джизирака кооптировали на одно из образовавшихся вакантных мест в составе Совета. Хотя над ним, в силу его положения наставника Олвина, в известной степени и нависли тучи, присутствие его в Совете было настолько существенно (и это было очевидно для всех), что игнорировать его просто не решились. Сейчас он сидел у самого конца подковообразного стола, что давало ему ряд преимуществ. Он не только мог наблюдать в профиль гостей Диаспара, но ему также видны были и лица почти всех его коллег по Совету, и выражение их лиц говорило достаточно о многом.

В том, что Олвин оказался прав, ни у кого не было ни малейших сомнений, и Совет сейчас медленно обвыкался с этой неудобоваримой истиной. Делегаты из Лиза оказались в состоянии мыслить куда живее, чем самые светлые умы Диаспара. И это было не единственное их

преимущество. Они еще и демонстрировали необычайно высокую степень координации мышления, что Джизирак относил на счет их телепатических способностей. Его интересовало, читают ли они мысли советников, но по зрелом размышлении он решил, что вряд ли бы они рискнули нарушить торжественное обещание, без которого эта встреча оказалась бы просто немислимой.

Джизирак не считал, что эта конференция достигла большого прогресса. Строго говоря, он просто не видел, как такой прогресс вообще может быть достигнут. Совет, который с таким большим трудом принял существование Лиза, все еще казался неспособен осознать, что же все-таки произошло. Но было ясно, что советники напуганы, и точно так же, считал Джизирак, были напуганы и гости, хотя им и удавалось куда лучше скрывать свое нынешнее состояние.

Сам же Джизирак вовсе не был столь уж испуган, как он поначалу ожидал. Страхи его, разумеется, оставались при нем, но он наконец вполне научился их обуздывать. Какая-то часть безрассудства Олвина — или, быть может, это была просто отвага? — воспринятая им, стала постепенно менять его взгляды, раскрывая перед ним новые горизонты. Ему все еще не верилось в то, что когда-нибудь он сможет ступить за пределы Диаспара, но зато теперь он вполне понимал те побудительные причины, которые заставили Олвина пойти на все это.

Вопрос председателя застал его врасплох, однако он тотчас собрался с мыслями.

— Полагаю, — сказал он, — что такая ситуация в прошлом не возникла ни разу лишь в силу чистой случайности. Нам ведь известно, что существовало четырнадцать Неповторимых и что за их творением стоял какой-то совершенно определенный план. Так вот, я убежден, что этот план состоял в том, чтобы не оставить Диаспар и Лиз разобщенными навечно. Олвин понял это, но он совершил также и нечто такое, что, по моему мнению, вовсе и не содержалось в первоначальном предначертании. Может ли Центральный Компьютер это подтвердить?

Безличный голос отозвался тотчас же:

— Советнику известно, что я не могу комментировать инструкции, данные мне моими создателями.

Джизирак принял эту мягкую укоризну и продолжил:

— Какова бы ни была причина, мы не можем оспаривать факты. Олвин отправился в космос. Когда он возвратится, вы можете помешать ему снова сделать это, хотя я и сомневаюсь, что кому-нибудь это удастся — ведь к тому времени он познает чрезвычайно многое. И если то, чего вы все

боитесь, к настоящему моменту произошло, то мы уже просто не в состоянии что-то предпринять. Земля совершенно беспомощна — каковой, впрочем, она и была на протяжении миллионов столетий.

Джизирак сделал паузу и оглядел оба стола. Никто от его слов в восторг не пришел, да он этого и не ждал.

— И все же причин для какой-то тревоги я не усматриваю. Земля находится сейчас в опасности не большей, чем она была все это время. С чего бы это, скажите, двум человеческим существам в крохотном космическом корабле вдруг снова навлечь на Землю гнев Пришельцев? Если мы будем честны сами с собой, то тогда мы должны признать, что Пришельцы могли бы уничтожить наш мир еще Бог знает когда...

Стояла недоброжелательная тишина. Это была самая настоящая ересь — и были времена, когда Джизирак сам бы так все это и назвал и предал бы такие взгляды анафеме.

Сурово нахмурившись, председатель прервал его:

— Но разве не существует легенды, согласно которой Пришельцы предоставили Землю самой себе только на том условии, что Человек никогда больше не выйдет в космос? И разве мы не нарушаем это условие?

— Легенда — да, — согласился Джизирак. — Но ведь существует множество вещей, которые мы воспринимаем некритично, и эта вот легенда — одна из них. Под ней не лежит никаких доказательств, и мне трудно поверить, что что-нибудь такой-то вот важности не оказалось бы зафиксировано в памяти Центрального Компьютера, а ведь ему тем не менее об этом факте ничего не известно. Я обращался к нему по этому поводу, хотя и лишь через посредство информационных машин. Быть может, Совет озабочится задать этот вопрос напрямую?

Джизирак не видел причин, почему он должен напрашиваться на вторичное порицание, ступая на запретную территорию, и стал ждать ответа председателя.

Ответа этого так и не последовало, потому что именно в этот момент гости из Лиза вздрогнули, а лица их застыли в выражении какого-то недоверчивого изумления и даже тревоги. Казалось, все они прислушиваются к какому-то далекому голосу, нашептывающему что-то им на ухо.

Советники Диаспара замерли в ожидании, и их собственная тревога с минуты на минуту росла по мере того, как продолжался этот безмолвный разговор. Но вот глава делегации очнулся от транса и с извиняющимся видом повернулся к председателю.

— Мы только что получили из Лиза очень странные и тревожные

новости, — сказал он.

— Олвин возвратился на Землю? — спросил председатель.

— Не только Олвин... Там что-то еще...

Когда Олвин привел свой верный корабль на плато Эрли, он не мог не подумать о том, что едва ли за всю историю человечества какой-либо космический корабль привозил на Землю такой вот груз — если, в сущности, Вэйнамонда можно было считать заключенным в физическое пространство корабля. За все время обратного путешествия он не подавал никаких признаков существования. Хилвар полагал — насколько он мог уловить из контакта с этим странным существом, — что о его положении в определенном пространстве можно говорить только применительно к сфере внимания Вэйнамонда. Физически же Вэйнамонд не существовал нигде и, возможно, — никогда.

Сирэйнис и пятеро сенаторов ожидали их, когда они вышли из корабля. Одного из этих сенаторов Олвин уже встречал во время своего первого посещения Лиза. Остальные двое участников той первой встречи, как он понял, находились сейчас в Диаспаре. Его сильно интересовало, каковы успехи этой делегации и как отнесся его город к первому посещению извне за столько миллионов лет.

— Похоже, Олвин, что вы просто-таки гений по части розыска всяких удивительных существ, — суховато произнесла Сирэйнис после того, как поздоровалась с сыном. — И все же, мне кажется, пройдет еще немало времени, прежде чем вам удастся превзойти нынешнее свое достижение.

Настала очередь Олвина изумляться.

— Так, значит, Вэйнамонд прибыл?

— Да, много часов назад. Он каким-то образом ухитрился проследить траекторию вашего корабля на пути туда — само по себе поразительное достижение, которое поднимает целый ряд интересных философских проблем. Есть свидетельство того, что он достиг Лиза в тот самый момент, когда вы его обнаружили, а это означает, что он способен развивать бесконечную скорость. Но и это еще не все. За последние несколько часов он дал нам такой объем знаний по истории, который превышает все, что, как мы предполагали, может существовать.

Олвин глядел на нее в полном изумлении. Затем до него дошло: ему было нетрудно представить себе влияние присутствия Вэйнамонда на этих людей — так тонко чувствующих, да еще с их переплетающимися сознаниями. Они отреагировали с удивительной быстротой, и он представил себе Вэйнамонда — возможно, несколько испуганного — в окружении жадных до знаний интеллектуалов Лиза.

— А вы установили, что же он такое? — спросил Олвин.

— Да. Это было просто, хотя мы и до сих пор не знаем его происхождения. Вэйнамонд — так называемый чистый разум, и знания его представляются безграничными. Но он — просто ребенок, и я употребляю это слово в его буквальном смысле.

— Ну конечно же! — вскричал Хилвар. — Как же это я не догадался!

Олвин выглядел совершенно ошеломленным, и Сирэйнис стало его жалко.

— Я хочу сказать, что, хотя Вэйнамонд и обладает колоссальным — возможно, безграничным — умом, он еще незрел и неразвит. Его истинная разумность вполнину меньше разумности человеческого существа, хотя вот мыслительные процессы у него протекают куда стремительнее наших и научается он очень быстро. У него есть также и еще целый ряд способностей, которых мы пока просто не понимаем. Одну из этих способностей он и использовал, чтобы прийти вашим путем на Землю.

Олвин молчал. Наконец-то хоть что-то его совершенно поразило. Теперь он понял, насколько прав был Хилвар, предложивший привезти Вэйнамонда в Лиз. И еще он понял, до какой же степени ему повезло тогда, когда он все-таки перехитрил Сирэйнис. Второй раз сделать это ему уже не удастся.

— Вы что же — хотите сказать, что Вэйнамонд только что родился? — спросил он.

— По его меркам — да. Его истинный возраст невероятно велик хотя он, очевидно, и моложе Человека. Самое удивительное в том, что, по его утверждению, это мы создали его. — Вот почему я не сомневаюсь, что его происхождение каким-то образом связано с тайнами прошлого.

— А что с ним сейчас? — осведомился Хилвар, и в голосе у него явственно прозвучала ревнивая нотка хозяина.

— Сейчас ему задают вопросы историки из Гриварна. Они пытаются составить себе более или менее целостную картину прошлого, но, конечно, эта работа займет многие годы. Вэйнамонд в состоянии описывать прошлое в мельчайших деталях, но, поскольку он не понимает того, что видит, работать с ним совсем не просто.

Олвину было бы интересно узнать, откуда все это известно Сирэйнис. Но он тотчас же вспомнил, что едва ли не каждый в Лизе стал свидетелем этого неподражаемого расследования. Он испытывал чувство гордости от того, что сделал так много для Лиза и для Диаспара, но к этой гордости все же примешивалось еще и чувство беспомощности. Перед ним было нечто такое, чего он никогда не будет в состоянии полностью понять или

разделить: прямой контакт между человеческими сознаниями был для него такой же загадкой, как музыка для глухого или цвета для слепого от рождения. А люди Лиза теперь обменивались мыслями даже с этим невообразимо чуждым существом, которое, правда, на Землю привел он, Олвин, но вот обнаружить которое с помощью имеющихся в его распоряжении средств он не сумел бы никогда.

Здесь он был чужим. Когда с вопросами и ответами покончат, ему сообщат результаты. Он отворил врата в бесконечность и теперь испытывал благоговение — и даже некоторый страх — перед всем, что сам же сделал. Ради своего собственного спокойствия ему следует возвратиться в Диаспар, искать у него защиты, пока он не преодолеет свои мечты и честолюбивые устремления. Здесь таилась некая насмешка: тот же самый человек, который оставил свой город ради попытки отправиться к звездам, возвращался домой, как бежит к матери испуганный чем-то ребенок...

Дияспар от лицезрения Олвина в восторг не пришел. Город еще переживал стадию, так сказать, ферментации и напоминал сейчас гигантский муравейник, в котором грубо поворошили палкой. Он все еще с превеликой неохотой смотрел в лицо реальности, но у тех, кто отказывался признавать существование Лиза и всего внешнего мира, уже не оставалось места, где они могли бы спрятаться: Хранилища Памяти отказывались их принимать. Те, кто все еще цеплялся за свои иллюзии и пытался найти убежище в будущем, напрасно входили теперь в Зал Творения. Растворяющее холодное пламя больше не приветствовало их там. Им уже не суждено было снова проснуться спустя сотню тысяч лет ниже по реке Времени. Обращаться к Центальному Компьютеру тоже было без толку, да он и никогда-то не объяснял своих действий. Потенциальные беженцы печально возвращались в город, чтобы лицом к лицу встретиться с проблемами своего века.

Олвин и Хилвар приземлились на окраине Парка, неподалеку от Зала Совета. До самого последнего момента Олвин не был уверен, что ему удастся провести свой корабль в город, проникнув сквозь силовые экраны, защищающие его небо. Защита Дияспара, как и все в городе, обеспечивалась машинами. Ночь — с ее звездным напоминанием обо всем, что оказалось утраченным Человеком — никогда не простирала своих крыльев над городом. Защищен он был и от бурь, которые иногда бушевали над пустыней, застилая небеса движущимися песчаными стенами.

Невидимые часовые, однако, позволили Олвину войти, и, когда Дияспар распростерся перед ним, он понял, что все-таки вернулся именно домой. Как бы ни призывала его Вселенная со всеми своими тайнами, именно здесь он родился и тут было его место. Он всегда будет им недоволен и тем не менее всегда же будет сюда возвращаться... Ему нужно было добраться до центра Галактики, чтобы уяснить себе эту простую истину.

Толпы собрались еще до приземления корабля, и Олвин призадумался над тем, как встретят его сограждане. Он довольно легко читал по их лицам на экране — прежде чем открыть шлюз — обуревавшие их чувства. Преобладающим, похоже, было все-таки любопытство — нечто само по себе новенькое в Дияспаре. Вместе с тем на лицах отражалось и беспокойство, а кое у кого можно было заметить и безошибочные признаки

страха. Олвин печально подумал, что никто не радовался искренне его возвращению.

С другой стороны, Совет просто-таки радостно приветствовал его прибытие — хотя, конечно, вовсе не из чувства дружеской приязни. Хотя Олвин и был причиной всего этого нынешнего кризиса, он единственный мог сообщить факты, на основе которых следовало строить всю будущую политику. Его слушали с глубоким вниманием, когда он описывал полет к Семи Солнцам и встречу с Вэйнамондом. Затем он ответил на множество вопросов — с терпением, которое, возможно, немало поразило его интервьюеров. Преобладающим в их мыслях, как он скоро понял, был страх перед Пришельцами, хотя никто ни единого разу не упомянул этого имени и все чувствовали себя прямо-таки как на иголках, когда он сам коснулся этой темы.

— Если Пришельцы все еще находятся в нашей Вселенной, тогда я — тут и сомневаться нечего — встретил бы их в самом ее центре, — сказал Олвин членам Совета. — Но вокруг Семи Солнц нет разумной жизни. Мы догадались об этом еще до того, как это же подтвердил нам и Вэйнамонд. Я совершенно убежден, что Пришельцы убрались еще много столетий назад. Вне всякого сомнения, Вэйнамонд, который — по меньшей мере — находится в возрасте Диаспара, о Пришельцах ничего не знает.

— У меня есть предположение, — раздался внезапно голос одного из советников. — Вэйнамонд может оказаться потомком Пришельцев и в некотором отношении быть за пределами нашего сегодняшнего понимания. Он забыл о своем происхождении, но это вовсе не означает, что в один прекрасный день он снова не станет опасным...

Хилвар, который присутствовал здесь в роли простого наблюдателя, не стал даже дожидаться разрешения вступить в разговор. Впервые Олвин видел его рассерженным.

— Вэйнамонд читал мои мысли, а мне удалось прикоснуться к его разуму, — сказал он. — Мой народ уже многое узнал о нем, хотя мы еще и не установили, что же он такое. Но одно не подлежит сомнению: он настроен в высшей степени дружелюбно и был рад нас найти. Ждать от него какой-то угрозы не приходится!

После этой вспышки наступило недолгое молчание, а Хилвар снова расслабился с выражением некоторой неловкости на лице.

Было заметно, что напряжение в Зале Совета несколько разрядилось — словно бы уплыло прочь облако, затенявшее дух присутствующих. Во всяком случае, председатель даже попытки не сделал выразить Хилвару порицание за вмешательство в ход обсуждения.

Олвин слушал все эти дебаты, и ему было ясно, что здесь, в Зале Совета, определилось три мнения. Консерваторы, которые были в меньшинстве, все еще надеялись, что стрелки часов можно будет отвести назад и как-то восстановить старые порядки. Противу всякого здравого смысла они цеплялись за надежду, что можно будет принудить Диаспар и Лиз снова забыть о существовании друг друга.

Прогрессисты тоже составляли незначительное меньшинство. Но тот факт, что они вообще оказались в Зале Совета, порадовал и удивил Олвина. Не то чтобы они приветствовали вторжение внешнего мира, но зато были преисполнены решимости воспользоваться этим наилучшим образом. Некоторые из них зашли так далеко, что даже предположили, что может существовать какой-то способ пробиться сквозь психологический барьер, который так долго запечатывал Диаспар даже еще эффективнее, чем барьеры физические. Большинство же членов Совета, верно отражая царящие в городе настроения, заняли позицию осторожного выжидания, помалкивая до того момента, пока рисунок будущего каким-то образом не проявится. Они отдавали себе отчет в том, что не могут разработать никакого определенного общего плана политических действий, пока буря не уляжется.

Когда заседание окончилось, Джизирак присоединился к Олвину и Хилвару. Похоже было, что он сильно переменялся со времени их последней встречи в башне Лоранна, когда перед ними там простиралась пустыня. Перемена эта была не того свойства, которую ожидал увидеть Олвин, но зато она была уже достаточно распространенной: в ближайшие же дни Олвину предстояло сталкиваться с этим новым умонастроением все чаще и чаще.

Джизирак казался моложе, словно бы огонь жизни в нем обрел себе новую пищу и стал более живо гореть в его крови. Несмотря на свой возраст, он оказался одним из тех, кто уже приготовился принять перемены, принесенные Олвином в Диаспар.

— А у меня для тебя новости, Олвин, — сказал он. — Мне кажется, ты знаешь сенатора Джирейна...

Олвин сначала было задумался, но потом вспомнил:

— Ну, конечно! Он ведь был один из первых, кого я встретил в Лизе. Он, кажется, входит в их делегацию?

— Да. Мы с ним хорошо узнали друг друга. Это блестящий ум, и в человеческой душе он разбирается куда тоньше, чем я вообще считал возможным, хотя и говорит мне, что по стандартам Лиза его следует рассматривать только как начинающего... Так вот, пока он здесь, он берется

за одно предприятие, которое, надо думать, придется тебе очень и очень по душе. Он, видишь ли, берется проанализировать те побудительные мотивы, которые заставляют нас оставаться в пределах города, и убежден, что, как только ему станет ясно, каким именно образом они были нам... м-м... предписаны, он вполне сможет их устранить. Нас — тех, кто с ним сотрудничает — уже человек двадцать.

— И ты — один из них?

— Да, — ответил Джизирак, и при этом он был настолько близок к смущению, как Олвин еще никогда за ним не замечал. — Это нелегко и уж, во всяком случае, мало приятно, но, знаешь, это стимулирует, стимулирует!..

— А как он работает?

— Он взял за основу наши саги. Ему сконструировали целую серию, и он изучает наши реакции на обстановку, когда мы в эти саги погружаемся. Вот уж никогда не думал, что в моем-то возрасте снова займусь развлечениями детства!

— А что это такое — саги? — спросил Хилвар.

— Воображаемые миры мечты, — ответил Олвин. — По крайней мере, большинство из них — воображаемые, потому что некоторые-то основаны и на исторических фактах. Их миллионы, записанных в Хранилищах Памяти города. Ты можешь выбрать себе по вкусу любое приключение, и оно будет представляться тебе совершенно реальным, пока соответствующие импульсы поступают в мозг. — Он повернулся к Джизираку:

— А в какие же саги приглашает вас Джирейн?

— Да знаешь, большая их часть, как ты и мог бы предположить, касается выхода из Диаспара. Некоторые переносят нас в наши самые ранние существования — настолько близко к основанию города, насколько мы только можем туда подобраться. Джирейн, понимаешь ли, убежден, что, чем ближе он станет к источнику тех побудительных причин, тем легче ему будет подорвать их...

Олвина эта новость сильно приободрила. Его собственный труд был бы завершен всего лишь наполовину, открой он крепостные врата Диаспара только для того, чтобы убедиться, что охотников пройти через них — нет.

— И вы действительно хотите получить способность выйти из города? — проницательно спросил Хилвар.

— О нет! — без всяких колебаний ответил Джизирак. — Меня при одной мысли об этом в дрожь кидает. Но, видите ли, я отдаю себе отчет в том, что мы были не правы, не правы абсолютно, когда считали Диаспар

миром, вполне достаточным для человека, и логика подсказывает мне, что что-то должно быть предпринято, чтобы исправить эту ошибку. Но вот на эмоциональном уровне я все еще не способен покинуть город. Возможно, именно таким я и останусь навсегда... Джирейн же считает, что сможет добиться, чтобы многие из нас посетили Лиз, и я полон решимости помочь ему в его эксперименте... даже если половину времени я и тешу себя надеждой, что ничего у него не выйдет!

Олвин взглянул на своего старого наставника с новым уважением. Сам-то он уже не отвергал силу внушения и верно оценивал мотивы, которые могут заставить человека действовать в защиту логики. И он не мог не сравнить холодное мужество Джизирака с паническим бегством в будущее Хедрона, хотя теперь, когда он стал лучше понимать человеческую натуру, он уже больше не решался осуждать Шута за его поступок.

Он не сомневался в том, что Джирейну удастся задуманное. Быть может, Джизирак и окажется слишком уж стар, чтобы переломить пожизненную привычку — как бы ему ни хотелось начать все сначала. Но это уже не имело никакого значения, потому что успех все-таки ждал других, направляемых мудрыми психологами Лиза. А как только несколько человек вырвутся из своей миллиарднолетней раковины, последуют ли за ними остальные — станет только вопросом времени.

Он задумался над тем, что же произойдет с Диаспаром и Лизом, когда барьеры рухнут полностью. Лучшие элементы культуры обоих должны быть сохранены и спаяны в новую и более здоровую культуру. Это была задача устрашающих масштабов, и для ее решения потребуются вся мудрость и все терпение, на которые окажутся способны оба общества.

Некоторые из трудностей этого предстоящего притирания друг к другу уже были очевидны. Гости из Лиза — очень вежливо — отказались жить в домах, которые им предоставил город. Они раскинули свое временное жилье в Парке, среди обстановки, напоминающей им родину. Единственным исключением стал Хилвар: хотя ему и не слишком-то по душе было жить в доме с неопределенными стенами и эфемерной мебелировкой, он все-таки отважно воспользовался гостеприимством Олвина, успокоенный обещанием, что они останутся тут недолго.

Никогда в жизни Хилвар не чувствовал себя одиноким, но вот в Диаспаре он познал это состояние. Город оказался для него еще более странным и чужим, чем даже Лиз для Олвина, его подавляла бесконечная сложность общения множества совершенно незнакомых людей, которые, казалось, заселяли каждый дюйм пространства вокруг него. В Лизе он знал каждого, независимо от того, встречался он с этим человеком лично или

нет. Но, проживи он и тысячу жизней, он не смог бы перезнакомиться со всеми Диаспаре, и хотя он и отдавал себе отчет в том, что чувство этой непреодолимости иррационально, оно все-таки подавляло его. Только преданность другу удерживала его в этом мире, не имеющем ничего общего с его собственным.

Он часто пытался анализировать свое отношение к Олвину. Эта дружба, как он понимал, возникла из того же источника, который питал его сочувственное отношение ко всем слабым и борющимся за жизнь существам. Это могло бы удивить тех, кто думал об Олвине как о человеке сильной воли, упрямом эгоцентристе, не нуждающемся ни в чьей нежности и не способном ответить ею.

Хилвар, однако, знал Олвина куда глубже. С самого начала он инстинктивно почувствовал, что Олвин — исследователь, а все исследователи ищут что-то такое, что ими утрачено. Они редко это находят, и еще реже достижение цели приносит им радость большую, чем сам процесс поиска.

Хилвар сначала не понимал, чего же именно ищет Олвин. Им руководили силы, приведенные в движение в незапамятные времена гениями, которые спланировали Диаспар с таким извращенным мастерством, или же еще более талантливыми людьми, противостоявшими первым. Как и любое человеческое существо, Олвин до известного предела был машиной, его действия предопределялись наследственностью. Это, конечно, не отменяло потребности в понимании и добром к нему отношении и в равной же степени не давало ему иммунитета против одиночества и отчаяния. Для его собственного народа он был настолько непредсказуем, что его сограждане порой забывали, что он живет теми же чувствами, что и они. Понадобился Хилвар — человек совсем иных жизненных обстоятельств, чтобы разглядеть в Олвине просто еще одно человеческое существо.

В течение первых нескольких дней в Диаспаре Хилвар повстречал людей больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, но ни с кем не сблизился. Живя в такой скученности, обитатели города выработали известную сдержанность по отношению друг к другу, и преодолеть ее было нелегко. Единственное уединение, которое им было ведомо, было уединение мышления, и они упорно оберегали его, даже когда занимались сложными и бесконечными общественными делами Диаспара. Хилвару было их жаль, хотя он и понимал, что они не испытывают ни малейшей нужды в сочувствии. Они не отдавали себе отчета в том, чего оказались лишены, им неведомо было теплое чувство общности, связывающее всех и

каждого в телепатическом социуме Лиза. Более того, значительная часть из тех, с кем ему случалось поговорить, смотрели на него с жалостью — как на человека, ведущего беспросветно скучную и никчемную жизнь, хотя все они были достаточно вежливы, чтобы и вида не показать, что они думают именно так.

К Эристону и Итании — опекунам Олвина — Хилвар быстро потерял всякий интерес, увидев, что это хорошие люди, но поразительные посредственности. Его очень смущало, когда он слышал как Олвин называет их отцом и матерью: в Лизе эти слова все еще сохраняли свое древнее биологическое значение. Ему требовалось постоянное умственное усилие — помнить, что законы жизни и смерти оказались перетасованы создателями Диаспара, и порой Хилвару даже казалось — несмотря на все столпотворение вокруг него, — что город наполовину пуст, потому что в нем нет детей.

Его интересовало, что же теперь станет с Диаспаром, теперь, когда его долгая изоляция подошла к концу. Лучшее, что мог бы сделать город, решил он, — это уничтожить Хранилища Памяти, которые в продолжении столь долгого времени держали его в замороженном состоянии. Столь чудесные сами по себе, вершина, настоящий триумф науки, создавшей их, они все-таки были порождением больной культуры, страшившейся слишком многого. Некоторые из этих фобий основывались на реальностях, но остальные, как теперь представлялось совершенно ясно, покоились лишь на разыгравшемся воображении. Хилвару было известно кое-что о той картине, которая стала вырисовываться в ходе изучения интеллекта Вэйнамонда. Через несколько дней это предстояло узнать и Диаспару — и обнаружить, сколь многое в его прошлом было просто выдумкой...

Но если бы Хранилища Памяти оказались уничтожены, через тысячу лет город был бы мертв, поскольку его обитатели потеряли способность к воспроизводству. Это была дилемма, от которой, казалось, совершенно некуда было уйти, но Хилвар уже нащупал одно из возможных решений. На любую техническую проблему всегда находится ответ, а народ Лиза достиг огромных высот в биологии. То, что было когда-то сделано, можно и переделать — если только Диаспар сам этого захочет.

Но сначала город обязательно должен осознать, что же именно он потерял. Этот процесс займет много лет, быть может — даже столетий. Но это — начало. Очень скоро влияние первых уроков потрясет Диаспар так же глубоко, как и сам контакт с Лизом.

Лиз, впрочем, тоже будет потрясен до самого основания. Несмотря на всю разницу этих культур, они возникли из единого корня и питались теми

же иллюзиями. Они обе станут здоровее, когда еще раз спокойно и пристально взглянутся в свое утраченное прошлое.

Амфитеатр был рассчитан на все население Диаспара, и едва ли хотя бы одно из десяти миллионов его мест пустовало. Глядя вниз со своего места далеко наверху на этот огромный овал, Олвин не мог не подумать о Шалмирейне. У обоих кратеров была одна и та же форма, да и размера они были почти одинакового. Если бы заполнить воронку Шалмирейна людьми, то она стала бы очень похожа на эту.

Была, однако, между ними и одна фундаментальная разница. Гигантская чаша Шалмирейна существовала, так сказать, во плоти, этот же амфитеатр — нет. И никогда прежде он не существовал. Это был просто фантом, рисунок электрических зарядов, дремлющих в памяти Центрального Компьютера, пока не наступала нужда вызвать их к жизни. Олвин отлично знал, что в действительности он находится в своей комнате и что все эти миллионы людей, которые его сейчас окружают, тоже сидят по домам. До тех пор пока он не предпринимал попытки сдвинуться с места, иллюзия оставалась полной. Вполне можно было поверить, что Диаспар опустел, а все его жители собрались здесь, в этой огромной чаше.

Не однажды за прошедшие тысячелетия жизнь в городе замирала, чтобы его население могло собраться на Великой Ассамблее. Олвин знал, что и в Лизе сейчас происходит нечто подобное. Но там встречались просто мыслями.

Большинство из окружающих были ему знакомы — вплоть до расстояния, на котором лицо еще можно было различить невооруженным глазом. Более чем в миле от него и тысячью футов ниже располагалось небольшое круглое возвышение, к которому и было приковано сейчас внимание всего мира. С трудом верилось, что можно будет что-то разглядеть с такого расстояния, но Олвин знал, что, когда начнутся выступления, он будет видеть и слышать все происходящее с такой же ясностью, как и всякий другой в Диаспаре.

Какая-то дымка возникла на возвышении в центре амфитеатра. Тотчас же из нее материализовался Коллитрэкс — лидер группы, в задачу которой входило реконструировать прошлое на основе информации, принесенной на Землю Вэйнамондом. Задача эта была невообразимо трудна, почти невыполнима и не только из-за того, что были вовлечены непостижимо долгие временные периоды. Лишь однажды, с помощью Хилвара, Олвину удалось прикоснуться к внутреннему миру этого странного существа,

которое они открыли — или которое открыло их. Для Олвина мысли Вэйнамонда оказались столь же лишены смысла, как тысяча голосов, надрывающихся одновременно в какой-то огромной резонирующей камере. И все же ученые Лиза смогли разобраться в этом хаосе, записать его и проанализировать уже не спеша. Прошел слух — Хилвар не опровергал его, но и не подтверждал, — что то, что обнаружили ученые, оказалось столь странно, что почти ничем не напоминало ту историю, картины которой все человечество считало истинными на протяжении миллиарда лет.

Коллитрэкс начал речь. Для Олвина, как и для любого другого в Диаспаре, его чистый и ясный голос исходил, казалось, из точки, расположенной от слушателя всего в нескольких дюймах. Затем — было трудно понять, каким образом (точно так же, как геометрия сна отрицает логику и все же не вызывает никакого удивления у спящего) — Олвин оказался рядом с Коллитрэксом в то же самое время, как он сохранял свое место высоко на склоне амфитеатра. Этот парадокс ничуть его не изумил. Он просто принял его, как воспринимал и все другие манипуляции с пространством и временем, возможность которых была предоставлена в его распоряжение.

Очень коротко Коллитрэкс коснулся общепринятой истории человечества. Он говорил о загадочных людях цивилизаций эпохи Рассвета, которые не оставили после себя ничего, кроме горстки великих имен и каких-то тусклых легенд об Империи. Даже в самом начале — так принято было считать — Человек стремился к звездам и в конце концов достиг их. В течение миллионов лет он бороздил пространства Галактики, прибирая к рукам одну звездную систему за другой. Затем из тьмы за краем Галактики Пришельцы нанесли свой удар и отобрали у Человека все, что он уже считал своим.

Отступление в тесные рамки Солнечной системы было горьким и продолжалось несколько столетий. Сама Земля едва избежала уничтожения благодаря легендарным битвам, которые гремели вокруг Шалмирейна. Когда все кончилось, Человеку остались только его воспоминания и мир, на котором он родился.

С тех пор все было лишь затянувшимся антипиком. И, как крайняя ирония, Галактическая Империя, которая надеялась повелевать Вселенной, покинула даже большую часть своего собственного мирка и раскололась на две изолированные культуры Лиза и Диаспара — оазисы жизни в пустыне, разделившей их столь же эффективно, как межзвездные пропасти.

Коллитрэкс остановился. Олвину, как и каждому в гигантском

амфитеатре, казалось, что историк смотрит ему прямо в глаза — взглядом свидетеля таких вещей, в которые он и посейчас еще не в силах поверить.

— Вот и все, что касается сказок, в которые все мы свято веруем с тех самых пор, как началась наша писаная история, — снова заговорил Коллитрэкс. — А теперь я должен вам сообщить, что все эти сказки лживы — лживы в каждой своей детали, лживы настолько, что даже сейчас мы еще не сумели полностью соотнести их с действительностью...

Он подождал, чтобы значение сказанного дошло до каждого. После чего, медленно и тщательно выговаривая слова, передал Лизу и Диаспару знание, которое было получено от Вэйнамонда.

...Даже то, что Человек достиг звезд, было неправдой. Вся его крохотная империя ограничивалась орбитой Плутона и Персефоны — межзвездное же пространство оказалось таким барьером, преодолеть который Человек был не в силах. Вся его цивилизация теснилась вокруг Солнца и была еще очень молода, когда... звезды сами пришли к ней.

Влияние этого, должно быть, оказалось потрясающим. Несмотря на все свои неудачи, Человек никогда не сомневался, что настанет день — и он покорит глубины пространства. Он верил и в то, что, если Вселенная и населена равными ему, в ней тем не менее нет никого, кто превосходил бы его по развитию. Теперь же Земле стало ясно, что она была не права в обоих случаях и что в межзвездных глубинах существуют умы куда более великие, чем человеческий. На протяжении многих столетий — сначала в кораблях, построенных другими, а позже — и собственной постройки на основе заимствованных знаний — Человек исследовал Галактику. И повсюду он находил культуры, которые мог оценить, но с которыми не мог сравниться, а время от времени ему, встречался и разум, обещавший вскоре вообще выйти за пределы человеческого понимания.

Удар этот был невообразимо тяжек, но человечество не было бы самим собой, если бы не справилось с ним. Став печальнее и неизмеримо мудрее, Человек вернулся в Солнечную систему — безрадостно размышлять над приобретенными знаниями. Он готовился принять вызов Галактики, и постепенно возник план, порождавший кое-какие надежды на будущее.

Когда-то физические науки представляли для Человека самый большой интерес. Теперь же он с еще большим горением накинудся на исследования в области генетики и науки о мозге. Он был преисполнен решимости любой ценой добраться до самых пределов своей эволюции.

Этот великий эксперимент на протяжении миллионов лет поглощал всю энергию человечества, но Коллитрэкс сумел уложить все эти страдания, все эти жертвы всего в несколько слов. Впрочем, эксперимент

принес Человеку его самые замечательные достижения. Человек уничтожил болезни. Он мог бы теперь жить вечно, если бы пожелал. А овладев телепатией, он подчинил себе самую неуловимую силу из всех.

Он был готов снова, опираясь уже на собственные завоевания, ринуться к звездам — туда, в непомерные просторы Галактики. Он хотел встретить, как равных, обитателей тех миров, от которых когда-то отвернулся в уязвленном самолюбии. Он хотел сыграть и свою роль в истории Вселенной...

И все это он исполнил. Вот с тех-то времен — самых, возможно, продолжительных в истории — и появились легенды о Галактической Империи. Но все это оказалось забыто в ходе трагедии, которая подвела Человека к его концу...

Империя существовала, по меньшей мере, миллион лет. Надо полагать, она пережила множество кризисов, возможно, даже войн, но все это просто потерялось на фоне величественного движения социумов разумных существ в направлении зрелости.

Мы можем гордиться той ролью, которую наши предки сыграли во всей этой истории, — сказал Коллитрэкс после очередной паузы. — Даже достигнув плато в развитии культуры, они ничуть не утратили инициативы. Здесь нам придется иметь дело, скорее, с умозаключениями, нежели с конкретными фактами, но представляется, что эксперименты, которые одновременно ознаменовали падение Империи и венчание ее славой, были вдохновлены и направлялись именно Человеком.

Философия, лежавшая в основе этих экспериментов, выглядит следующим образом.

Контакт с другими представителями разумной жизни показал землянам, насколько глубоко суждение мыслящего существа об окружающем мире зависит от его физического облика и от тех органов чувств, что находится в его распоряжении. Много спорили о том, можно ли представить себе истинный облик Вселенной — если вообще вообразить ее себе — только с помощью разума, свободного от всех физических ограничений, иначе говоря — Чистого Разума. Это была концепция, обычная для множества древних верований, и представляется странным, что идея, не имевшая под собой ни малейшего рационального основания, стала в конце концов одной из величайших целей науки.

В естественной Вселенной никто никогда не встречал интеллект, лишенный телесной оболочки, — продолжал Коллитрэкс. — Ученые поставили себе целью создать таковой. Навыки и знания, которые сделали это возможным, забыты нами вместе со многими другими. Ученым того

времени были подвластны все силы природы, все тайны времени и пространства. Тогда как наши мысли являются продуктом невероятно сложной структуры мозговых клеток, связанных друг с другом сетью нервных проводников, те ученые стремились создать мозг, компоненты которого не были бы материальны на молекулярном или атомном уровне, а состояли бы из элементов самого вакуума. Такой мозг, если его, конечно, можно так называть, использовал бы для своей деятельности электрические силы или взаимодействия еще более высокого порядка и был бы совершенно свободен от тирании вещества. И действовал бы он с куда большей скоростью, чем любой мозг органического происхождения. Он смог бы существовать до тех пор, пока во Вселенной оставался бы хотя бы один-единственный эрг энергии, а для возможностей его вообще не усматривалось границ. Созданный однажды, он сам стал бы развивать свои потенциалы — да такие, какие не в состоянии были предвидеть и сами его создатели.

И вот, опираясь в основном на опыт, накопленный за время своего собственного возрождения, человечество Земли предложило, что стоит попытаться приступить к созданию такого существа. Никогда еще перед суммарным интеллектом Вселенной не ставилось проблемы более фундаментальной и сложной, и после нескольких столетий споров вызов был принят. Все разумные обитатели Галактики объединили свои усилия, чтобы сообща выполнить замысленное.

Более миллиона лет отделило мечту от ее воплощения. Поднялись и склонились к закату многие цивилизации, впустую тратился тяжкий труд множества миров на протяжении целых столетий, но цель никогда не тускнела. Возможно, настанет день, когда мы в подробностях узнаем всю эту историю, это самое грандиозное и самое продолжительное усилие в истории человечества. Сегодня же нам известно только то, что все это закончилось катастрофой, которая едва не погубила Галактику.

Мозг Вэйнамонда отказывается детально следовать перипетиям этого периода. Существует некий узкий промежуток времени, который для него заблокирован, но, как нам представляется, заблокирован он лишь его собственным страхом. В начале этого промежутка мы видим межзвездное сообщество разумных существ на вершине своей славы, в нетерпеливом ожидании триумфа науки. В конце же, спустя всего какую-то тысячу лет, эта могучая организация поколеблена и сами звезды потускнели, словно бы лишённые части своей энергии. Над Галактикой простирается крыло страха, связанное с понятием «Безумный Разум»...

Нетрудно догадаться, что же именно произошло в этот короткий

промежуток, — продолжал Коллитрэкс. — Чистый Разум был создан, но либо он оказался безумен, либо, как с большей вероятностью следует из других источников, оказался неумолимо враждебен веществу. В течение столетий он терзал Вселенную, пока его не обуздали силы, о которых мы можем только догадываться. Какое бы оружие ни использовала доведенная до крайности Галактическая Империя, оно истощило энергию огромнейшего числа звезд. Из воспоминаний об этом трагическом периоде и возникли некоторые — хотя и не все — легенды о Пришельцах. Об этом я сейчас расскажу подробнее.

Безумный Разум не мог быть уничтожен, поскольку был бессмертен. Его оттеснили к краю Галактики и там каким-то образом заперли — мы не знаем как. Его тюрьмой стала созданная искусственно странная звезда, известная под названием Черное солнце, и там он и остается по сей день. Когда Черное солнце умрет, он снова станет свободен. Сказать, насколько далеко в будущем лежит этот день, не представляется возможным.

Коллитрэкс умолк, словно бы забывшись в собственных размышлениях, совершенно безразличный к тому, что на него глядели глаза всего мира. Воспользовавшись этим долгим молчанием, Олвин стал оглядывать тесно сидящих вокруг него людей, стремясь прочесть, угадать, что у них на уме теперь, когда они познали откровение и ту таинственную угрозу, которая отныне призвана заменить миф о Пришельцах. По большей части на лицах его сограждан застыло выражение крайнего недоверия: они все еще не могли отказаться от своего фальшивого прошлого и принять вместо него еще более фантастическую версию реальности.

Коллитрэкс заговорил снова. Тихим, приглушенным голосом он принялся описывать последние дни Империи. По мере того как перед ним разворачивалась картина того времени, Олвин все больше понимал, что это был век, в котором ему очень хотелось бы жить. Век приключений и не знающего преград, сверхъестественного мужества, которое все-таки сумело вырвать победу из зубов катастрофы.

— Хотя Галактика и была опустошена Безумным Разумом, — говорил Коллитрэкс, — ресурсы Империи оставались еще огромными и дух его не был сломлен. С отвагой, которой мы можем только поражаться, великий эксперимент был возобновлен ради поиска ошибки, которая привела к трагедии. Разумеется, теперь нашлись многие и многие, кто выступил против этой работы, предрекая усугубление катастрофы, но все-таки возобладало противоположное мнение. Проект продвигался вперед во всеоружии знания, добытого такой дорогой ценой, и на этот раз он привел к успеху.

Народившийся новый вид разумных существ имел интеллект, который просто невозможно было измерить. Но этот разум был совершенно ребяческим. Мы не знаем, был ли это расчет его создателей, но представляется вероятным, что они считали это неизбежным. Потребовались бы миллионы лет, чтобы он достиг зрелости, и ничего нельзя было предпринять, чтобы ускорить этот процесс. Вэйнамонд оказался самым первым из этих созданий. По Галактике должны были быть рассеяны и другие, но мы считаем, что создано их было не так уж и много, поскольку Вэйнамонд никогда не встречал своих собратьев.

Создание этого разума стало величайшим достижением галактической цивилизации. Человек играл в ней ведущую, даже, возможно, абсолютно доминирующую роль. Я не упоминаю здесь население собственно Земли, поскольку ее история — не более чем ниточка в огромном ковре. В силу того что на протяжении всего этого периода наиболее предприимчивые люди уходили в космос, наша Земля неизбежно стала в высшей степени консервативной и в конце концов даже выступила против ученых, которые создали Вэйнамонда. И уж конечно она не сыграла никакой роли в заключительном акте Труд Галактической Империи был теперь- завершен. Люди той эпохи смотрели на звезды, которые они исковеркали в своем отчаянном стремлении побороть опасность, и приняли решение. Они постановили оставить нашу Вселенную в распоряжении Вэйнамонда...

Здесь чувствуется какая-то тайна... тайна, которой нам никогда не постичь, потому что Вэйнамонд не в состоянии оказать нам помощь. Нам известно только, что Галактическая Империя вошла в контакт с чем-то... очень странным... и обладающим необычайным величием, с чем-то, что находилось далеко за кривизной пространства, на другом конце самого Космоса. Что это такое было — мы можем только гадать. Но контакт был, вероятно, необыкновенно важен, а обещания столь же велики. В течение очень короткого промежутка времени наши предки и все дружественные им сообщества разумных существ прошли путь, оценить который мы не в состоянии. Мысли Вэйнамонда, похоже, ограничены нашей Галактикой, однако, читая их, мы смогли проследить за самым началом этого великого и загадочного предприятия. Вот образ того, что нам удалось реконструировать. Сейчас вы увидите то, что происходило более миллиарда лет назад...

...Бледный венок минувшей своей славе, висит в пустоте медленно вращающееся колесо Галактики. По всей его ширине тянутся огромные пустые туннели, вырванные из структуры Галактики Безумным Разумом, — в веках, которые воспоследуют, эти раны будут затянуты дрейфующими

звездами. Но никогда уже этим странницам не восполнить былого великолепия.

Человек собирался покинуть Вселенную — так же как давным-давно он покинул свою планету. И не только Человек, но и тысяча других рас, трудившихся вместе с ним над созданием Галактической Империи. Они собрались все вместе здесь, на самом краю Галактики, всей своей толщиной лежащей между ними и целью, которой им не достичь еще долгие века.

Они собрали космический флот, перед которым было бессильно воображение. Его флагманами были солнца, самыми маленькими кораблями — планеты. Целое шаровое скопление со всеми своими солнечными системами, со всеми своими мирами готовилось отправиться в полет через бесконечность.

Длинная струя огня пронзила вдруг сердце Вселенной, скачками передвигаясь от звезды к звезде. В кратчайший миг умерли тысячи солнц, отдав свою энергию чудовищному шару из светил, который метнулся вдоль оси Галактики и теперь становился все меньше и меньше, уходя в неизмеримую глубину космической пропасти...

— Таким вот образом Империя покинула нашу Вселенную, чтобы встретить свою судьбу в ином месте, — продолжил Коллитрэкс. — Когда его восприемники, интеллекты типа Вэйнамонда, достигнут своей полной формы, оно, возможно, возвратится снова. Но этот день еще далеко впереди.

Вот она, в самом кратком и самом поверхностном описании, — история Галактической Империи. Наша собственная история, которая представляется нам такой важной, — не более как запоздалый и, в сущности, тривиальный эпилог, хотя он и настолько сложен, что мы до сих пор не можем разобраться во всех деталях. Представляется, что многие из старых рас, не снedaемые жаждой приключений, отказались покинуть свои родные планеты. Большинство из них постепенно пришли в упадок и более не существуют, хотя некоторые все еще живы. Наш собственный мир едва избежал подобной же участи. Во время Переходных Столетий, которые в действительности-то длились миллионы лет, знание о прошлом было либо утрачено, либо уничтожено преднамеренно. Последнее представляется более вероятным, хотя в это и трудно поверить. В течение столетий и столетий Человек тонул в исполненном предрассудков и все же научном варварстве, искажая историю, чтобы избавиться от ощущения своего бессилия и чувства провала. Легенды о Пришельцах абсолютно лживы, хотя отчаянная борьба против Безумного Разума, несомненно,

способствовала их зарождению. И наших предков ничто не тянуло обратно, на Землю, кроме разве что душевной боли...

Когда мы сделали это открытие, одна проблема в особенности нас поразила. Не было никогда никакой битвы при Шалмирейне, и все же Шалмирейн существовал и существует и по сей день. Более того, это было одно из величайших орудий уничтожения из всех когда-либо построенных.

Потребовалось некоторое время, чтобы разрешить эту загадку, но, когда ответ был найден, он оказался очень простым. Давным-давно у Земли был ее единственный спутник — Луна. Когда в бесконечном противоборстве приливов и тяготения Луна наконец стала падать, возникла необходимость уничтожить ее. Шалмирейн был построен именно для этой цели, и только позже вокруг него навились легенды, которые вам известны.

Коллитрэкс улыбнулся своей огромной аудитории. Улыбка эта была несколько печальна:

— Таких легенд — частью правдивых, частью лживых — много. Есть в нашем прошлом и другие парадоксы, которые еще предстоит разрешить. Но это уже проблемы, скорее, для психолога, нежели для историка. Даже сведениям, хранящимся в Центральном Компьютере, нельзя доверять до конца, поскольку они несут на себе явственные свидетельства того, что в очень далекие времена их подчищали.

На Земле лишь Диаспар и Лиз пережили период упадка — первый благодаря совершенству своих машин, второй — в силу своей изолированности и необычных интеллектуальных способностей народа. Но обе эти культуры, даже когда они стремились возвратиться к своему первоначальному уровню, уже не могли преодолеть искажающего влияния страхов и мифов, унаследованных ими.

Эти страхи не должны больше преследовать нас. Не дело историка предсказывать будущее — я должен только наблюдать и интерпретировать прошлое. Но урок этого прошлого вполне очевиден: мы слишком долго жили вне контакта с реальностью, и теперь наступило время строить жизнь по-новому.

В молчаливом удивлении шагал Джизирак по улицам Диаспара и не узнавал города — настолько он отличался от того, в котором наставник Олвина провел все свои жизни. Но он все-таки знал, что это — Диаспар, хотя и не задумывался над тем, откуда это ему известно.

Улицы были узкими, здания — ниже, а Парка и вовсе не было. Или, лучше сказать, его еще не было. Это был Диаспар накануне перемен, Диаспар, еще распахнутый в мир и Вселенную. Город накрывало бледно-голубое небо, усеянное размытыми перьями облаков, — они медленно поворачивались и изгибались под ветром, который мел по поверхности этой еще совсем юной Земли.

Пронизывая облака, летя и выше их, в небе двигались и более материальные воздушные странники. На высоте многих миль над городом корабли, связывающие Диаспар с внешним миром, мчались по своим маршрутам в самых разных направлениях, прошивая небеса кружевными строчками инверсионных следов, Джизирак долго смотрел на эту загадку, на это чудо — распахнутое небо, и страх касался его души неосязаемыми холодными пальцами. Он почувствовал себя голым и беззащитным, ошеломленный осознанием того, что весь этот такой мирный голубой купол — не более чем тончайшая из скорлупок, за которой простирается космос, таинственный и угрожающий.

Но этот страх был недостаточно силен, чтобы парализовать волю. Какой-то долей сознания Джизирак понимал, что все это сон, а сон не причинит ему ровно никакого вреда. Он просто проплывет сквозь это наваждение, пробуя его на вкус, пока не проснется в городе, который ему хорошо знаком.

Он направлялся в самое сердце Диаспара, к той его точке, где в его эпоху будет стоять усыпальница Ярлана Зея. Теперь, в этом древнем городе, здесь ничего еще не было, стояло только низкое, круглое здание, в которое вело множество сводчатых дверей. Около одной из них его дожидался какой-то человек.

Джизираку следовало бы онеметь от изумления, но теперь его уже ничто не могло удивить. Почему-то это казалось совершенно правильным и естественным — оказаться лицом к лицу с человеком, построившим Диаспар.

Полагаю, вы меня узнали, — обратился к нему Ярлан Зей.

— Ну, конечно! Ведь я тысячи раз видел ваше изображение. Вы — Ярлан Зей, а это все — Диаспар, каким он был миллиард лет назад. Я понимаю, что все это мне снится и что ни вас, ни меня в действительности здесь нет...

— Тогда, что бы ни произошло, вам не следует тревожиться. Поэтому идите за мной и помните, что ничто не может причинить вам никакого вреда, поскольку стоит вам только пожелать — и вы проснетесь в Диаспаре своей эпохи...

Джизирак послушно проследовал за Ярланом Зеем в здание. Свой мозг в эти минуты он мог бы сравнить с губкой — все впитывающей и ничего не подвергающей сомнению. Какое-то воспоминание или даже всего лишь отдаленное эхо воспоминания предупреждало его о том, что именно должно сейчас вот произойти, и он знал, что в былые времена при виде этого он сжался бы от ужаса. Теперь же он совсем не испытывал страха. Он не только сознавал себя под защитой понимания того, что все здесь происходящее — нереально, но и присутствие Ярлана Зея казалось неким талисманом против любых опасностей, которые могли бы ему встретиться.

На движущихся тротуарах, ведущих в глубину здания, стояло всего несколько человек, и поэтому, когда Джизирак с Ярланом Зеем остановились наконец в молчании возле длинного, вытянутого цилиндра, который, как знал Джизирак, может унести его в путешествие, сведшее бы его в будущем с ума, рядом с ними никого не оказалось. Его проводник жестом указал ему на отворенную дверь. Джизирак задержался на пороге не более чем на какую-то долю секунды, а затем решительно ступил внутрь.

— Вот видите, — улыбнулся Ярлан Зей. — Ну а теперь расслабьтесь и помните, что вы — в полнейшей безопасности... никто и ничто вас не тронет...

Джизирак верил ему. Только едва уловимую дрожь беспокойства ощутил он, когда в полной тишине вход в туннель перед ними скользнул навстречу и машина, внутри которой они находились, двинулась в глубь земли, набирая скорость. Какие бы страхи он ни испытывал прежде, все они теперь бы, ли прочно забыты — смятые, оттесненные горячим желанием поговорить с этой загадочной личностью, явившейся из такого далекого прошлого.

— Не кажется ли вам странным, — обратился к нему Ярлан Зей, — что, хотя небо для нас и открыто, мы пытаемся зарыться поглубже в землю? Это, знаете ли, начало той болезни, закономерное окончание которой вы наблюдаете в своей эпохе. Человечество пытается спрятаться, оно

страшится того, что лежит там, в пространстве, и скоро оно накрепко запрет все двери, которые еще ведут во Вселенную.

— Но ведь я только что видел в небе над Диаспаром космические корабли, — возразил Джизирак.

— Больше вы их не увидите. Мы уже потеряли контакт со звездами, а очень скоро мы уйдем и с планет Солнечной системы. Нам потребовались миллионы лет, чтобы выйти в космическое пространство, и только какие-то столетия, чтобы снова отступить к Земле... А спустя совсем непродолжительное время мы покинем и большую часть самой Земли...

— Но почему? — спросил Джизирак. Ответ был ему известен, но что-то тем не менее все-таки заставило его задать этот вопрос.

— Нам необходимо было убежище, которое избавило бы нас от страха перед смертью и от боязни пространства. Мы были больным народом и не хотели более играть никакой роли во Вселенной, и вот мы сделали вид, будто ее попросту не существует. Мы видели, как хаос пирует среди звезд, и тяготели к миру и стабильности. А из этого со всей непреложностью следовало, что Диаспар должен быть закрыт, с тем чтобы ничто извне не могло в него проникнуть...

Мы создали город, который вам так хорошо известен, и сфабриковали фальшивое прошлое, чтобы скрыть от самих себя нашу слабость. О, мы были не первыми, кто прибегнул к такому способу... но мы оказались первыми, кто проделал все с такой тщательностью. И мы переделали сам дух Человека, лишив его устремлений и яростных страстей, дабы он был вполне доволен миром, которым теперь обладал.

Понадобилась тысяча лет, чтобы возвести город со всеми его механизмами. По мере того как каждый из нас завершал свою профессиональную задачу, из его памяти стирали все воспоминания, замещая их тщательно разработанным рисунком новых, фальсифицированных, и личность человека оказывалась погребенной в электронных катакомбах города до тех пор, пока не придет время снова вызвать ее к жизни...

И вот настал день, когда в Диаспаре не осталось ни единой живой души. Бодрствовал только Центральный Компьютер, повинующийся внесенным в него указаниям и контролирующий Хранилища Памяти, в которых спали мы все. Не осталось ни одного человека, который сохранил бы хоть какой-то контакт с прошлым... Таким вот образом в этот самый момент и начала свою поступь новая История...

Затем, один за другим, через определенные интервалы, мы были вызваны из электронных лабиринтов компьютерной памяти и снова

облеклись плотью. Как механизм, который был только что построен и теперь получил толчок к действию, Диаспар принялся выполнять обязанности, для которых он и был создан.

И все же некоторых из нас с самого начала обуревали сомнения. Вечность — срок долгий. Мы отдавали себе отчет в том, на какой риск идем, не предусматривая никакой отдушины и пытаясь полностью отгородиться от Вселенной. С другой стороны, мы не могли обмануть ожиданий всего нашего сообщества, и поэтому работать над модификациями, которые представлялись необходимыми, нам пришлось втайне.

Неповторимые были одним из наших изобретений. Им предстояло появляться через весьма продолжительные интервалы времени, с тем чтобы, если позволят обстоятельства, обнаруживать за пределами Диаспара все, что было достойно усилия, потребовавшегося бы для контакта. Нам и в голову не приходило, что понадобится так много времени для того, чтобы одному из Неповторимых сопутствовал успех... Не ожидали мы и того, что успех этот окажется столь грандиозен...

Несмотря на заторможенность своих способностей к критическому анализу, составляющую самую суть сновидения, Джизирак бегло подивился тому, как это Ярлан Зей может с таким знанием дела рассуждать о вещах, которые имели место спустя миллиард лет после того времени, когда он существовал. Это было очень странно... он, видимо, просто потерял ориентировку — где находится во времени и пространстве...

А путешествие между тем подходило к концу. Стены туннеля уже больше не мелькали молниями мимо окон. И Ярлан Зей начал говорить с настойчивостью и властностью, которых у него только что и в помине не было.

— Прошлое кончилось. Мы сделали свое дело — для хорошего ли, для дурного ли, и с этим — все! Когда вы, Джизирак, были созданы, в вас был вложен страх перед внешним миром и то чувство настоятельной необходимости оставаться в пределах города, которое вместе с вами разделяют все граждане Диаспара. Теперь вы знаете, что страх этот ни на чем не основан, что он был навязан вам искусственно... И вот я, Ярлан Зей, тот, кто дал его вам, освобождаю вас от этого бремени. Вы понимаете?

На этих последних словах голос Ярлана Зея стал звучать все громче и громче, пока, казалось, не заполнил собой весь мир. Подземный вагон, в котором Джизирак двигался с такой скоростью, стал расплываться, дрожать, как будто сон подходил к концу. Изображение тускнело, но он все еще слышал повелительный голос, громом врывающийся в его сознание:

«Вы больше не боитесь, Джизирак! Вы больше не боитесь».

Он отчаянно пытался проснуться — так вот ныряльщик стремится вырваться на поверхность из морской глубины. Ярлан Зей исчез, но все еще продолжалось какое-то междуцарствие: голоса, которые были ему знакомы, но которые он не мог точно соотнести с определенными людьми, поощрительно обращались к нему, он ощущал, как его поддерживают чьи-то заботливые руки... И вслед за этим стремительным рассветом произошло возвращение к реальности.

Он открыл глаза и увидел Хилвара, Джирейна и Олвина, которые стояли подле него с выражением нетерпения на лицах. Но он едва обратил на них внимание: его мозг был слишком полон чудом, которое простерлось перед ним и над ним, — панорамой лесов и рек и голубым куполом открытого неба.

Он оказался в Лизе. И ему не было страшно!

Никто не беспокоил его, пока бесконечный этот миг навсегда отпечатывался в его сознании. Наконец, насытившись пониманием того, что все это действительно реальность, он повернулся к своим спутникам.

— Благодарю вас, Джирейн, — произнес он. — Мне, знаете ли, никак не верилось, что вы добьетесь успеха...

Психолог, глядевший очень довольным, осторожно подкручивал что-то в небольшом аппарате, который висел в воздухе рядом с ним.

— Вы доставили нам несколько весьма неприятных минут, — признался он.

— Раз или два вы начинали задавать вопросы, на которые невозможно было ответить в пределах логики, и я даже опасался, что вынужден буду прервать эксперимент.

— А... предположим... Ярлан Зей не убедил бы меня? Что бы вы тогда делали?..

— Пришлось бы сохранить вас в бессознательном состоянии и переправить обратно в Диаспар, где вы пробудились бы естественным образом и так бы и не узнали, что за время сна побывали в Лизе.

— Но тот образ Ярлана Зея, который вы мне внушили... как многое из того, что он мне рассказывал, — правда?..

— Я убежден, что большая часть. Меня, впрочем, куда сильнее заботило то, чтобы моя маленькая сага оказалась не столько исторически безупречной, сколько убедительной, но Коллитрэкс изучил ее и не обнаружил никаких ошибок. Вне всякого сомнения, она полностью совпадает со всем тем, что нам известно о Ярлане Зее и основании Диаспара.

— Ну вот, теперь мы можем открыть город по-настоящему, — сказал Олвин. — На это, само собой, уйдет уйма времени, но в конце концов мы сумеем нейтрализовать все страхи, и каждый, кто пожелает, сможет покинуть Диаспар...

Уйма времени — это уж точно, — сухо отозвался Джирейн. — И не забывайте, что Лиз едва ли достаточно велик, чтобы принять несколько сот миллионов посетителей, если все ваши вздумают вдруг явиться сюда. Я не считаю, что это так уж вероятно, но и исключать такую возможность не стоит...

— Проблема решится автоматически, — возразил Олвин. — Пусть Лиз крохотен, но мир-то — велик! И с какой стати мы должны оставлять его в распоряжении пустыни?

— Экий ты все еще мечтатель, Олвин, — с улыбкой произнес Джизирак. — А я-то все думал — что же еще осталось для тебя?

Олвин промолчал. Джизирак задал вопрос, который все настойчивей и настойчивей звучал в его собственной голове — все последние несколько недель. Он так и остался в задумчивости, бредя позади всех, когда они стали спускаться с холма в направлении Эрли. Не станут ли столетия, лежащие перед ним, спокойными, лишенными каких бы то ни было новых впечатлений?

Ответ был в его собственных руках. Он разрядил заряд, уготованный ему судьбой. Теперь, возможно, он мог начать жить.

В достижении цели есть некоторая особенная печаль. Она — в осознании того, что цель эта, так долго остававшаяся вожделенной, наконец покорена, что жизни теперь нужно придавать новые очертания, приспособлять ее к новым рубежам. Олвин в полной мере познал эту печаль, когда бродил в одиночестве по лесам и полям Лиза. Даже Хилвар не сопровождал его, потому что в жизни у каждого мужчины наступает момент, когда он отдаляется и от самых близких своих друзей.

Блуждания эти не были бесцельными, хотя он и никогда не решал заранее, в каком селении остановится на этот раз. Не какое-то определенное место искал он. Ему нужно было новое настроение, какой-то толчок... в сущности, новый для него образ жизни. Диаспар теперь в нем уже не нуждался. Семена, которые он занес в город, быстро проросли, и он теперь ничего не мог сделать, чтобы ускорить или притормозить перемены, которые там происходили.

Этому мирному краю тоже предстояло перемениться. Олвину частенько приходило в голову — правильно ли он поступил, открыв в своем безжалостном стремлении удовлетворить собственное любопытство древний путь, связывающий обе культуры. Но конечно же лучше было, чтобы Лиз узнал правду, — ведь и он, как и Диаспар, почивал на своих собственных опасениях и совершенно беспочвенных мифах.

Иногда Олвин задумывался и над тем, какие же черты приобретет новое общество. Он всей душой верил в то, что Диаспар должен вырваться из темницы Хранилищ Памяти и снова восстановить цикл жизни и угасания. Знал он и то, что, по глубочайшему убеждению Хилвара, в этом нет ничего невозможного, хотя детали предлагаемой другой методики и оказались для Олвина слишком уж сложны. Что ж, тогда, может быть, снова наступят времена, когда живая человеческая любовь не будет для Диаспара чем-то недостижимым.

Неужели, раздумывал Олвин, любовь и была тем, чего ему всегда не хватало в Диаспаре, и ее-то на самом деле он и стремился найти? Теперь он слишком хорошо понимал, что, когда играющая молодая сила натешена, честолюбивые устремления и любознательность удовлетворены, остается еще нетерпение сердца. Никому не дано было жить настоящей жизнью, если его не осенял прекрасный союз любви и желания, который и не снился Олвину, пока он не побывал в Лизе.

Он бродил по поверхности планет Семи Солнц — первый человек за миллиард лет. Но теперь это для него мало что значило. Порой ему представлялось, что он отдал бы все свои достижения, если бы только мог услышать крик новорожденного и знать, что это дитя — его собственное...

В Лизе он в один прекрасный день мог найти то, к чему так стремился. Людям этого края были свойственны сердечная теплота и понимание других, чего — ему теперь. Это было ясно — не было в Диаспаре. Но, прежде чем он мог предаться отдыху и обрести покой, ему предстояло принять еще одно решение.

В его руки пришла власть. Этой властью он все еще обладал. Эта была ответственность, которой он когда-то искал и взвалил на себя с радостью, но теперь он понимал, что не найдет успокоения, пока эта ответственность будет лежать на нем. И вместе с тем отказаться от нее означало предать оказанное ему доверие...

Он обнаружил, что находится в селений, изрезанном массой каналов, и стоит на берегу большого озера. Разноцветные домики, замершие, словно на якорях, над едва заметными волнами, составляли картину почти неправдоподобной красоты. Здесь была жизнь, от домиков веяло теплотой человеческого общения и комфортом — всем, чего ему так не хватало там, среди величия и одиночества Семи Солнц. Здесь он и принял свое решение.

Настанет день, когда человечество снова будет готово отправиться к звездам. Какую новую главу напишет Человек там, среди этих пылающих миров, Олвин не знал. Это будет уже не его заботой. Его будущее лежит здесь, на Земле.

Но, прежде чем повернуться к звездам спиной, он совершит еще один полет.

Когда Олвин пригасил вертикальную скорость корабля, город находился уже слишком далеко внизу, чтобы можно было признать в нем дело рук человеческих, и уже заметна была кривизна планеты. Еще немного спустя они увидели и линию терминатора, на которой — в тысячах миль от них — рассвет свершал свой бесконечный переход по безбрежным пространствам пустыни. Над ними и вокруг них сияли звезды, все еще блистающие красотой, несмотря на то, что когда-то они утратили часть своего великолепия.

Хилвар и Джизирак молчали, догадываясь, но не зная с полной уверенностью, чего ради Олвин затеял этот полет и почему он пригласил их сопровождать его. Разговаривать не хотелось. Под ними медленно разворачивалась безрадостная панорама, лишенная даже малейших признаков жизни. Ее опустошенность давила и того и другого, и Джизирак

неожиданно для себя самого почувствовал, как в нем вспыхнул гнев на людей прошлого, которые благодаря своему небрежению позволили угаснуть красоте Земли.

Ему страстно захотелось верить, что Олвин прав, говоря о том, что все это еще можно переменить. И силы и знания все еще находились в распоряжении Человека, и необходима была только воля, чтобы повернуть столетия вспять и заставить океаны вновь катить свои волны. Вода еще была — там, глубоко под поверхностью. А если необходимо, то можно создать заводы, которые дадут планете эту воду.

За годы, лежащие впереди, предстояло сделать так много! Джизирак знал, что стоит на рубеже двух эпох: он уже повсюду чувствовал убыстряющийся пульс человечества. Предстояло, конечно, столкнуться с гигантскими проблемами, но Диаспар пойдет на это. Переписывание прошлого набело займет многие сотни лет, но, когда оно будет завершено, Человек снова обретет почти все, что оказалось им утрачено.

И все же — в состоянии ли он будет обрести действительно все? — подумал Джизирак. Трудно было поверить в то, что Галактика снова может быть покорена, и если даже это и будет достигнуто, то ради какой цели?

Олвин прервал его размышления, и Джизирак отвернулся от экрана.

— Мне хотелось, чтобы вы это увидели, — тихо произнес Олвин. — Другой возможности вам может не представиться.

— Разве ты покидаешь Землю?

— Нет. Я по горло сыт космосом. Даже если другие цивилизации еще и выжили в Галактике, я как-то сомневаюсь, что они стоят того, чтобы их разыскивать. Так много работы на Земле! Теперь я знаю, что мой дом — она. И я не собираюсь снова покидать этот дом.

Он смотрел вниз, на бескрайние пустыни, но глаза его видели воды; которые будут плескаться на этих пространствах через тысячи лет. Человек снова открыл свой мир, и он сделает его прекрасным, пока останется на нем. А уж потом...

— Мы не готовы уйти к звездам, и пройдет очень много времени, прежде чем мы снова примем их вызов. Я все думал — что мне делать с этим кораблем? Если он останется здесь, на Земле, меня все время будет подмывать воспользоваться им и я потеряю покой. В то же время я не могу распорядиться им бездарно. У меня такое чувство, будто мне его доверили и я просто должен использовать его на благо нашего мира...

Поэтому я решил вот что: я пошлю его в Галактику с роботом в роли пилота, чтобы выяснить — что же произошло с нашими предками, и, если возможно, узнать, ради чего они покинули нашу Вселенную, что они

собирались найти. Это, должно быть, представлялось им чем-то невообразимо чудесным, если в стремлении к нему они оставили столь многое...

Робот не знает усталости, сколько бы времени ни заняло у него это путешествие. И настанет день, когда наши двоюродные братья получат мое послание и узнают, что мы ждем их здесь, на Земле. Они вернутся, и я надеюсь, что к тому времени мы станем достойны их, сколь бы велики ни были они в своем знании...

Олвин умолк, устремив взор в будущее, контуры которого он определил, но которого ему, возможно, и не суждено увидеть. Пока Человек перестраивает свой мир, этот корабль будет пересекать пропасти тьмы между галактиками и возвратится лишь через многие тысячи лет. Может быть, он, Олвин, еще будет здесь, чтобы встретить его, но даже если нет, он все равно был вполне удовлетворен своим решением.

— Мне представляется, что ты рассудил мудро, — отозвался Джизирак. И тут же, в последний раз, отголосок бывшего страха вспыхнул в его душе, чтобы помучить его: — Но, предположим, что корабль войдет в контакт с чем-то таким, встречи с чем мы бы не хотели... — Голос его упал, поскольку он осознал источник своей тревоги, и он улыбнулся кривой улыбкой, в которой был упрек самому себе и которая тотчас же прогнала последний призрак Пришельцев.

Олвин, однако, отнесся к делу куда серьезнее, чем того ожидал Джизирак.

— Ты забываешь, что скоро у нас помощником будет Вэйнамонд, — сказал он. — Мы еще не знаем, какими возможностями он располагает, но в Лизе все, похоже, думают, что возможности эти потенциально безграничны. Разве не так, а, Хилвар?

Хилвар ответил не сразу. Вэйнамонд был еще одной огромной загадкой, таким гигантским вопросительным знаком, который всегда будет нависать над будущим человечества, пока это существо остается на Земле, — это было верно. Но очевидно было и то, что эволюция Вэйнамонда в сторону самоосознания ускорила в результате его общения с философами Лиза. Они страстно надеялись на сотрудничество в будущем с этим супермозгом-ребенком, веря в то, что человечеству удастся в результате сэкономить целые эпохи, которых бы потребовала его естественная эволюция.

— Я не совсем уверен... — признался Хилвар. — Я думаю, что мы не должны ожидать слишком многого от Вэйнамонда. Мы теперь можем ему помочь, но ведь в его бесконечной жизни мы промелькнем всего лишь

ничтожнейшим эпизодом. Я не думаю, что его конечное предназначение имеет к нам какое-либо отношение.

Олвин с изумлением уставился на него.

— Почему ты так считаешь? — спросил он.

— Мне трудно объяснить... Просто интуиция, — ответил Хцлвар. Он мог бы добавить еще кое-что, но сдержался. Такие вещи как-то не предназначались для передачи, и, хотя Олвин конечно же не стал бы смеяться над его мечтой, он не решился обсудить проблему даже со своим другом.

Это было больше чем мечта, в этом он был уверен, и она отныне постоянно станет преследовать его. Каким-то образом она завладела его сознанием еще во время того неопишемого, ни с кем не разделенного контакта, который случился у него с Вэйнамондом там, у Семи Солнц. Знал ли сам Вэйнамонд, какой должна быть его одинокая судьба?

Наступит день, когда энергия Черного солнца иссякнет и оно освободит своего узника. И тогда на окраине Вселенной, когда само время начнет спотыкаться и останавливаться, Вэйнамонд и Безумный Разум должны будут встретиться среди остывших звезд.

Это столкновение может опустить занавес над всем Мирозданием. И все же оно не будет иметь ничего общего с маленькими заботами Человека, и он так никогда и не узнает о его исходе...

— Смотрите! — воскликнул внезапно Олвин. — Вот это-то я и собирался вам показать. Знаете, что это такое?

Корабль находился над Полюсом, и планета под ними представляла собой безукоризненную полусферу. Глядя вниз на пояс сумерек, Джизирак и Хилвар в одно и то же мгновение видели на противоположных концах мира и рассвет и закат. Символика была столь безукоризненна и так поражала душу, что они запомнили этот момент на всю жизнь.

В этой Вселенной наступал вечер. Тени удлинялись к востоку, который не встретит еще одного рассвета. Но повсюду вокруг звезды были еще юны, а свет утра еще только начинал брезжить. И в один прекрасный день Человек снова двинется по тропе, которую он избрал.